

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

209

АРХЕОЛОГИЯ
СРЕДНЕЙ АЗИИ,
СИБИРИ
И КАВКАЗА

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
В СОТРУДНИЧЕСТВЕ С РИМСКО-ГЕРМАНСКИМ ЦЕНТРАЛЬНЫМ МУЗЕЕМ,
МАЙНЦ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

Издаются с 1939 г.

209

АРХЕОЛОГИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ,
СИБИРИ И КАВКАЗА

МОСКВА «НАУКА» 1993

ББК 63.4
А 87

Ответственный редактор
доктор исторических наук И. Т. КРУГЛИКОВА

Редакционная коллегия:

О. С. Гадзяцкая (ответственный секретарь), *В. И. Гуляев*,
А. Н. Кирпичников (зам. ответственного редактора), *Ю. А. Краснов*,
В. В. Кропоткин, *И. Т. Кругликова* (ответственный редактор),
В. П. Любин, *В. М. Массон*, *Н. Я. Мерперт*, *Р. М. Мунчаев*,
В. В. Седов (зам. ответственного редактора), *Д. Б. Шелов*

Рецензенты:

кандидат исторических наук *В. А. Трифионов*,
доктор исторических наук *И. Н. Хлопин*

Редактор издательства *Е. А. Сенькив*

А 87 Археология Средней Азии, Сибири и Кавказа.— М.: Наука, 1993.—
112 с., ил.— (Крат. сообщ. Ин-та археологии; Вып. 209).
ISBN 5-02-010097-8

Сборник посвящен актуальным проблемам археологии Средней Азии, Кавказа и Сибири. Публикуются материалы широкого хронологического диапазона — от палеолита до средневековья. Рассматриваются спорные вопросы истории и периодизации отдельных культур, дается анализ различных категорий быта и искусства. Статьи и публикации содержат новые данные о поселениях и могильниках, а также погребальных обрядах различных культур.

Для археологов.

А $\frac{050400000-070}{042(02)-93}$ 62-93(1)

ББК 63.4

ISBN 5-02-010097-8

© Институт археологии, 1993
© Российская Академия наук, 1993

СРЕДНЯЯ АЗИЯ

В. А. Алекшин

МУСТЬЕРСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ ПЕРЕДНЕЙ И СРЕДНЕЙ АЗИИ

Погребения среднего палеолита постоянно находятся в поле зрения исследователей. За последние годы им посвящено несколько обобщающих статей¹. Повышенный интерес к феномену мустьерских захоронений вызван тем, что только они указывают на отношение древнепалеолитических охотников к смерти и свидетельствуют о том, что общество более не безучастно к утрате своих членов. Изучение неандертальских могил может дать ключ к решению проблемы происхождения погребального обряда и его дальнейшей эволюции.

Работы последних лет демонстрируют различные подходы к анализу мустьерских погребений. В статьях Ю. А. Смирнова основательно проработана источниковедческая база, дана обстоятельная критика источников, введено важное понятие комплектности скелетных останков (наличие костей всех или почти всех отделов скелета, что свидетельствует о преднамеренном захоронении трупа), выявлены различные способы обращения с телами умерших до захоронения, произведена реконструкция погребальных обрядов².

Однако подход Ю. А. Смирнова уязвим по двум позициям. Он не учитывает временную эволюцию погребальных обрядов и их локальную специфику в различных ареалах³, что заставляет более осторожно относиться к основным выводам автора: 1) мустьерские погребения появляются сразу в законченном виде⁴ со всеми присущими погребениям чертами; 2) различные способы обращения с телами умерших сосуществуют, не обнаруживая тенденций развития; 3) между погребениями среднего и верхнего палеолита нет различий⁵.

Культурно-хронологический подход с успехом использует в своих работах Г. Ульрих. Рассматривая развитие способов обращения с телами умерших и эволюцию погребальных обрядов эпохи палеолита на территории Европы, он приходит к следующему заключению: захоронения нерасчлененных трупов относительно редки и появляются только в конце эпохи мустье⁶. Однако Г. Ульрих не уделяет должного внимания реконструкции погребального обряда как системы, включающей набор традиционных ритуалов и материальных элементов⁷. Не используя этот методический прием, нельзя решить проблему соотношения мустьерских и верхнепалеолитических захоронений и выявить варибельность погребальных обрядов на различных стоянках.

Ф. Чейз и Х. Дайбл, анализируя мустьерские захоронения двух различных культурных ареалов (Европа и Ближний Восток), приходят к мнению, что они существенно отличаются от верхнепалеолитических⁸. Для их работ характерно сочетание отмеченных выше недостатков. Они не придерживаются хронологического принципа при анализе погребальных комплексов и относят разновременные могилы Схула и Кафзеха к одному позднему мустьерскому периоду⁹. Гиперкритичное отношение к источникам порой приводит их к ошибкам при реконструкции погребальных обрядов, когда они упускают или необоснованно отрицают наличие некоторых ритуалов в захоронениях эпохи мустье¹⁰.

Особую позицию занимает Р. Гаджетт, который полностью отрицает существование преднамеренных погребений в среднем палеолите ¹¹.

Из всего изложенного выше следует, что любой анализ мустьерских захоронений должен включать следующие операции: 1) критику источников; 2) определение хронологии погребальных комплексов; 3) реконструкцию погребальных обрядов по отдельным памятникам и регионам.

В данной статье рассматриваются захоронения Юго-Западной и Средней Азии, которые составляют более половины всех имеющихся мустьерских погребальных комплексов. Необходимо отметить, что все неандертальцы, найденные в Шанидаре, похоронены преднамеренно, что подтверждается ритуальной позой умерших. Мнение Р. Солецкого об их гибели в результате неоднократных обвалов свода пещеры ¹² следует отвергнуть. В культурных напластованиях Шанидара часто встречаются камни, упавшие со свода пещеры, и очаги. При таких обстоятельствах вопреки суждению Р. Солецкого ¹³ нельзя считать доказанной связь с погребальными комплексами очагов и камней, расположенных над могилами.

В настоящее время имеются факты и наблюдения, противоречащие гипотезе А. П. Окладникова ¹⁴ о нарушении хищником могилы ребенка в Тешик-Таше. В 1958 г. Г. Ульрих указывал, что следы на костях тешик-ташского ребенка имеют иной облик, чем от погрыза животным ¹⁵. К этому можно добавить, что кости скелета, оставшиеся неприкрытыми в разрытой могиле, не сохранились бы до наших дней. В 1982 г. Г. Ульрих установил, что кости ребенка из Тешик-Таша, и в особенности большая берцовая кость, обнаруживают отчетливые следы нарезов, сделанных специальными орудиями ¹⁶, т. е. свидетельствуют о намеренном удалении мягких тканей до захоронения. Г. Ульрих сделал вывод ¹⁷, к которому присоединился Ю. А. Смирнов ¹⁸, и с которым, на мой взгляд, следует согласиться: в Тешик-Таше похоронены кости расчлененного трупа мальчика (по мнению Г. Ф. Дебеца ¹⁹) или девочки (по мнению В. П. Алексеева ²⁰). Возле останков ребенка лежало пять пар рогов козла, образующих, по мнению А. П. Окладникова, магический круг, опоясывающий захоронение ²¹. Следует, однако, отметить, что центром круга погребение не было. Кроме того, рога обнаружены и в других культурных напластованиях грота. Нельзя полностью исключить вероятность использования рогов в качестве каркаса могилы, но доказать сейчас это невозможно. Вопрос о связи рогов козла с погребением ребенка остается открытым. Связь костей ребенка и расположенного рядом костра ²² также остается недоказанной.

Все рассматриваемые в статье захоронения безынвентарны. Ритуальные приношения зафиксированы только в могилах Кафзех 11 и Схул V.

Система абсолютных датировок слоев мустьерских стоянок Юго-Западной Азии весьма несовершенна. Одни из этих дат ошибочны ²³, другие противоречат археологической периодизации ²⁴. Наблюдается большое расхождение между датами слоя, полученными разными методами ²⁵. Поэтому хронология погребений построена мною с учетом археологической периодизации, опирающейся только на те абсолютные даты, которые ей не противоречат.

Слои Кафзеха, в которых найдены погребения (XVII—XXII) синхронны Табуну D. Табун D датируется 85—60 тыс. лет до настоящего времени ²⁶, Кафзех XVII—XXII — 78—40 тыс. лет ²⁷ или 90—100 тыс. лет ²⁸. Кебара XII отчасти синхронна слою Табун C, имеет дату 62—56 тыс. лет ²⁹. Слой Табун C датируется в пределах 55—50 тыс. лет ³⁰. Ранние захоронения Схула (III, VI, VII, VIII, IX) датируются этим же интервалом ³¹. Поздние погребения Схула (I, II, IV, V) одновременны слою Табун B (46—35 тыс. лет) ³².

В Шанидаре (Ирак) захоронения обнаружены в слое D, верхняя часть которого датируется в пределах 53—44 тыс. лет ³³. Погребения верха слоя D

(№ 1, 3, 5) относятся именно к этому временному интервалу и, видимо, частично синхронны поздним могилам Схула. Другая группа могил (Шанидар 2, 4, 6, 8, 9), вероятно, синхронна погребальным комплексам раннего Схула. Захоронение ребенка в Шанидаре (№ 7) имеет еще более раннюю дату (примерно 60 тыс. лет) и, видимо, одновременно погребению в Кебаре. Абсолютную хронологическую позицию погребений в Амуде и Тешик-Таше определить не удалось.

Рассмотрим погребальные обряды мустьерского времени (Палестина, Ирак, Средняя Азия). Все умершие (29 могил) похоронены в культурном слое стоянок. Трупы опускали в неглубокие ямы искусственного или естественного происхождения и укладывали в скорченном положении на боку (11 случаев) или вытянуто на спине (5 случаев). Погребальная пища в могилах не зафиксирована. Устойчивая ориентация погребенных не наблюдается. Красная краска, за исключением двух случаев, в погребальных обрядах не используется.

В ранних мустьерских захоронениях Палестины (Кафзех 8, 9, 11, 15) скелеты лежат перпендикулярно входу в грот. В более поздних погребениях (Табун С, Схул В) костяки лежат параллельно входу в пещеры. Отмеченная особенность позволяет считать захоронение в Амуде, где скелет лежал перпендикулярно входу в пещеру, более ранним, чем могилы Табуна и Схула. Та же тенденция проявляется в Шанидаре, где ранние могилы расположены перпендикулярно входу (№ 4, 6, 7), а поздние параллельно ему (№ 1, 3).

Ю. А. Смирнов и Г. Ульрих установили, что в некоторых мустьерских могилах похоронены расчлененный труп или часть трупа³⁴. Рассмотрим вопрос о соотношении этих захоронений с теми погребениями, в которых обнаружены комплектные костяки. В ранней хронологической группе могил Палестины (Кафзех, Кебара, Амуд) представлено 3 комплектных и 6 неполных скелетов, в средней (ранний Схул, Табун С) — один комплектный, один почти комплектный и 4 неполных костяка, в поздней (поздний Схул) — 3 комплектных и один неполный скелеты. В ранних погребениях Шанидара найдено 2 комплектных и один неполный костяки, в поздних — один комплектный и 2 почти комплектных. Таким образом, в Юго-Западной Азии в эпоху мустье фиксируется постепенное вытеснение практики захоронения неполных трупов обычаем погребения полных и почти полных трупов. Наиболее отчетливо указанная тенденция прослеживается в Схуле. Учитывая эти наблюдения, можно полагать, что неполное захоронение ребенка в Тешик-Таше предшествует поздним погребениям Схула и Шанидара.

В пяти могилах с неполными скелетами (Схул II, VI, IX; Шанидар 2; Тешик-Таш) анатомического порядка костей нет. Вероятно, это объясняется полным расчленением трупов перед погребением. Все захоронения этого типа в Ираке и Палестине (за исключением Схул II) датируются горизонтом раннего Схула. По всей вероятности, могилу Тешик-Таш тоже можно отнести к этому периоду.

Рассмотрим особенности погребальных обрядов по каждому региону. В Палестине мустьерские погребения расположены на площадках перед входами в пещеры, часть погребенных ориентирована головой ко входу. В Шанидаре и Тешик-Таше могилы неандертальцев находились в пещере, часть умерших ориентирована головой к выходу.

В захоронениях Палестины найдены посмертные приношения (Схул V, Кафзех 11) и фрагменты красной краски (Кафзех 8, 11). В могилах Ирака и Средней Азии аналогичные факты не зафиксированы. В некоторых мужских погребениях Палестины (Кафзех 11, Схул V) скелеты лежат на спине, ноги согнуты в коленях, одна или обе руки согнуты в локтях, а кисть или кисти находятся справа и слева от лица. В Шанидаре мужчина лежит на спине с

вытянутыми ногами, одна рука находится на груди, другая ампутирована в локтевом суставе³⁵. Только в Палестине зафиксированы неполные захоронения без костей рук (Кафзех 8, Схул VI, VII).

Могилы Кафзеха и Схула разновременны. Поэтому вполне естественны различия в погребальных обрядах обоих памятников. В захоронениях Кафзеха найдена красная краска, камень использовали для устройства могил либо для прикрытия трупов, умершие лежат перпендикулярно входу. В Схуле погребенные лежат параллельно входу в грот, красная краска и использование камня в устройстве могил не зафиксированы.

Вместе с тем наблюдается сходство ряда погребальных ритуалов обеих стоянок. Кроме уже упомянутой позы мужчин, в могилах (Кафзех 11, Схул V) следует указать на те захоронения, в которых ноги трупов были согнуты так, что они оказались перпендикулярными оси тела (Кафзех 8, 9, Схулу IV, V). И в Кафзехе и в Схуле есть погребения, где представлены череп или часть черепа животного (Кафзех 11, Схул V).

Появление специфических черт погребальной обрядности в различных регионах и сохранение их в течение тысячелетий свидетельствуют о наличии у мустьерского населения Юго-Западной Азии традиций духовной культуры, которые передавались от поколения к поколению.

В погребальных обрядах отражается половозрастная дифференциация умерших. Положение скелетов на спине за единственным исключением (Табун С) встречено в могилах мужчин и мальчиков (Кафзех 11, Схул V, Кебара, Шанидар 1). Только мужские погребения характеризуются рядом отклонений от нормы стандартного ритуала: наличием красной краски (Кафзех 8, 11), использованием камня при сооружении могил и перекрытии трупов (Кафзех 8, 11; Шанидар 4), помещением посмертных приношений (Кафзех 11, Схул V), наличием на дне могилы подстилки из кустарника и цветов (Шанидар 4). Захоронения без черепов принадлежат только мужчинам. В Кебаре череп был извлечен спустя длительное время после похорон. При этом шейные позвонки и нижняя челюсть остались в могиле. Анатомический порядок костей не был нарушен. Перед нами древнейшее свидетельство существования ритуала, который сохранился в Палестине вплоть до VII тыс. до н. э.³⁶ В погребении мужчины (Шанидар 3) отсутствует не только череп с нижней челюстью, но и шейные позвонки. Череп могли извлечь из могилы вскоре после или даже до похорон.

Детские захоронения отличаются от взрослых также некоторыми деталями погребального ритуала. Авторы раскопок утверждают, что ребенок Схул I, видимо, был похоронен сидя³⁷. Ю. А. Смирнов предполагает в данном случае перезахоронение уже разложившегося трупа³⁸. Графическое воспроизведение погребения в публикации таково³⁹, что, кроме вывода о необычной степени скорченности умершего, нельзя сказать ничего определенного. В захоронении Кафзех 10 ребенок, видимо, лежал на спине, его левая рука согнута неестественным образом и подведена под голову. Детское погребение в Шанидаре (№ 7) имеет необычную для могил этого памятника северную ориентировку.

Все эти факты, видимо, свидетельствуют о зарождении системы половозрастных классов уже в эпоху мустье, причем погребальный обряд подчеркивает приоритетную роль мужчин в общественной и духовной жизни общества.

Оставляя в стороне вопрос о сходстве мустьерских погребений с верхнепалеолитическими, который требует специального анализа, укажем лишь на то, что от захоронений более поздних эпох (мезолит, неолит, бронза) мустьерские отличаются рядом особенностей. В них преобладают некомплектные скелеты, которые лежали в 16 из 29 могил. В мустьерских захоронениях нет погребальной пищи и инвентаря, практически отсутствует красная краска, не

зафиксированы посмертные ритуалы типа тризны. Эти факты позволяют рассматривать мустьерские погребения в качестве особого этапа в эволюции погребальной обрядности. Вместе с тем в мустьерских захоронениях уже представлены те элементы, полное развитие которых привело в дальнейшем к формированию канонического погребального обряда. Таким образом, мустьерские могилы свидетельствуют о ритуалах, магия которых, надо полагать, отличалась от семантики погребального обряда последующих археологических эпох.

Ключ к расшифровке кода мустьерского погребального обряда дает анализ некомплектных захоронений, в которых отсутствуют кости ног; ног и рук; рук; ног и черепа; в одном случае отсутствует череп. Неполные захоронения указывают на посмертные манипуляции с трупами (расчленение), которые были широко распространены в эпоху палеолита⁴⁰.

Если расчленение было частичным, тогда неполный труп хоронили в анатомическом порядке (Амуд, Кебара, Кафзех 7, 8, 10, 15, Шанидар 3, 5, Схул VII). Если же расчленение было полным, тогда неполный труп хоронили в неанатомическом порядке (Схул II, VI, IX, Шанидар 2, Тешик-Таш). Отчлененные части трупов впоследствии тоже предавали земле, например захоронения костей ног (Схул III, VIII). Расчленению подвергались трупы мужчин, женщин и детей. Подобная практика обращения с умершими лишь отчасти объясняется страхом перед ними. Суть преднамеренного калечения усопших перед погребением заключалась в ином.

Вспомним медвежий праздник охотничьих народов. Смысл праздника заключается в том, что специально выращенного в неволе медведя торжественно убивают, мясо его поедают, а кости и череп укладывают в установленном месте. Люди верили, что вскоре кости опять покроются плотью и убитый медведь возродится к жизни. Эти ритуалы приумножения производящих сил природы (продуцирующие обряды) чрезвычайно архаичны. В. Р. Кабо показал, что их магия является одной из наиболее древних форм религии. Продуцирующие обряды восстанавливали нарушенное охотниками равновесие в природе, возрождая души убитых животных к новой жизни. Смерть и разрушение оказывается средством для возникновения новой жизни⁴¹.

Однако равновесие в природе поддерживалось не только количеством вооруженных животных. Высокая смертность в эпоху палеолита грозила полным исчезновением маленьким охотничьим группам. Для того чтобы их численность не уменьшалась, необходимы были защитные меры — обряды, магия которых возвращала бы к жизни умерших сородичей.

Находки расчлененных трупов или частей трупов в среднем палеолите показывают, что такие обряды появились очень рано, а их истоки, возможно, уходят в домустьерскую эпоху.

Сказанное предполагает, что погребальные обряды генетически восходят к продуцирующим обрядам, т. е. к обрядам размножения и плодородия.

Магия ранних форм погребальной обрядности возрождала умерших и тем самым предохраняла первобытные коллективы от полного физического исчезновения.

¹ Смирнов Ю. А. Мустьерские погребения: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1985; *Он же*. Древнейшие погребения (год открытия — 1986)//Природа. 1986. № 11. С. 52—68; *Smirnov Ju. A. Intentional human burial: Middle Paleolithic (Last Glaciation) beginnings//JWP. 1989. V. 3, N 2. P. 199—233; Ulrich H. Artificial injuries on fossil human bones and the problem of cannibalism: Skull cult and burial rites//Anthropos. 1982. V. 21. P. 253—262; Idem. Manipulation on human corpses, mortuary practice and burial in Palaeolithic times//Ibid. 1986. V. 23. P. 227—236; Chase Ph. G. Middle Paleolithic symbolism: A review of current evidence and interpretation//JAA. 1987.*

- V. 6, N 3. P. 263—296; *Gargett R. H. Grave shortcomings: The evidence for Neandertal burial//Curr. Anthropol.* 1989. V. 30, N 2. P. 157—177.
- 2 *Смирнов Ю. А. Мустьерские погребения. С. 1—12, 16—21; Он же. Древнейшие погребения. С. 66.*
- 3 Сравнительный анализ мустьерских погребений Западной Европы и Ближнего Востока был проведен более 20 лет назад американской исследовательницей С. Бинфорд. См.: *Binford S. R. A structural comparison of disposal of the dead in the Mousterian and the Upper Paleolithic//SJA.* 1968. V. 24, N 2. P. 139—148.
- 4 *Смирнов Ю. А. Древнейшие погребения. С. 61.*
- 5 *Смирнов Ю. А. Мустьерские погребения: (Вариант постановки вопроса)//КСИА. 1981. Вып. 165. С. 22.*
- 6 *Ulrich H. Manipulation... P. 235—236.*
- 7 *Алёкишин В. А. Погребальный обряд и проблемы культурногенетических и хронологических исследований в археологии//Теоретические проблемы современной археологии: Тез. докл. на симпозиум. методол. семинаров отд. археологии АН МССР, ЛОИА АН СССР и Совета молодых ученых отдела этнографии и искусствоведения АН МССР. Кишинев, 1988. С. 55, 56.*
- 8 *Chase Ph. G. Middle Paleolithic symbolism. P. 273.*
- 9 *Ibid. P. 274.*
- 10 *Ibid.*
- 11 *Gargett R. H. Grave shortcomings. P. 177.*
- 12 *Solecki R. S. Shanidar: The first flower people. N. Y., 1971. P. 178, 187, 204—206, 242.*
- 13 *Ibid.*
- 14 *Окладников А. П. Исследование мустьерской стоянки и погребения неандертальца в гроте Тешик-Таш, Южный Узбекистан (Средняя Азия)//Тешик-Таш: Палеолитический человек. М., 1949. С. 37. 38.*
- 15 *Ulrich H. Neandertalfunden aus der Sowjetunion//Hundert Jahre Neanderthaler: Neanderthal Centenary. Köln, Graz, 1958. S. 84.*
- 16 *Ulrich H. Artificial injuries... P. 260, 261.*
- 17 *Ulrich H. Manipulation... P. 233.*
- 18 *Смирнов Ю. А. Тешик-Таш — редкая форма погребения?//Проблемы взаимосвязи природы и общества в каменном веке в Средней Азии: Тез. докл. конф., посвящ. 50-летию открытия Тешик-Таша. Ташкент, 1988. С. 73—75.*
- 19 *Дебец Г. Ф. Об антропологических особенностях человеческого скелета из пещеры Тешик-Таш//Тр. Узб. фил. АН СССР. Сер. 1, История, археология. Ташкент, 1940. Вып. 1: Исследование палеолитической пещеры Тешик-Таш. С. 47.*
- 20 *Алексеев В. П. Палеоантропология земного шара и формирование человеческих рас: Палеолит. М., 1978. С. 56.*
- 21 *Окладников А. П. Исследование мустьерской стоянки... С. 38, 39.*
- 22 *Там же. С. 39.*
- 23 Например, даты Амуда, см.: *Chinzei K. The Amud cave and its deposits//The Amud man and his cave. Tokyo, 1970. P. 46—50; Boutié P. Les gisements moustériens de Palestine//Paleorient. 1979. V. 5. P. 28.*
- 24 Некоторые даты Кафзеха. См.: *Vandermeersch B. Les hommes fossiles de Qafzeh (Israel). P., 1981. P. 30; Boutié P. Les gisements moustériens... P. 42.*
- 25 Такое расхождение зафиксировано для серии дат Кафзеха (см.: *Vandermeersch B. Les hommes fossiles... P. 30; Masters P. M. An amino acid racemization chronology for Tabun//The transition from Lower to Middle Paleolithic and the origin of modern man. 1982. P. 49. 53. (BAR. Intern. Ser.; V. 151); Valladas H. et al. Thermoluminescence dating of Mousterian Proto-Cro-Magnon remains from Israel and the origin of modern man//Nature. 1988. V. 331, N 6157. P. 614—616) и Схула. См.: *Masters P. M. An amino acid racemization... P. 49, 53; Stringer C. B. ESR dates for the hominid burial site of Es Skhut in Israel//Nature. 1989. V. 338. P. 756—758.**
- 26 *Farrad W. R. Chronology and palaeoenvironment of Levantine prehistoric sites as seen from sediment studies//JAS. 1979. V. 6, N 4. P. 374; Jelinek A. J. The Middle Palaeolithic in the Southern Levant from perspective of the Tabun cave//Prehistoire du Levant: Chronologie et organisation de l'espace depuis les origines jusqu'au VI millenaire. P., 1981. P. 268. (Colloq. Intern. CNRS; N 598); Bouchud J. Etude preliminaire de la Faune provenant de la grotte du Djebel Qafzeh pres du Nazareth (Israel)//Paleorient. 1974. V. 2, N 1. P. 98; Bar Yosef O., Vandermeersch B. Notes concerning the possible age of the Mousterian layers in Qafzeh cave//Prehistoire du Levant. P. 284.*
- 27 *Masters R. M. An amino acid... P. 49.*
- 28 *Valladas H. et al. Thermoluminescence dating... P. 614—616.*
- 29 *Valladas H. et al. Thermoluminescence dates for the Neanderthal burial site at Kebara in Israel//Nature. 1987. V. 330, N 6144. P. 159, 160.*
- 30 *Farrad W. R. Chronology... P. 374, 376; Jelinek A. J. The Middle Palaeolithic in the southern Levant with comments on the appearance of modern Homo sapiens//The transition... P. 70, fig. 5; Masters P. M. An amino acid... P. 49.*
- 31 *Masters P. M. An amino acid... P. 49.*

- ³² Ibid.; *Farrand W. R. Chronology...* P. 377; *Masters P. M. An amino acid...* P. 49, 51.
- ³³ *Soleski R. S. Three Adult Neanderthal skeletons from Shanidar cave, Northern Iraq//Sumar. 1961. V. 17, N 1/2. P. 87, 88; Idem. Prehistory on Shanidar Valley, Northern Iraq//New Roads to yesterday. 1966. P. 99, 103, 123, fig. 3—13.*
- ³⁴ *Смирнов Ю. А. Древнейшие погребения...* С. 63—66; *Ulrich H. Manipulation...* P. 227—236.
- ³⁵ *Trinkaus E. The Shanidar Neanderthals. N. Y.; L., 1983. P. 20, 404, 405.*
- ³⁶ *Kenyon K. M. Digging up Jericho. N. Y., 1957. P. 63.*
- ³⁷ *McCown T. D. Mugharet es-Skhul: Descriptions and excavations//The Stone Age of Mount Carmel. Oxford, 1937. V. 1. P. 64, 97, 104.*
- ³⁸ *Смирнов Ю. А. Древнейшие погребения...* С. 64, 65.
- ³⁹ *McCown T. D. Mugharet es-Skhul. Pl. LII.*
- ⁴⁰ *Ulrich H. Manipulations...* P. 227—236; *Le Mort F. Traces de décharnement sur les ossements néandertaliens de Combe-Grenal (Dordogne)//BSPF. 1989. T. 86, N. 3. P. 79—87.*
- ⁴¹ *Кабо В. П. Первоначальные формы религии//Религия мира. 1986. М., 1987. С. 139—144.*

А. К. Каспаров

КОСТЯНЫЕ ОРУДИЯ ИЗ ПРОТОГОРОДСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ ЮЖНОЙ ТУРКМЕНИИ

Исследование типологии и методики изготовления орудий труда из камня и кости является значительной частью археологических исследований в любом регионе. Однако зачастую в подобного рода работах основное внимание уделяется лишь приемам обработки и производственным функциям орудий. О происхождении каменного материала, пошедшего на их изготовление, говорится уже гораздо меньше, о костном же сырье, как правило, — почти ничего.

На памятниках Южной Туркмении найдено огромное количество каменных и костяных орудий, изученных к настоящему моменту¹. В данном сообщении делается попытка установить видовую и анатомическую принадлежность обломков, пошедших на изготовление наиболее характерных костяных орудий труда на некоторых протогородских поселениях Южной Туркмении.

В распоряжении автора оказались материалы с памятника Джейтун (VI тысячелетие до н. э.), Илгылы-депе (IV—III тысячелетие до н. э.), Алтын-депе (III тысячелетие до н. э.) и Саразм (III—II тысячелетие до н. э.). Первые три поселения находятся в предгорной полосе Копет-Дага, последнее — в долине р. Зеравшан, в 15 км к западу от Педжикента.

В просмотренных нами материалах основную массу составляют костяные проколки. Иные орудия единичны и в подавляющем большинстве случаев из-за сильной обточенности не поддаются определению.

Материал из Джейтуна включает в себя 69 орудий, из которых 38 составляют проколки, 28 — скребки и обломки от них и, кроме того, 2 лощила и иголка, изготовленные из неопределимых костей. Многие проколки обточены с большим искусством и имеют сильно заполированные края, что придает им в сечении почти правильную округлую или овальную форму. К сожалению, большинство из них представляют собой фрагменты костных стенок без эпифизов и также оказываются неопределимыми. Удалось определить лишь 2 обломка левых проксимальных (верхних) эпифизов передней и задней метаподий козла или барана, возможно дикого. Один фрагмент нижнего эпифиза метаподии (не ясно, какой) козы или овцы домашней, 1 обломок проксимального эпифиза правой задней метаподии джейрана, 1 обломок проксимального эпифиза левой лучевой овцы или козы домашней и 2 фрагмента проксимального эпифиза метаподии не определимого мелкого полорогого.

Следующая группа орудий — скребки, изготовленные из обломков лопатки. Шейка лопатки и суставная поверхность сохранены и играют роль рукоятки

орудия. «Лезвием» является утолщенный задний край лопатки с небольшим участком тонкой костной стенки вдоль него. Лопаточный гребень удален. Всего в коллекции представлен 31 экз. скребков и обломков от них, из которых 7 фрагментов принадлежали домашней овце, 15 — овце или козе, 3 — джейрану и 3 — сайге. Два обломка определить не удалось. Среди обломков лопаток овец и коз правых оказалось 13 экз., левых — 11. В остальных случаях сторона тела достоверно неопределима. Характер излома орудий в большинстве случаев практически одинаков: обламывалась рабочая часть инструмента примерно в 6—8 см от края суставной поверхности лопатки.

На памятнике Илгынлы-депе за три сезона раскопок обнаружено 22 костяных орудия, из них 21 составляют костяные проколки. Кроме них, найдено лошито из целого позвонка козы или овцы. У обнаруженного лошита рабочей являлась передняя сторона. Причем видно, что при работе левая сторона позвонка стачивалась гораздо больше. Скребков из лопаток не встречено. Проколки оказались изготовлены из следующих костей. Овца: 4 обломка дистальных эпифизов передних метаподий и 1 аналогичный фрагмент задней. Коза: 1 целый дистальный блок задней метаподии и 1 обломок проксимального эпифиза передней. Сторону тела здесь установить не удалось. Овца или коза: 2 обломка проксимального эпифиза левой передней метаподии, 2 аналогичных обломка левой задней метаподии, 2 обломка дистальных эпифизов метаподий с неясной стороной тела. Кроме того, 2 проколки были сделаны из верхних частей с полностью сохранившейся суставной поверхностью правой и левой локтевых костей овцы, одна из нижней части большой берцовой кости овцы и одна из обломка диафиза аналогичной кости парнокопытного сходного размера.

Заметно, что подход к изготовлению костяных проколов несколько изменился. Почти у всех этих орудий в рукояточной части сохранился либо эпифиз кости, либо часть его (на Джейтуне таких очень мало). За исключением собственно острия проколки, остальная часть почти совершенно не обработана. Из слоев Алтын-депе в нашем распоряжении оказались лишь 2 костяные проколки раннебронзового времени. Одна из нижней части левой большой берцовой кости овцы или козы, другая из нижней части задней метаподии джейрана (сторона не ясна). Они значительно заполированы во всей области рабочей части.

Материал из городища Саразм представляет особый интерес, поскольку является своеобразной северной периферией раннеземледельческого культурного очага Средней Азии². Существование поселения подразделяется на четыре периода и охватывает время с позднего неолита примерно до середины периода развитой бронзы³. Всего здесь найдено 33 костяных орудия. Из них 5 игл из абсолютно неопределимых фрагментов и 1 лошито из ребра не крупного копытного, остальное составляют проколки. Из обломков метаподий изготовлено 10 проколов: 4 из дистальных частей метаподий барана (3 задних, 1 передняя), 1 из обломка проксимальной части левой передней метаподии его же, 1 из дистальной части задней метаподии козы, 2 из дистальных частей задних метаподий предположительно джейрана и сайги и, наконец, 2 из обломков дистальных эпифизов передней и задней метаподий неопределимого мелкого полорогого. Как видно, сторону тела удалось определить лишь в одном случае.

Часть проколов изготовлена из других костей: дистальной части левой большой берцовой и обломка дистальной части левой лучевой овцы, двух обломков проксимальной части и одного обломка дистальной части левой лучевой козы или овцы и одного обломка проксимальной части диафиза большой берцовой неопределимого мелкого полорогого. Кроме того, для 9 проколов определить источник костного сырья оказалось невозможным. В целом материал из Саразма интересен тем, что для изготовления проколов

использовались, кроме метаподий, сравнительно часто и другие кости: лучевая и большая берцовая.

Края заготовок зачастую сильно заполированы. Встречено сравнительно много обломков орудий (8 обломков метаподий и обломок берцовой), имеющих в рукояточной части целый эпифиз либо часть его.

Накопленный материал позволяет сделать некоторые выводы. Основными орудиями, изготовлявшимися из костей животных, были шилья-проколки, а в неолитическое время еще и скребки. Для изготовления орудий использовались кости в основном домашних овец и коз, как более многочисленное и легкодоступное сырье, в редких случаях сайги и джейрана. Примечательно, что кости крупных копытных, в огромном количестве встречающиеся на Илгынлы-депе и Алтын-депе, для изготовления просмотренных орудий не употреблялись.

Проколки изготавливались в основном из передних и задних метаподий. Избирательности тут, по-видимому, не было. Небольшое преобладание в одних случаях первых, в других случаях вторых является, вероятно, случайным. Использование для изготовления проколок в основном метаподий можно объяснить тем, что эта кость испытывает при движении большие нагрузки и потому имеет довольно толстые стенки и чрезвычайно плотную и прочную структуру. Эта часть скелета копытных использовалась для работы мастерами и в других регионах. Так, например, Б. Г. Петерс⁴ упоминает о преимущественном использовании метаподий для косторезного дела в античном Причерноморье. В ряде случаев для изготовления проколок использовали и другие кости скелета: лучевые и большие берцовые, а также изредка локтевые, имеющие у полорогих — в силу своего анатомического строения — длинную и тонкую дистальную часть, пригодную для затачивания.

Для изготовления орудий могли употребляться сырые кости. Об этом свидетельствует находка на Илгынлы-депе проколки, изготовленной из нижней части задней метаподии полувзрослой овцы. Отпавший эпифиз находился вместе с ней. Последнее говорит о том, что кость не обрабатывалась термически. В этом случае хрящевая зона роста, соединяющая эпифиз и диафиз у растущей кости, разрушилась бы и эпифиз отделился еще до начала изготовления орудия. Отсюда следует, что кость использовалась сырой. В дальнейшем хрящевая прослойка, высохнув, прочно склеила обе части кости и разрушилась естественным путем лишь у погребенного в земле орудия. Таким образом, в данном случае можно говорить о сознательном отборе костяного сырья, а не об использовании случайных остатков трапезы.

При изготовлении проколок и скребков не отмечена избирательность, связанная с право- или левосторонностью кости.

¹ Бердыев О., Коробкова Г. Ф. Производственные функции каменных и костяных орудий из Чагыллы-депе//ИАН ТССР. Сер. Обществ. наук. Ашхабад, 1964. № 6; Коробкова Г. Ф. Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии//МИА. 1969. № 158. 214 с.; Семенов С. А., Коробкова Г. Ф. Технология древнейших производств мезолит, энеолит. Л., 1983. 255 с.; Коробкова Г. Ф. Хозяйственные комплексы ранних земледельческо-скотоводческих обществ юга СССР. Л., 1987. 320 с.

² Массон В. М. Первые цивилизации. Л., 1989. 274 с.

³ Исхаков А. И. Саразм — новый раннеземледельческий памятник Средней Азии//СА. 1986. № 1. С. 152—168.

⁴ Петерс Б. Г. Косторезное дело в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1986. 190 с.

РАДИОУГЛЕРОДНЫЕ ДАТЫ С ИЛГЫНЛЫ-ДЕПЕ
В ТУРКМЕНИИ

С 1986 г. Каракумская экспедиция ЛОИА и ЮТАКЭ под общим руководством В. М. Массона ведут работы на Илгынлы-депе — энеолитическом поселении в Южной Туркмении в 250 км к востоку—юго-востоку от Ашхабада. Этот многослойный памятник расположен в самом восточном из оазисов подгорной полосы Копет-Дага в 11 км севернее селения Чаача и 6,5 км восточнее Алтын-депе. Площадь поселения 14 га. Поверхность аллювиальной равнины в районе холма слегка наклонена с юго-запада на северо-восток. Холм возвышается над ней на 12—14 м.

Одной из целей раскопок на Илгынлы-депе является изучение происхождения геоксюрского археологического комплекса, определение степени его генетической преемственности от более раннего ялангачского комплекса и хронологического отношения между ними.

Материалы, добытые за истекшие 4 года работ, со всей очевидностью свидетельствуют о том, что появление новых, геоксюрских мотивов в орнаментации керамики не сопровождалось заметными новшествами в других сферах. Культура верхних слоев Илгынлы-депе — как позднеялангачских, так и раннегеоксюрских — однородна. Вместе с тем очевидны существенные различия в архитектуре и вещевом материале между верхними строительными горизонтами Илгынлы-депе и слоями позднего энеолита—ранней бронзы, исследованными Л. Б. Кирчо на стратиграфическом раскопе 5 на Алтын-депе. Приходится заключить, что соответствующие изменения происходили в период, когда Илгынлы-депе уже был покинут основной массой обитателей (предположительно переселившихся на Алтын-депе). Исходя из разработанной для Алтын-депе стратиграфической шкалы¹, время интенсивных изменений в культуре востока подгорной полосы, скорее всего, соответствует горизонтам 11 и 12 на Алтын-депе, которые пока слабо изучены.

Изменения, о которых идет речь, разнообразны. Это переход от преимущественно квадратных помещений к преимущественно прямоугольным; исчезновение святилищ с красными скамьями² и соответственно самих скамей, а также традиции расписывать стены, пол и объекты внутри парадных помещений черной и красной красками; переход от низких круглых, опускающихся в центре ниже уровня пола, очагов-жертвенников к более высоким подиумам; исчезновение встречающихся на Илгынлы широких (до 1 м) проходов; появление на женских терракотах наклепных деталей (косы, глаза); возможно, свертывание производства фигурных каменных изделий либо по крайней мере значительные изменения их типологии (исчезают многочисленные в верхних слоях Илгынлы корытцеобразные ступки для зерна, в том числе зооморфные). Какие-то перемены в данный период происходили и в области металлургии и металлообработки. Больше по сравнению с позднеэнеолитическим Алтын-депе обилие в верхних строительных горизонтах Илгынлы-депе медных предметов допускает разные объяснения. Г. Ф. Коробкова и Т. А. Шаровская не обнаружили пока на Илгынлы орудий, связанных с обработкой руды. Если плавка меди действительно была не известна и металл получали со стороны, легко понять, почему изношенные предметы просто выбрасывали. Позже лом стали тщательно подбирать и пускать в переплавку, так что в слое медные изделия соответственно попадают реже.

Некоторая специфика позднего илгынлынского комплекса по сравнению с изученными на раскопе 5 материалами Алтын-депе может иметь не хроно-

логический, а ареальный характер, хотя учитывая близкое соседство обоих памятников последнее не слишком вероятно. Если такие различия и были, они скорее всего, оставались чисто количественными. Не исключено, например, что обитатели Илгынлы-депе шире использовали известняк потому, что в изобилии находили его в располагавшемся поблизости речном русле.

Слои с раннегеоксюрской керамикой перекрывают ялангачские почти на всей площади Илгынлы-депе. Самым важным исключением является район севернее тригонометрической вышки, отмечающей высшую точку холма (294,4 м над уровнем моря). Геоксюрской керамики здесь нет даже в поверхностном слое. В пределах разбитого на данном участке раскопа 5 исследованы два строительных горизонта позднеялангачского времени. На полу пока не вскрытых полностью помещений 10 и 23 были найдены обугленные жерди толщиной до 10—15 см. В обоих случаях материал относился к нижнему из двух ялангачских горизонтов. Угли принадлежали листовым породам трех-четырех видов, среди них, вероятно, ильму и клену (определения Д. В. Громыко). В результате анализов, любезно выполненных радиоуглеродной лабораторией Института зоологии и ботаники Эстонии (Тарту, А. Лийва), а также радиоуглеродной лабораторией ЛОИА, были получены приведенные ниже даты (указано время до наших дней, в скобках даты с поправкой в доверительном интервале 95% ³):

Пом. 23.	ТА-2208	4350 ± 80	(3360—2805 гг. до н. э.)
Пом. 10.	ТА-2210	4470 ± 60	(3470—2945 гг. до н. э.)
Пом. 10.	Л-3311	4600 ± 30	(3520—3155 гг. до н. э.)

Кусочки угля были собраны на том же раскопе 5 и в заполнении пом. 22. Исходя из стратиграфии раскопа, следует предположить, что соответствующий слой отложился лет через 50—100 после того, как на пол пом. 10 и 23 попали обугленные жерди. Анализ образца показал дату:

Пом. 22	ТА-2209	4270 ± 70	(3160—2680 гг. до н. э.)
---------	---------	-----------	--------------------------

К юго-востоку от тригонометрической вышки и в 80 м от раскопа 5 находится раскоп 4. В северо-западной его части в 1988 г. вскрыты слои мощностью более 1 м, содержавшие геоксюрскую керамику. Особый интерес представляет просторный двор 45, свободный от бытового мусора. Отложения здесь состоят преимущественно из ровных слоев сырцового завала или правильной забутовки, разделенных утоптаннами прослойками, напоминающими полы помещений. Одну из таких прослоек перекрывает слой золы и углей толщиной до 15 см. Судя по характеру углей (в большинстве своем обгорелые ветки толщиной 0,5—2 см) и их обилию, это был не выброс из очага или печи, а скорее остатки костра, горевшего на площади не менее 25 м² (слои уходят в юго-западный борт раскопа). Двор, на котором горел этот костер, обрамляет с северо-запада уходящая за пределы раскопа низкая сырцовая, местами обмазанная ганчем платформа. С юго-востока двор был ограничен строениями. Основные архитектурные остатки (видимо, жилой дом) стратиграфически предшествуют появлению во дворе 45 утопанной прослойки, подстилающей прослойку золы и углей. Какие-то строения находились здесь и позже, но они оказались совершенно разрушены.

В прослойке углей во дворе 45 обнаружены фрагменты ялангачского по форме (цилиндро-конического, толстостенного) хума с геоксюрской росписью, имеющего аналогии на памятниках центральной части подгорной полосы (Кара 2). Здесь же найдены фрагменты импортной полихромной керамики типа На-

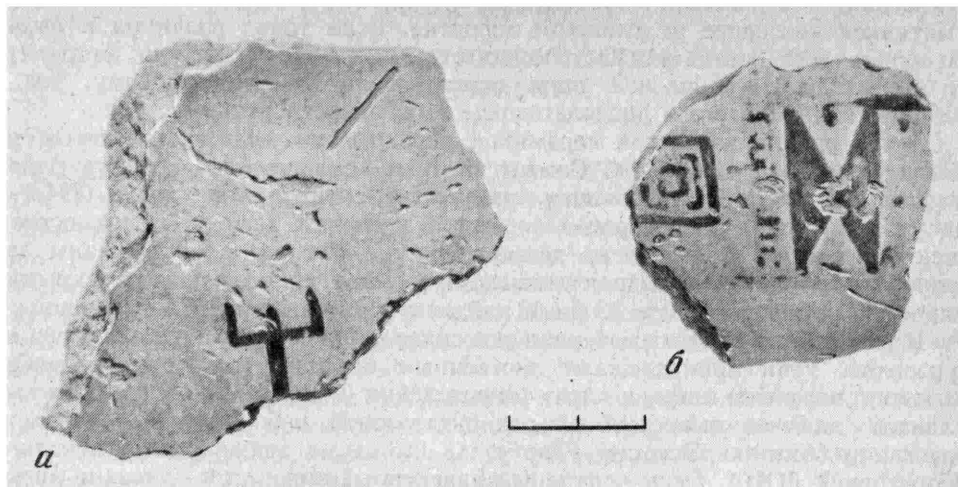

Рис. 1. Раскоп 4, двор 45. Керамика из датированной прослойки с углями
а — фрагмент хума с антропоморфным изображением; *б* — фрагмент импортной полихромной чаши Намаза II

мазга II (рис. 1), причем осколки подобных сосудов (хотя и с отличной в деталях орнаментацией) встречались и в обоих исследованных ялангачских слоях на раскопе 5. Фрагмент раннегеоксюрской чаши, расписанной ромбами с сетчатой штриховкой внутри них, оказался на полу упомянутого дома, находящегося юго-восточнее двора 45 и более раннего, чем прослойка с углями. Однако и это, по-видимому, не самый древний на раскопе 4 слой с геоксюрской керамикой. Ниже по склону холма геоксюрские черепки попадались в заполнении помещений, стратиграфически более ранних, чем примыкающий ко двору 45 дом.

Угли из кострища во дворе 45 тоже принадлежат листовным деревьям трех-четырёх пород, но происходят не от стволов, как в пом. 10 и 23 на раскопе 5, а, как указывалось, от веток. Их радиоуглеродный анализ показал даты:

ТА-2207	4060 ± 80	(2905—2335 гг. до н. э.)
Л-3310	3990 ± 40	(2780—2325 гг. до н. э.)

Хотя по абсолютным отметкам описанные строения раскопа 4 лежат примерно на 1 м ниже строений раскопа 5, они относятся к более позднему времени и отделены от датированного ялангачского слоя на раскопе 5 тремя или, менее вероятно, четырьмя строительными горизонтами. Исходя из допустимой длительности существования строений одного горизонта порядка 100 лет, речь идет о промежутке в 300—400 лет. Если (опираясь на приведенные результаты анализов) считать вероятной датировку соответствующего ялангачского слоя 3300—3100 гг. до н. э., то геоксюрский слой с углистой прослойкой должен был отложиться не позже, чем в 2900—2700 гг. до н. э. Поскольку мы имеем дело с достаточно ранней геоксюрской керамикой, такая датировка выглядит слишком поздней на фоне принятой датировки геоксюрского комплекса временем 3200—2800 гг. до н. э.⁴ Радиоуглеродный анализ гео-

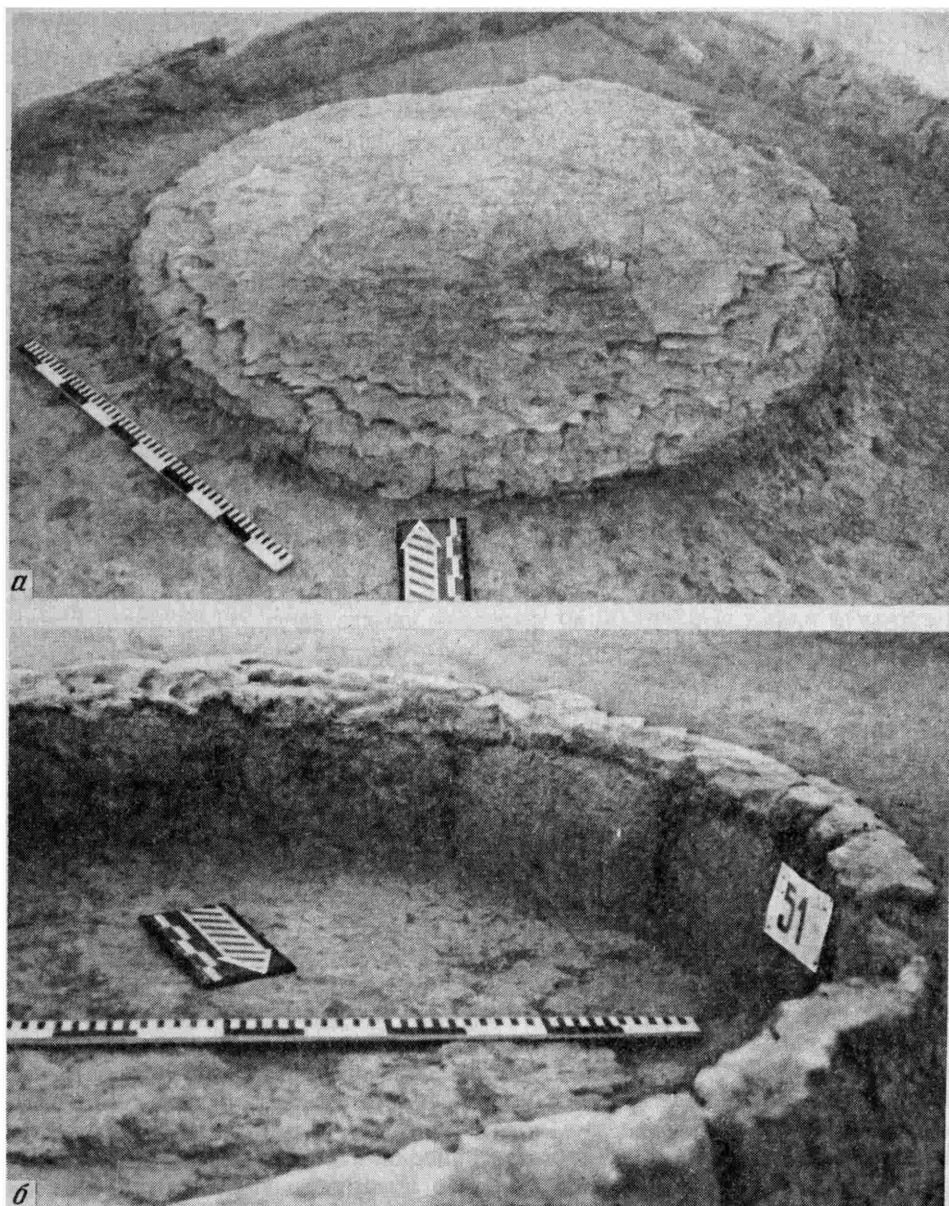

Рис. 2. Раскоп 4, двор 45. Сырцовая камера

а — вид до вскрытия (слои обмазки и темные пятна копоти); б — вскрытая камера после удаления заполнения

ксюрского материала с раскопа 4 если и корректирует его датировку, то скорее в сторону дальнейшего омоложения на один-два века, хотя отрезок времени в пределах 2800—2700 гг. до н. э. не остается при этом за пределами допустимого.

Указанная выше принятая датировка геоксюрского комплекса опирается прежде всего на наличие в нижнем слое Шахри-Сохте в иранском Систане одновременно эламо-месопотамского импорта (печати, протописьменные таблички)

и материалов, близких к южнотуркменским, если не идентичных им. Расхождение с датами, полученными теперь для Илгынылы-депе, удается немного сократить, вычисляя радиоуглеродный возраст на основе периода полураспада не 5568, а 5730 лет. Это удревняет соответствующие даты с раскопов 4 и 5 примерно на один век. Датировку ялангачского слоя на раскопе 5 и геоксюрского на раскопе 4 временем 3400—3200 и 2900—2800 гг. до н. э. можно было бы, вероятно, принять, хотя дальнейшее удревнение этих дат еще лет на 200 лучше укладывалось бы в господствующую сейчас систему средневосточной хронологии. При этом надо отметить, что случайные ошибки, связанные с обработкой образцов с Илгынылы-депе, маловероятны, так как совпадающие результаты получены независимо в двух разных лабораториях. Пока неясно, чем объяснить разительное расхождение дат по Илгынылы-депе с результатами двух анализов, полученных для геоксюрского комплекса на поселении Геоксюр I. Последние предполагают датировку, отличающуюся от нашей на целые 500 лет в сторону удревнения⁵.

Исследования на Илгынылы-депе принесли новые материалы, касающиеся проблемы появления типичных для геоксюрского комплекса круглых погребальных камер. На раскопе 7 на западном склоне холма обнаружено позднеялангачское захоронение перемешанных останков 7 человек в круглой яме диаметром 1,1 м, хотя и без каких-либо следов обрамляющей захоронение сырцовая кладки⁶. Зато в восточной части двора 45 на раскопе 4 выявлена круглая, точнее, слегка овальная в плане (1,65 × 1,90 м) сырцовая камера (рис. 2). Ее стены сложены из 12 поставленных на ребро кирпичей 39—41 × 21—24 × 11—12 см. Пол глиняный, толщиной 7—8 см. Камера была заполнена обломками сырца и запечатана сверху 4—5 слоями обмазки толщиной 7—8 мм каждый, а между ними прослеживались тончайшие прослойки копоти и золы. Из этого можно заключить, что после нанесения очередной обмазки над камерой зажигался огонь. Обмазка переходит на стены и с них на утопанную поверхность двора. Последняя находится на 15 см ниже той поверхности, которая западнее была перекрыта датированным по радиоуглероду кострищем. Из этих двух утопанных поверхностей, разделенных слоем сырцовая забутовки, верхняя таким образом перекрывает круглую камеру, а нижняя примыкает к ее основанию.

Никаких находок в запечатанной камере не было, и ее назначение неизвестно. Определенное внешнее сходство с энеолитическими погребальными сооружениями очевидно, хотя кирпичи, из которых они сделаны, клались плашмя, а не на ребро.

Коллективных погребений в камерах на Илгынылы-депе, несмотря на активные поиски, не обнаружено. Подобные объекты, если бы они существовали, должны были бы проявиться в микрорельефе в результате размывания склонов холма. Похоже, что появление погребений в круглых камерах — еще одна черта, распространившаяся в культуре энеолитического населения Меана-чаачинского оазиса лишь после запустения Илгынылы-депе. Однако в верхних слоях Илгынылы встречаются не связанные между собой коллективные захоронения (в круглых ямах) и круглые сырцовые камеры (без захоронений).

¹ Массон В. М. Алтын-депе. Л., 1981. С. 10—20.

² Березкин Ю. Е. Энеолитические святилища Илгынылы-депе // Изв. АН ТССР. Сер. обществ. наук. 1989. № 6. С. 101—105.

³ Radiocarbon. 1982. V. 24. N 2. P. 103—150.

⁴ South Asian archaeology 1981. Cambridge, 1984. P. 69.

⁵ Массон В. М. Алтын-депе. С. 20.

⁶ Курбансахатов К. Работы на раскопе 7, Илгынылы-депе // Изв. АН ТССР. Сер. обществ. наук. 1989. № 6.

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
ДРЕВНЕЙ ФЕРГАНЫ

В 1986 г. в Оксфорде в известной международной серии BAR на английском языке вышла книга Н. Г. Горбуновой «Культура древней Ферганы, VI в. до н. э.—VI в. н. э.»¹. В ней суммированы опубликованные автором статьи в СА и АСГЭ, поэтому исследование является обобщением итогов археологического изучения древней Ферганы за большой период времени. В книгу включены также тексты двух статей, в которых изложены точки зрения автора по наиболее важным вопросам. Первая — «Основные этапы развития культуры древней Ферганы»², вторая — «Некоторые особенности формирования древних культур Ферганы»³. Данные исследования дополняют друг друга и дают определенное представление об основных этапах культуры и особенностях исторического процесса в этой крупной историко-культурной области Средней Азии, начиная с первой земледельческой культуры эпохи поздней бронзы. В них в краткой форме подведены итоги изучения Ферганы почти двухтысячелетнего периода. Убедительно показана самобытность ферганских культур и рассмотрен ряд узловых вопросов, и прежде всего проблемы происхождения культур и культурные связи. В статьях обобщены итоги многолетних исследований Н. Г. Горбуновой, которые внесли существенный вклад в развитие ферганской археологии, особенно эпохи железа. Следует отметить, что почти 20 лет тому назад Н. Г. Горбунова начала пересмотр существовавших в литературе положений о датировке мархаматского периода — времени бытования красноангобированной керамики, который различными учеными датируется и называется по-разному, а также хронологии шурабашатской культуры и некоторых других вопросов.

Первый опыт систематизации и исследования вопросов хронологии и периодизации памятников древней Ферганы почти в тех же хронологических границах VII—VI вв. до н. э. и до VI—VII вв. н. э. осуществил автор этих строк в диссертационной работе «Древняя Фергана»⁴ (не опубликована). При этом было выделено три периода (три археологические культуры): эйлатанский — VII—VI—IV вв. до н. э., мархаматский — III—II вв. до н. э.—III в. н. э., касанский — III—VI—VII вв. н. э. В последующих работах⁵ изложены точки зрения, которые во многом расходятся с положениями Н. Г. Горбуновой. Таким образом, в фергановедении сложились и параллельно развиваются по крайней мере два направления с разными и порой взаимно исключаящими точками зрения.

Основу обеих статей Н. Г. Горбуновой составляет одна и та же⁶ графическая периодизация культуры Ферганы на три периода. Последний период, в свою очередь, разделен на три этапа, и всего, следовательно, выделено пять периодов, охватывающих почти два тысячелетия истории края. Разработка хронологической классификации материалов и периодизации истории культуры — итог многолетней работы как самой Н. Г. Горбуновой, так и других исследователей Ферганы, материалы которых она использует. Создание таблицы является большой заслугой Н. Г. Горбуновой, ибо это первый опыт подобного обобщения за последние 25 лет. Однако отметим, что в отличие от аналогичных таблиц по Фергане, опубликованных А. Н. Бернштамом в 1952 г. и Ю. А. Заднепровским в 1959 г.⁷, в которых представлены ведущие типы поселений и могил, а также материальная культура, в рассматриваемой периодизации имеются только типичные формы материальной культуры. Такое ограничение, несомненно,

снижает ее значение в целом. К тому же Н. Г. Горбунова не рассмотрела и не учла опыт составления других периодизаций и даже не упоминает о них.

Рассмотрим содержание таблиц по периодам. Первый период — эпоха бронзы (XI—X(?)—VIII—VII вв. до н. э.) — состоит из двух синхронных культур: чустской и кайраккумской или степной культур (термин культура степного типа или скотоводческая степного типа явно неудачен). В разделе «Чустская культура» все представленные материалы происходят из раскопок автора этих строк на Дальверзине и Ашкал-теп. Из всей совокупности вопросов, разрабатываемых на материалах чустской культуры, Н. Г. Горбунова останавливается на следующих трех.

Первый вопрос — о синхронизации чустской культуры и культуры степных племен. Следует сразу оговориться, что для его решения в нашем распоряжении недостаточно данных. Рассматриваемые памятники количественно несопоставимы. Ныне известно более 80 чустских поселений, около 500 тыс. фрагментов керамики, в том числе 6000 — украшенных росписью, сотни целых сосудов, более 20 литейных форм, 160 металлических предметов и тысячи изделий из камня и бронзы. Вторая культура представлена развешенными стоянками на Кайрак-Кумах и двумя-тремя десятками разграбленных могил и некоторым количеством случайных находок; основная часть всех этих материалов и показана в таблице. По сравнению с тем, чем оперировал в 1962 г. Б. А. Литвинский⁸, нового появилось немного, что затрудняет создание относительной хронологии этих культур Ферганы. Б. А. Литвинский в кайраккумском комплексе выделил два этапа, которые охватывают вторую половину II тысячелетия — начало I тысячелетия до н. э., при этом он сопоставлял с чустскими памятниками только материалы второго, позднего этапа⁹. Однако у Н. Г. Горбуновой в таблице представлены материалы двух этапов: металлические изделия, характерные для раннего этапа, и находки в Вадильском могильнике X—VIII вв. до н. э. Следовательно, в таблицу включены предметы значительно более ранние, чем материалы чустской культуры. Учитывая все сказанное, в настоящее время можно только теоретически синхронизировать чустскую культуру и то лишь с поздним этапом развития степных племен.

Второй дискуссионный вопрос — это происхождение обеих культур. Н. Г. Горбунова рассматривает лишь генезис чустской культуры и говорит о двух основных точках зрения: о ее местном происхождении и ее сложении в результате перехода степных племен к земледелию. Третья точка зрения — появление в результате миграции — даже не упомянута. Кроме того, исследовательница четко не определяет своей позиции, но, скорее всего, она является сторонником первой точки зрения — об автохтонности чустской культуры. В статье 1983 г. говорится, что, возможно, обе культуры имеют местные корни. В более поздней работе Горбунова пишет: «Кажется более вероятным, что первичной в Фергане была земледельческая культура круга расписной и крашеной керамики»¹⁰. Но поскольку прямых доказательств нет, она ссылается на благоприятные природные условия Ферганы и общеизвестные случайные единичные находки южного происхождения. Учитывая отсутствие памятников предшествующего периода, можно только сугубо предположительно говорить о существовании дочустского периода¹¹.

Далее Н. Г. Горбунова высказывает предположение о переселении части южных племен в Фергану, основываясь на факте сходства антропологического типа населения. Последнее, однако, не представляется возможным, поскольку известно, что европеоидный средиземноморский тип, характерный для земледельческих общин юга Средней Азии с поры неолита, распространен не только у чустских племен, но также у степных племен Средней Азии (Заман-баба

и Ургут)¹², а также у скотоводов Южного Таджикистана эпохи поздней бронзы¹³ и даже у андроновцев Западного Казахстана (Тасты-Бутак и Хабарное)¹⁴.

Таким образом, в пользу автохтонного происхождения чустской земледельческой культуры реальных доказательств не приведено. Естественно, учитывая недавнее открытие уникального Саразма около Пенджикента, нельзя исключать возможность обнаружения в будущем и в Фергане более древних земледельческих памятников.

Вторая точка зрения (наиболее полно разработанная автором этих строк), в статье не раскрыта, поэтому остановимся на ней подробнее. Степные племена в северной половине Средней Азии обитали по крайней мере уже во второй половине II тыс. до н. э. Они занимали обширные пространства Средней Азии и составляли, видимо, основную массу населения Ферганы. Эти племена владели навыками скотоводства и даже примитивного орошения (в Приаралье), домостроительства (землянки), металлургии и гончарства. Все это создало благоприятные предпосылки для перехода от комплексного пастушеско-земледельческого хозяйства под влиянием южных общин и населения Восточного Туркестана к прочной оседлости и интенсивной форме земледелия. Такой переход сопровождался изменениями культуры и быта. Предположение о происхождении чустской культуры в ходе трансформации не противоречит имеющимся материалам. Одним словом, о происхождении чустской культуры в рассматриваемых работах ничего нового нет.

Третий вопрос — о культурных связях и взаимовлиянии обеих культур затронут в общей форме, поскольку отсутствует новый, свежий материал. Некоторые же факты, например находки керамики обеих культур в могильнике Ташкурган, требуют оговорки, так как условия их попадания в могилу недостаточно понятны. Общее заключение о сосуществовании в Фергане племен разного этнографического облика культуры, хозяйства и быта не вызывает сомнения. Первым это отметил в 1949 г. А. Н. Бернштам¹⁵. Подробно писали об этом М. П. Грязнов¹⁶ и другие археологи.

Второй этап — «эйлатано-актамская культура VI—III вв. до н. э.». В работе 1983 г. Н. Г. Горбуновой указана дата VII—III вв. до н. э.¹⁷ Эйлатанский период и культура VII—IV вв. до н. э. выделены автором этих строк в 1954 г. на основе анализа материалов из поселений и известных к тому времени могильников. Это удалось сделать после повторных раскопок на Эйлатане в 1952 г. автора под общим руководством А. Н. Бернштама. Полученные данные позволили пересмотреть заниженную датировку Эйлатана Б. А. Латынина, который открыл этот памятник в 1934 г. Введение нового — двухчленного наименования культуры, как увидим, неоправданно. Но прежде всего надо сказать о хронологии. Актамский могильник исследователи в начале относили к V—III и V—IV вв. до н. э., а ныне он датируется VI—III вв. до н. э. Верхнюю грань даты можно принять с учетом того, что традиция погребального обряда могла сохраниться и в III в., после прекращения существования эйлатанской культуры. Однако для еще большего омоложения — до III—II вв. до н. э., как считает Т. Г. Оболдуева¹⁸, нет решительно никаких оснований. Нижняя грань датировки не VII—VI вв., как указывает Н. Г. Горбунова, а рубеж VIII—VII вв. до н. э. По сути дела, Н. Г. Горбунова распространяет датировку могильников на всю культуру и весь период. Правомерность такого переноса нужно еще доказать. В этой же связи нельзя согласиться и с заключением, что само городище Эйлатан является наиболее поздним памятником данной культуры¹⁹.

Принципиальное возражение вызывает утверждение автора, что если в предшествующий период в Фергане были две культуры, то для эйлатанского периода «известна лишь одна». В действительности же в указанное время

наряду с земледельцами на окраинах Ферганы обитали кочевые сакские племена. Их памятники изучены в долинах Кетмень-Тюбе и Алая, а также в Восточной Фергане. По сообщениям письменных источников именно саки остановили войска ахеменидского Ирана и позднее Александра Македонского у самых границ Ферганы. И если в равнинной части не известны сакские могильники, то, очевидно, только потому, что кочевое население там не обитало, а занимало горные долины на окраинах области.

Говоря об одной культуре, Н. Г. Горбунова основывается на априорном предположении о проникновении в Фергану сакских племен, которые здесь быстро перешли к оседлости и земледелию, в результате чего произошла нивелировка культуры²⁰. Но, во-первых, не все саки переселились в Фергану, а во-вторых, принадлежность могильников эйлатанского периода сакам еще необходимо доказать. До сих пор не определены критерии для разграничения этих фергенских могильников от памятников кочевых саков. Главное внимание обращалось на черты сходства. Однако в эйлатанских могильниках отсутствуют изделия сакского звериного стиля, мало оружия и совсем нет предметов конской упряжи. Они отличаются наличием необычных «длинных курганов». Так что вопросы происхождения погребальных обрядов и конструкции могил эйлатанской культуры требуют дополнительного изучения.

Из заключения о единой культуре вытекает, что Н. Г. Горбунова считает могилы памятниками оседло-земледельческого населения. Получается, что одни и те же могильники принадлежат кочевникам — сакам и земледельцам. Но если это памятники саков, то о каком единстве культуры может быть речь? Это две культуры двух разных этносов. А если это памятники земледельцев, то зачем двучленное наименование культуры?

Кстати о количестве памятников. Автор утверждает: «Поселений известно немного, значительно больше известно могильников»²¹. Но конкретные цифры не приводятся.

Однако действительное положение совсем иное. Автором этих строк учтено более 20 поселений и почти столько же могильников, т. е. количество их примерно одинаково. Другое дело, что поселения изучены меньше, ибо эйлатанские слои залегают на большой глубине, и они представлены главным образом находками керамики. В настоящее время уже нельзя говорить об единственном поселении — Эйлатане. В последние годы таджикские археологи исследуют возле Ура-Тюбе городище эйлатанского времени Нур-Тева с эйлатанской керамикой²². Нет оснований предполагать²³ сокращение числа поселений в эйлатанский период. Наоборот, анализ картографирования указанных памятников свидетельствует о более широком заселении всех частей Ферганы, нежели в чустский период.

Процесс сложения эйлатанской культуры излагается автором как механическое взаимодействие трех основных и как бы равнозначных компонентов: 1) генетических традиций чустской культуры, 2) юго-западных связей, 3) общих черт с культурой ранних кочевников²⁴.

Однако от чустской культуры эйлатанцы унаследовали не только обычай изготовления лепной расписной посуды и обряд погребения в грунтовых могильниках, а значительно большее и главное — навыки и технику земледелия и скотоводства, домостроительства и фортификации, гончарства, а также, вероятно, и других производств. Население эйлатанского периода — прямые потомки чустских земледельческих общин. И поэтому нельзя согласиться с априорным суждением об их принадлежности к кругу сакских племен²⁵. Это были ферганцы, составлявшие в то время уже, очевидно, самостоятельную народность, такую же как хорезмийцы, согдийцы, бактрийцы, и принадлежавшие к единой восточноиранской группе.

Автор преувеличивает общность культуры ферганских земледельцев и соседних ранних кочевников, а также роль последних в генезисе эйлатанской культуры. Эта общность относительная и ограничивается только элементами погребального обряда.

Еще меньше роль юго-западных связей, которые способствовали появлению в Фергане только гончарного круга и соответствующей технологии.

Как видим, заключение Н. Г. Горбуновой о путях сложения особенностей культуры Ферганы поры раннего железа по меньшей мере спорно. Отмечая преемственность развития земледельческого населения и возможность воздействия степных племен и их потомков — ранних кочевников на формирование эйлатанской культуры, нельзя не обратить внимание на то, что произошла резкая смена традиций и культур, что изменения охватили широкий круг явлений, которые совершались не постепенно (промежуточные явления и формы отсутствуют), а скачкообразно.

Третий этап — «кугайско-карабулакская культура» охватывает девять столетий, со II в. до н. э. по VII в. н. э. Новое двучленное наименование — это уже, видимо, десятое название периода бытования в Фергане красноангобированной керамики. Хронология ее и прежде всего время появления здесь этой керамики надежно не определены и являются предметом острой дискуссии.

Наибольшее возражение вызывает датировка раннего этапа II в. до н. э. — I в. н. э. Удивляют малочисленность материалов и субъективный отбор типичных памятников. Прежде всего не понятно, почему не представлен комплекс из могильника и городища Кайноват, где найдена единственная в Фергане датирующая находка — монета, варварское подражание Гелиокла, на основании чего эти материалы датированы II—I вв. до н. э.²⁶ Отсутствуют находки Мархаматского городища, которое отождествлено со столицей Даваньского государства II—I вв. до н. э. Только двумя малохарактерными предметами представлен Шурабашат.

На проблеме датировки шурабашатской культуры необходимо остановиться более подробно. Ныне насчитывается более 50 городищ и тепе этой культуры, которые расположены не только в Узгенском, но также в Ош-Карасуйском оазисах. На многих произведены большие раскопки. Шурабашатская керамика найдена также на Мархаматском городище. Вне зависимости от того, представляют ли эти поселения локальный вариант культуры Восточной Ферганы или общеферганское явление, важна их относительная хронология. Шурабашатский комплекс занимает промежуточное положение между эйлатанским и последующим — мархаматским периодом. Если абсолютная дата Шурабашата, предложенная автором этих строк, — IV—I вв. до н. э. может быть уточнена и изменена, то относительная хронология комплекса установлена достаточно надежно. Ее не удалось поколебать даже Н. Г. Горбуновой в специальной статье 1977 г.²⁷ Несмотря на это, в последних работах она омолаживает шурабашатский комплекс примерно на 500 лет, относя его к первым векам нашей эры.

Непоследовательное и субъективное отношение к датировке Шурабашата сказалось на отношении к датировке этого периода как переломного в культуре Ферганы. Во II в. до н. э. в Фергане уже существовало сильное и хорошо организованное Даваньское государство с высокой земледельческой культурой и большим числом городов. Скучность материалов раннего этапа находится в разительном противоречии с высоким уровнем культуры Ферганы II—I вв. до н. э., засвидетельствованным в письменных источниках.

Естественно, что древнеферганское государство возникло не в 125 г. до н. э., когда о нем появились первые известия в ханьских хрониках, а значительно

раньше. Появление его на исторической арене можно связать с начальным этапом шурабашатской культуры²⁸.

В Фергане, особенно для древнего периода (середина I тысячелетия до н. э.— середина I тысячелетия н. э.), отмечается симбиоз оседло-земледельческого населения и полукочевого (скотоводческого). Однако нельзя говорить о единой культуре и называть ее двучленным наименованием. Это были разные народы по происхождению, культурной и этнической принадлежности, разные по хозяйству, культуре и быту.

В настоящее время в Фергане выделяют пять-шесть основных групп памятников полукочевников или древних скотоводов. Наиболее изучена среди них караулакская культура I—IV вв. н. э. с преобладанием захоронений в подбойных могилах. Многие вопросы, связанные с изучением катакомбных и подбойных памятников, все еще остаются спорными. Достаточно определенно выступает резкое отличие этих памятников от предшествующих — могильников эйлатанской культуры. До сих пор отсутствуют данные о местных корнях катакомбных и подбойных памятников Ферганы. Они явно привнесены пришлым населением. Высказано предположение о принадлежности караулакской культуры племенам юечжей²⁹. Однако как бы ни решался в дальнейшем вопрос об ее этнической принадлежности, нельзя объединять караулакскую культуру скотоводов в одно целое с культурой земледельческого населения, ибо это разные этносы и разные культуры. Они должны быть самостоятельными объектами археологического и исторического изучения. Общность их культур относительна и объясняется заимствованием изделий ремесленных центров Ферганы.

Отметим также, что половина находок, изображенных в таблицах, происходит из могильников. Но среди них нет характерных для культур скотоводов, например деревянной посуды, деревянных столиков, глиняных сосудов местного производства и т. п.

Н. Г. Горбунова нечетко формулирует суть противоречивых суждений о происхождении могильников скотоводов: «Все признают их памятниками скотоводов; мнения разделяются по поводу того, пришлое это население или местное»³⁰. Это соответствовало ситуации тридцатилетней давности. Затем С. С. Сорокин высказал парадоксальную гипотезу о сложении скотоводов Ферганы на основе местной земледельческой культуры³¹. Потом появились заключения, что это памятники племен, переходивших к оседлости или даже осевших кочевников. Теперь их безоговорочно связывают с оседлым населением³². Выдвигая двучленное наименование культуры первых веков нашей эры и преувеличивая культурную общность, Н. Г. Горбунова, по сути дела, склоняется к такому же неверному мнению. С ним нельзя согласиться, потому что в Фергане известны погребальные памятники земледельцев первых веков нашей эры — упоминавшийся могильник Кайноват и другие, которые были выделены в отдельную группу еще в 1954 г.³³ Новые материалы опубликовала В. И. Козенкова³⁴, интересные данные получены в наиболее полно изученном могильнике Темир-Коруг, в котором раскопано 87 погребений³⁵.

В результате преувеличения общности культуры земледельцев и скотоводов древнего периода, неопределенности используемых критериев для их разграничения в работах Н. Г. Горбуновой не точно охарактеризованы особенности исторических процессов, и прежде всего историческая этнография Ферганы древнего периода. В данной статье рассмотрены только некоторые спорные вопросы археологии древней Ферганы. Вызывая на дискуссию, автор надеется на уточнение позиций разных сторон и сближение крайних точек зрения в целях содействия дальнейшему развитию знаний о конкретных путях развития древних культур Ферганы.

- ¹ Горбунова Н. Г. The culture of ancient Ferghana, VI century B. C.— VI century A. D. Oxford, 1986.
- ² Горбунова Н. Г. Основные этапы развития культуры древней Ферганы//Информ. бюл. МАИКА. 1983. Вып. 5. С. 34—42.
- ³ Горбунова Н. Г. Некоторые особенности формирования древних культур Ферганы//АСГЭ. 1984. Вып. 25. С. 99—107.
- ⁴ Заднепровский Ю. А. Древняя Фергана: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1954.
- ⁵ Заднепровский Ю. А. Чустская культура Ферганы и памятники раннежелезного века Средней Азии: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1978; Он же. Археологические памятники южных районов Ошской области. Фрунзе, 1960; Заднепровский Ю. А. Древнеземледельческая культура Ферганы//МИА. 1962. № 118; Он же. Древняя Фергана//Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М., 1985; Он же. Древняя Фергана//История Киргизской ССР. Фрунзе, 1984. Т. 1.
- ⁶ Различаются они только тем, что в таблице 1983 г. отсутствуют подписи, указывающие происхождение находок, а также тем, что в ней синхронная Чусту культура названа «кайракумская культура», а в другой — «степная культура», в аналогичной таблице в книге 1986 г. она также называется «степная культура».
- ⁷ Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая//МИА. 1952. № 26; Заднепровский Ю. А. Земледельческие поселения Ферганы и Южной Киргизии (периода поздней бронзы и железа)//Материалы Второго совещания археологов и этнографов Средней Азии. М.; Л., 1959.
- ⁸ Литвинский Б. А. Памятники эпохи бронзы и раннего железа//Древности Кайрак-Кумов. Душанбе, 1962.
- ⁹ Литвинский Б. А. Бронзовый век//История таджикского народа. М., 1963. Т. 1. С. 127.
- ¹⁰ Горбунова Н. Г. Некоторые особенности... С. 99.
- ¹¹ Заднепровский Ю. А. Чустская культура в Ферганской долине//Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.; Л., 1966. С. 206.
- ¹² Гинзбург В. В., Трофимова Т. А. Палеоантропология Средней Азии. М., 1973. С. 74—77.
- ¹³ Кияткина Т. П. Материалы к палеоантропологии Таджикистана. Душанбе, 1976.
- ¹⁴ Гинзбург В. В., Трофимова Т. А. Палеоантропология ... С. 94.
- ¹⁵ Бернштам А. Н. Древняя Фергана//ВДИ. 1949. № 1.
- ¹⁶ Грязнов М. П. Бронзовый век//История Киргизии. Фрунзе, 1963. Т. 1.
- ¹⁷ Горбунова Н. Г. Основные этапы ... С. 35.
- ¹⁸ Оболдуева Т. Г. О датировке стен Эйлатана//СА. 1981. № 4.
- ¹⁹ Горбунова Н. Г. Некоторые особенности ... С. 101.
- ²⁰ Там же. С. 102.
- ²¹ Горбунова Н. Г. Основные этапы ... С. 35.
- ²² Беляева Т. В. Об эллинистических элементах в керамике Ходжента//Всесоюз. симпоз. по пробл. эллинистической культуры на Востоке. Ереван, 1980; Негматов Н. Н., Беляева Т. В., Мирбабаев А. К. К открытию города эпохи поздней бронзы и раннего железа — Нур-тепа//Культура первобытной эпохи Таджикистана (от мезолита до бронзы). Душанбе, 1982.
- ²³ Горбунова Н. Г. Основные этапы ... С. 35.
- ²⁴ Горбунова Н. Г. Некоторые особенности ... С. 101.
- ²⁵ Там же. С. 102.
- ²⁶ Оболдуева Т. Г. Отчет о работе первого отряда//ТИИА АН УзССР. 1951. Т. 4. С. 39.
- ²⁷ Горбунова Н. Г. К вопросу о датировке комплексов с шуграбашатской керамикой в Восточной Фергане//АСГЭ. 1977. Вып. 18.
- ²⁸ Заднепровский Ю. А. Древняя Фергана; Гаврюшенко П. П. Кулунчакское укрепленное поселение: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 1970; Абдулгазиева Б. Восточная Фергана в древности и раннем средневековье: (Система расселения, районирование и типология): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самарканд, 1988; Заднепровский Ю. А. Раннежелезный век Ферганы и проблема возникновения Даваньского государства//Раннежелезный век Средней Азии и Индии: (Тез. докл. членов сов. делегации на первом сов.-инд. симпоз.). Ашхабад, 1984.
- ²⁹ Заднепровский Ю. А. К истории кочевников Средней Азии кушанского периода//Центральная Азия в кушанскую эпоху. М., 1975. Т. 2.
- ³⁰ Горбунова Н. Г. Некоторые особенности ... С. 104.
- ³¹ Сорокин С. С. Среднеазиатские подбойные и катакомбные захоронения как памятники местной культуры//СА. 1956. № 26.
- ³² Брыкина Г. А. Могильник Кайрагач в Южной Киргизии//КСИА. 1982. Вып. 170.
- ³³ Заднепровский Ю. А. Древняя Фергана.
- ³⁴ Козенкова В. И. Погребальные памятники Ферганы первых веков нашей эры//СА. 1966. № 1.
- ³⁵ Заднепровский Ю. А. Древняя Фергана.

АНТИЧНЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ
В МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Воздействие культуры античного Запада на формирование искусства древних народов Средней Азии — одна из существенных проблем, открывающая широкие перспективы в области изучения памятников музыкальной археологии. Фиксация «музыкальных» находок методом картографирования позволила представить путь продвижения на Восток античных влияний, которые концентрировались в большей или меньшей степени в локальных зонах азиатской территории в разные исторические периоды. В этой связи важна не только пространственная (по горизонтали), но и хронологическая (по вертикали) характеристика материала, основанная на датированных находках, служащих базовым фундаментом периодизации явлений эллинизма в музыкальной культуре Средней Азии начиная со второй половины I тысячелетия до н. э. по VIII в. н. э. Античные традиции музыкальной культуры всех исторических этапов проявились в восприятии греческих музыкальных инструментов и эллинистических, в основном мифологических образов, трансформированных в той или иной степени под воздействием местных художественных школ. Этот процесс происходил неодинаково, так как Средняя Азия с древнейших времен не представляла единую целую страну: она состояла из региональных объединений с различным уровнем общественных отношений, отличающихся друг от друга заметным своеобразием, а иногда и обособленностью.

Задача настоящей статьи на фактическом материале показать контакты Средней Азии со странами античного мира в сфере музыкальной культуры, ограниченные рамками ранее разработанной периодизации, охватывающей в хронологической последовательности явления эллинизма в изобразительном искусстве с середины I тысячелетия до н. э. по VIII в. н. э.¹

Доэллинистические традиции (вторая половина I тысячелетия до н. э.). Самые древние изображения музыкальных инструментов обнаружены в Хорезме и относятся к концу классического периода Эллады и ахеменидского Ирана. Однако появление музыкальных сюжетов на керамике и терракотах Кой-Крылган-калы в слое IV в. до н. э.² воспринимается как результат контактов постахеменидского Хорезма, скорее всего, с древнейшими странами Передней Азии, а не с государствами античного мира³. Влияние эллинизма, по заключению М. Г. Воробьевой, в художественной культуре этого региона ощущалось довольно поздно, в конце II в. н. э.⁴ Вполне возможно, что древнейшие инструменты могли появиться в Хорезме в результате международных связей, осуществляемых в условиях неухающих греко-персидских войн и длительного господства ахеменидского Ирана⁵. По всей вероятности, азиатская по происхождению угловая арфа, получившая распространение в Малой⁶, Передней Азии⁷, а также в Египте⁸ одновременно проникает в Хорезм и Грецию (идентичные арфы изображены на рельефе Кой-Крылган-калы⁹ и античной вазе¹⁰). Не являются греческими и другие «музыкальные» сюжеты, хотя в обозначении инструментария используется греческая терминология. Речь будет идти об инструменте ранее называемом «кифарой»¹¹. Однако сравнительный анализ с полным правом позволяет принять его и за флейту Пана (сиринкс). Точно такой же инструмент, интерпретируемый авторами публикаций как сиринокс, изображен в терракотах Передней Азии. Манера выполнения сравниваемых экземпляров настолько обобщенная, что концы дудочек, составляющих флейту, снизу не различаются¹². Именно этот признак заставлял исследователей видеть в хорезмийском инструменте кифару. Тем не менее в

пользу отождествления его с сиринксом говорят не только приведенные переднеазиатские аналогии, но и еще один серьезный аргумент — типичное положение инструмента-аэрофона. Хорезмийские переднеазиатские флейтисты держат инструмент в согнутых руках высоко перед грудью, у самого подбородка. Судя по дошедшим до нас эллинистическим изображениям, кифаристы не играли в такой позе (у них инструмент обычно находился в левой руке сбоку)¹³. Все приведенные доводы позволяют сделать заключение о том, что вопрос об отождествлении хорезмийского инструмента с кифарой или сиринксом до сих пор остается открытым. Бесспорные изображения кифары и сиринкса появляются в Средней Азии только в кушанскую эпоху, в I в. н. э.: Эрот на шкатулке из Тахти-Сангин (рис. 1, 3), дионисийские персонажи (рис. 2, 2) на статуэтках из Зартепе и Кампыртепе¹⁴. Изображение сиринкса или кифары на хорезмийских статуэтках IV в. до н. э. открывают новую страницу в истории древней музыки Средней Азии, так как эти, как было принято считать, типичные греческие инструменты, связывали с проникновением эллинистической культуры в более позднюю эпоху в Парфию и кушанскую Бактрию. Сиринкс или кифара постахеменидского Хорезма не являются приметой освоения культуры античной цивилизации и свидетельствуют о существовании этих инструментов на азиатской территории до прихода греков¹⁵. Архаический период истории музыки характеризовался типологическими соответствиями в иконографии музыкантов. Образ обнаженного музыканта с лютней, запечатленного на согдийских статуэтках, иконографически близок к статуэткам Западной Парфии¹⁶. Таким образом, находясь в орбите единых процессов, обусловленных широкими международными связями и взаимовлияниями, ранняя фаза музыкальной культуры Средней Азии развивалась не изолированно. В тот период устанавливаются контакты между странами восточного эллинизма.

Эллинистические традиции (конец IV—III в. до н. э.— IV в. н. э.). В ранний эллинистический период (конец IV—I вв. н. э.) часть Средней Азии последовательно входила в состав восточноэллинистических государств Александра Македонского, Селевкидов, Парфии, Греко-Бактрии. Эти южные среднеазиатские государственные образования стали ядром филлэллинской городской культуры, представляющей восточную ойкумену античного мира. В тот период в художественной культуре Средней Азии доминировали античные элементы. В «имперский период» в поздней Парфии и Кушанском царстве творчески усвоенные античные традиции наряду с элементами местной, степной и индийской культуры создают оригинальное искусство, формирование и расцвет которого приходится на I—IV вв. н. э.

Музыкальная культура Средней Азии эллинистической эпохи пережила два этапа: первый целиком основан на прямом заимствовании элементов греческой культуры, второй — на ассимиляции западных влияний. К раннему этапу относятся найденные в раскопках подлинные музыкальные инструменты: флейта из дерева (по-видимому, горизонтальная), обнаруженная в греческом городе Айханум¹⁷, а также костяные флейты с городища Тахти-Сангин¹⁸ и Старого Термеза¹⁹. Находки подтверждают сообщение китайских источников о том, что поперечная флейта была заимствована китайскими музыкантами из Западного края, т. е. из Средней Азии в эпоху Хань, во II в. н. э.²⁰ Устойчивость традиций местного инструментария нашла отражение в терракотах Кампыртепе I—II вв. н. э., на которых воспроизведены продольная и поперечная флейты²¹.

Хорошо известный греческий инструмент авлос, т. е. двойной гобой, был распространен не только в странах западного, но и восточного эллинизма. Духовой инструмент, состоящий из двух трубок, известен с глубокой древности.

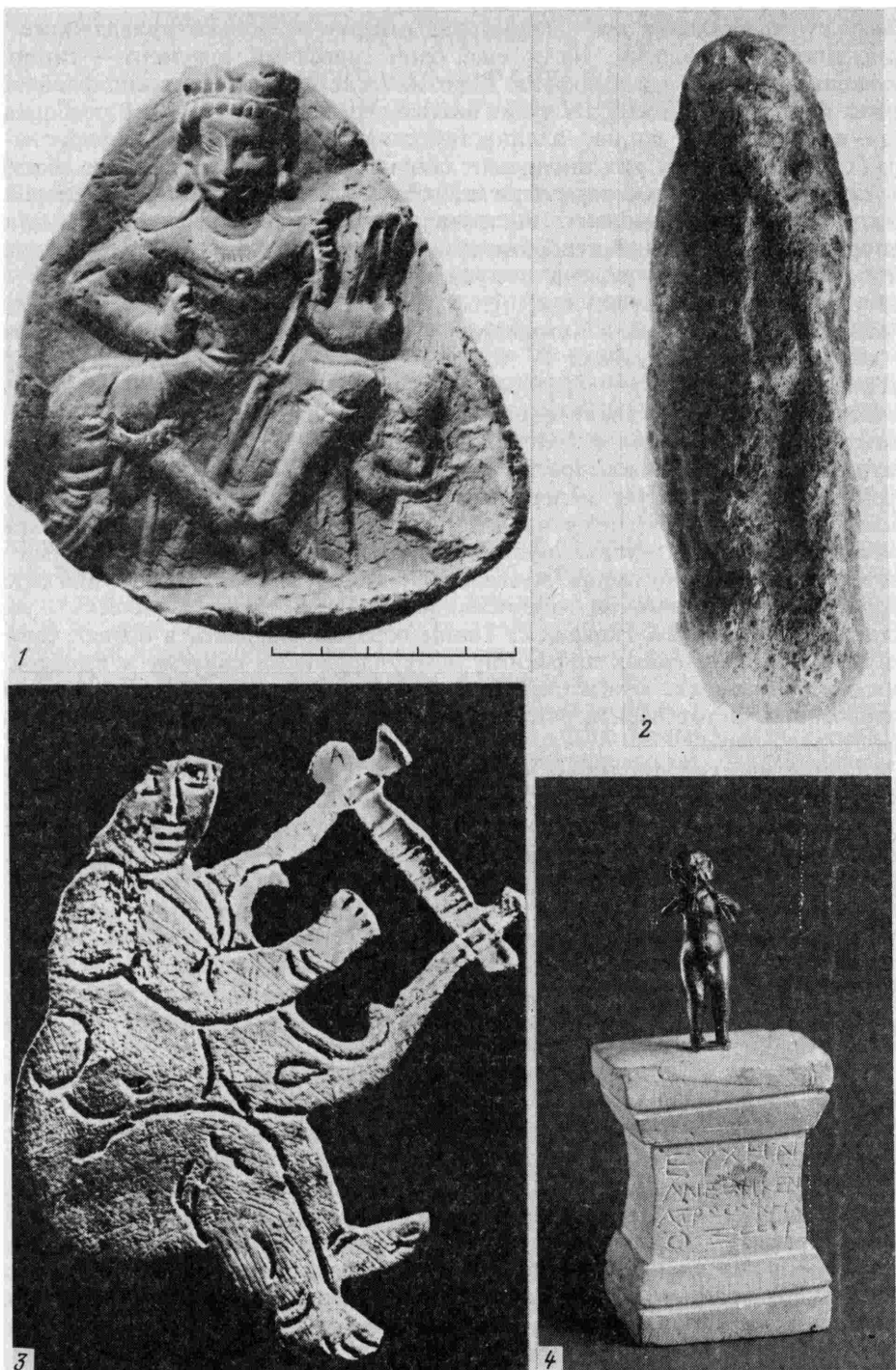

Рис. 1. Изображения кифары и авлоса на памятниках музыкальной археологии Бактрии и Согда
 1 — терракотовая плитка (Пенджикент); 2 — Сатир с авлосом (терракота, Старый Термез);
 3, 4 — Эрот с кифарой, статуэтка Силен-Марсий (Тахти, Сангин)

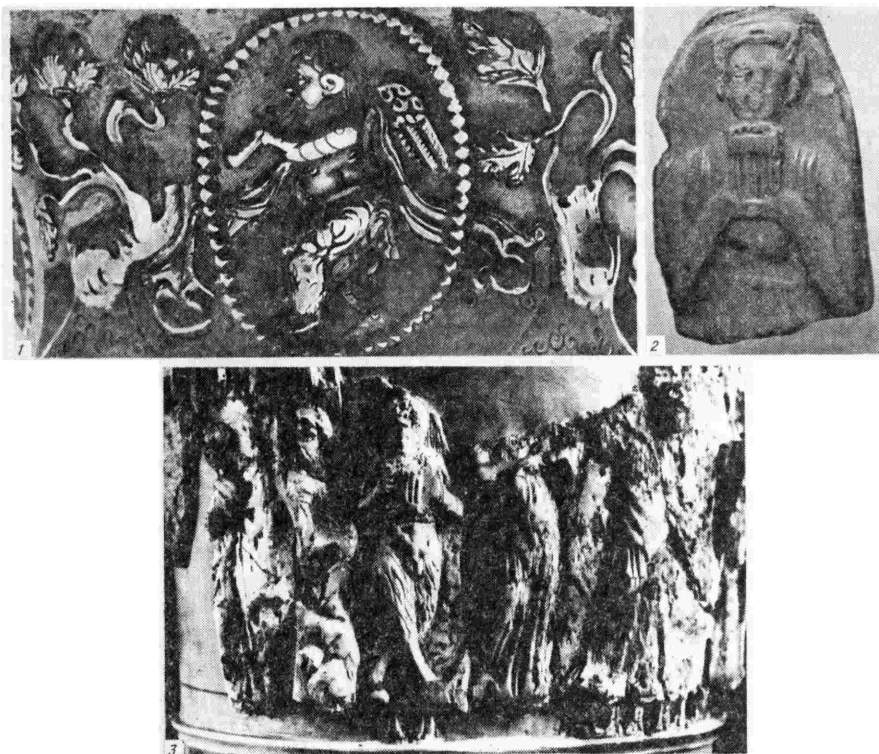

Рис. 2. Изображения аэрофонов на памятниках археологии Бактрии и Парфии

1 — крылатый Эрот с продольной флейтой (Бартымский кубок); 2 — дионисийский персонаж (терракотовая статуэтка из Зартепе); 3 — Сатир с флейтой Пана (деталь фриза. Старая Ниса)

Он запечатлен на терракотах Передней Азии II—I тысячелетия до н. э. Однако древнейший инструмент имел параллельно расположенные трубки. Греческий «двойной гобой», известный под названием авлос, отличается расположением трубок — последние сконструированы не параллельно, а под углом в верхней части.

В первые века до нашей эры вместе с образами греческой мифологии в Бактрии появляется авлос. Вотивный алтарик II в. до н. э. (из Такты-Сангин) с бронзовой статуэткой Силена-Марсия (рис. 2, 4), играющего на авлосе²², статуэтка Сатира-авлетиста (Старый Термез — рис. 1, 2)²³, столь похожего на фигурку Сатира-музыканта III в. до н. э. из Месопотамии²⁴, фигурка авлетистки из Южной Бактрии²⁵, позволяют предположить о внедрении дионисизма с его неперенными «музыкальными» вакхическими мотивами в культуру Среднего Востока²⁶.

Изображения авлоса на памятниках первых веков нашей эры (Айртамский фриз²⁷, греко-буддийские рельефы²⁸) позволяют заключить, что этот инструмент в бактрийско-гандхарском регионе вряд ли продолжал существовать в кушанскую эпоху. Авлос пока зафиксирован только в Бактрии. В других регионах Средней Азии изображения этого инструмента не обнаружены. Следует отметить, что этот инструмент в древнем мире пользовался большой популярностью. Однако в Средней Азии он не был столь распространен, как на Переднем Востоке.

Флейта Пана, типичный инструмент греко-римской культуры, крайне редко встречается в археологических материалах Средней Азии эллинистической эпохи.

С этой точки зрения интересны статуэтки, найденные на городище Зартепе²⁹ (рис. 2, 2) и Кампыртепе³⁰ (близ Термеза), датированные кушанским временем. Близкие временные параллели могут определить место бактрийских музыкантов, играющих на флейте Пана, в общем явлении — распространении эллинистической культуры на Восток. Из греко-римского мира этот инструмент проникает на север — на территорию Германии в эпоху римского господства (с I в. до н. э. по IV в. н. э.)³¹ и на Восток — в Египет птолемеевской эпохи. В греко-римском Египте флейта Пана являлась составной частью сложного многоствольного инструмента, в котором К. Закс выделил прототип органа³², существовавшего в музыкальной культуре Египта (в Александрии) с III в. до н. э.³³ Восьмиствольная флейта Пана с широкими поперечными планками, скрепляющими трубки, изображена на одной статуэтке птолемеевского Египта³⁴. Силены, нагие музыканты, женские персонажи в эллинистических одеяниях с сириноксом воспроизведены в массовом материале коропластики Западной Парфии³⁵.

Многоствольную флейту Пана можно видеть на памятниках Северо-Западной Индии³⁶. В большом количестве этот инструмент воспроизведен в терракотах Восточного Туркестана³⁷. Наиболее ярко эллинистическая природа проявилась в дионисийских сценах на ритонах Нисы, на которых изображены разнообразные музыкальные инструменты, типичные для античного мира: хордофоны (кифары, длинные лютни), аэрофоны (авлос, флейта Пана — рис. 2, 3), идиофоны (металлические чаши), мембранофоны (бубны)³⁸. В тот период сохранение традиционных образов уживается с сильной трансформацией, ассимилирующей чужеземные влияния. Этот сложный процесс отражает терракотовая статуэтка арфистки с городища Старого Термеза³⁹. Непонятный предмет в ее руках раньше принимался за рог изобилия богини плодородия. Однако сравнительный анализ дал возможность установить, что музыкантша держит в руках угловую арфу. Прямые аналогии термезская арфистка имеет с памятниками восточного эллинизма — статуэткой греко-римского Египта⁴⁰, терракотами Западной Парфии (Селевкии на Тигре⁴¹) и эллинистического Арташата⁴². Это типологическое сходство с образцами эллинистического Востока дает возможность считать термезскую статуэтку вариантом выработанного иконографического типа, широко известного на Переднем Востоке и в Средней Азии в первые века до нашей эры и первые века нашей эры.

Образ обнаженного музыканта с лютней (упомянутый выше), запечатленный на ранних статуэтках в Согде, истоки которого восходят к древнейшим прототипам Передней Азии, получает вторую жизнь в первые века нашей эры. С этой точки зрения интересна недавно открытая статуэтка из поселка Сариясия, расположенного недалеко от Термеза⁴³. Перед нами сложный синкретический образ, сочетающий генетические переднеазиатские и индийские традиции, а также приметы римско-парфянского времени, которые оживились в первые века нашей эры, в период расцвета кушанского государства. Статуэтка нагого музыканта из Сариясия типологически близка к скульптуре обнаженного лютниста римского времени из Египта, ныне хранящейся в Каирском музее. Однако если истоки этого иконографического типа восходят к древнейшим переднеазиатским образам, если временные аналогии уводят в мир восточного эллинизма⁴⁴, то лютня типа гитары, видимо, является типичным инструментом бактрийско-гандхарского региона, который проник в III в. н. э. в Восточный Туркестан (в Миран)⁴⁵.

Позднеэллинистические традиции (IV—VIII вв. н. э.). В эпоху домусульманского средневековья в условиях обширных международных связей и религиозной веротерпимости среднеазиатское общество сохранило в числе многих достижений культуры и античные традиции. В изобразительном искусстве Согда ярко проявилась реминисценция античности (сюжеты, стиль в росписях,

терракотах Пенджикента и Афрасиаба). Тяга к античным образам наблюдается и в музыкальной культуре. На согдийских терракотовых плитках VI в. изображают мифологические персонажи с кифарой (рис. 1, 2). Один из них представляет собой видоизмененный образ Аполлона⁴⁶. Музыкант ансамбля на пенджикентской фреске изображен с флейтой Пана⁴⁷. Устойчивость эллинистических традиций нашла яркое выражение в памятниках торевтики с дионисийскими музыкальными сценами (Алкинское блюдо⁴⁸, Бартымский кубок — рис. 2, 1)⁴⁹. Античные мифологические образы дионисизма свидетельствуют о проникновении в Среднюю Азию типичных образов эллинистической культуры, которые трансформировались под воздействием среднеазиатских традиций.

Рассмотренные в системе предложенной периодизации памятники музыкальной археологии намечают основные вехи широких взаимоконтактов в области мусических искусств народов Средней Азии и эллинистического мира на протяжении тысячелетия.

- ¹ Ставиский Б. Я. Средняя Азия и античность // XIV Междунар. конф. античников соц. стран: Тез. докл. Ереван, 1976; Мешкерис В. А. Эллинистические образы в коропластике Средней Азии // Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока. М., 1978. С. 243—256. Изобразительный материал музыкальной археологии приведен в труде: Karomatow F. M., Meskeris V. A., Vysgo T. S. *Mittelasiien*. Leipzig, 1987. Bd. 2, Lfg. 9. (Далее: *Mittelasiien*).
- ² Воробьева М. Г. Памятники искусства: Терракоты, рельефы и алебастровые статуэтки Кой-Крылган-кала. М., 1967. С. 184, табл. XXVIII, 32; С. 204, рис. 76; Садоков Р. Л. Музыкальная культура древнего Хорезма. М., 1970. С. 43—46, 85—87; Karomatow F. M. *Choresm* // *Mittelasiien*. S. 15, 16, Abb. 62, 63.
- ³ Вызго Т. С. Музыкальные инструменты Средней Азии: Ист. очерки. 1980. С. 22; Садоков Р. Л. Музыкальная культура... С. 86, 87.
- ⁴ Воробьева М. Г. Античные традиции в памятниках искусства и художественные ремесла древнего Хорезма // Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока. С. 234.
- ⁵ Ставиский Б. Я. Средняя Азия и античность. С. 412—414.
- ⁶ Появление в Месопотамии угловой арфы связано с влиянием хеттской культуры во II—I в. до н. э. См.: Закс К. Музыкальная культура Вавилонии и Ассирии // Музыкальная культура древнего мира. Л., 1937. С. 105.
- ⁷ Вызго Т. С. Музыкальные инструменты... С. 22, рис. 26 на с. 46, 47; Duchesne-Guillemin M. *Music in the ancient Mesopotamia and Egypt* // *World Archaeol.* 1981. N 3. P. 292—295; Subhi Anwar Rachid. *Mesopotamien* // *Musikgeschichte in Bildern*. Leipzig, 1984. Bd. 2. Lfg. 2. Abb. 62, 63—66, 67, 145, 151, 152.
- ⁸ Угловые арфы (найденные образцы самих инструментов и их изображения), связанные с переднеазиатской традицией, появившиеся в Египте с XV в. до н. э., продолжали существовать в более поздние эпохи античной истории (в период Птолемеев и господства Рима) с эпохи XVIII династии. См.: Закс К. Музыкальная культура Египта // Музыкальная культура древнего мира. С. 56—58, 62, рис. 4, 8; Hickmann H. *Ägypten* // *Musikgeschichte in Bildern*. Bd. 2, Lfg. 1. S. 30, Abb. 8; Hickmann E., Manniche L. *Die Musik des Altertums* // *Neues Handbuch der Musikwissenschaft*. Laaber-Verlag, 1989. Bd. 1. S. 68, 69 (Abb.) (изображения птолемеевской и римской эпох).
- ⁹ Садоков Р. Л. Музыкальная культура древнего Хорезма. С. 66, 67.
- ¹⁰ Закс К. Музыкально-теоретические воззрения и инструменты древних греков // Музыкальная культура древнего мира. С. 152, рис. 22.
- ¹¹ Воробьева М. Г. Античные традиции в памятниках искусства... С. 184, табл. XXVIII, 32, 33; Садоков Р. Л. Музыкальная культура древнего Хорезма. С. 85—87.
- ¹² Ingen W. van. *Figurines from Seleucia on the Tigris*. Ann Arbor; Oxford, 1939. Pl. XL, 289 (N 576), 291 (N 578). (Univ. Mich. press Humanistie ser.; V. 45); Ziegler Ch. *Die Terracotten von Warka* // *Ausgrabungen der deutschen Forschungsgemeinschaft in Uruk-Warka*. B., 1962. Bd. 6. S. 104. Taf. 28, 378; Subhi Anwar Rachid. *Mesopotamien*. Bd. 2, Lfg. 2. Abb. 160, 162.
- ¹³ Buren E. Douglas van. *Clay figurines of Babylonia and Assyria* // *Yale Orient. Ser. Res.* 1930. V. 16. Pl. LIX, fig. 286; Legrain L. *Terracottas from Nippur* // *Publ. Babylonian Section. Univ. Pa.* 1930. V. 16. P. 21. Pl. XXII, 112, 120; Ingen W. van. *Figurines from Seleucia*... P. 166. Pl. XXXVII, 270 (N 538), 271 (N 539); Barrelet M.-T. *Figurines et reliefs in Terre-cuite de la Mésopotamie Antique*. P., 1968. P. 346, pl. LXII, N 668; Wegner M. *Griechenland* // *Musikgeschichte*

- in Bildern. Leipzig, 1963. Bd. 2, Lfg. 4. Abb. 3, 19, 23, 137; *Winter F.* Die Typen der Figürlichen Terrakotten. В.; Stuttgart, 1903. Bd. 3(2). Taf. 138, 2, 3, 10, 11.
- ¹⁴ *Литвинский Б. А., Пичикян И. Ф.* Кушанские эроты//БДИ. 1979. № 2. С. 87—110; *Завьялов В. А., Мешкерис В. А.* Бактрийский музыкант с флейтой Пана//ОНУз. 1985. № 1. С. 53; *Савчук С. А., Малькеева А. А.* Терракотовые статуэтки музыкантов из Кампыртепе//ОНУз. 1989. № 5. С. 37, рис. 3.
- ¹⁵ Сами греки считали флейту Пана инструментом переднеазиатского происхождения. См.: *Вызго Т. С.* Музыкальные инструменты Средней Азии. С. 31. Известны воспроизведения этих древнейших инструментов на терракотах и рельефах Месопотамии. Флейту Пана (сиринкс) см.: *Buren E. Douglas van.* Clay figurines. P. 242. N 1190; *Barrelet M.-T.* Figurines... P. 318, N 588; кифару (прямоугольную): *Subhi Alwar Rashid.* Mesopotamien. S. 50, 66, 134, Abb. 19—22, 149.
- ¹⁶ *Мешкерис В. А.* Коропластика Согда. Душанбе, 1974. С. 15, табл. 1, 3. См. парфянские аналогии в приведенной литературе.
- ¹⁷ *Francfort H.-F.* Fouilles d'Al-Khanoum. 3. Le sanctuaire du temple a niches indentées. P., 1984. P. 32, pl. XV, N 23.
- ¹⁸ *Литвинский Б. А., Виноградов Ю. Г., Пичикян И. Р.* Вотив Атросока из храма Окса в Северной Бактрии//ВДИ. 1985. № 4. С. 89.
- ¹⁹ *Пидаев Ш. Ф.* Стратиграфия городища Старого Термеза в свете новых раскопок//Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда. Ташкент, 1987. С. 89, рис. 2.
- ²⁰ *Рифтин Б. Л.* Из истории культурных связей Средней Азии и Китая (II в. до н. э.— VIII в. н. э.)//ПВ. 1960. № 5. С. 120.
- ²¹ *Савчук С. А., Малькеева А. А.* Терракотовые статуэтки... С. 35, 36, рис. 1, 2.
- ²² *Литвинский Б. А., Виноградов Ю. Г., Пичикян И. Р.* Вотив Атросока... С. 88.
- ²³ *Вызго Т. С., Мешкерис В. А.* Терракотовые фигурки музыкантов из Термеза//ОНУз. 1983. № 2. С. 33.
- ²⁴ *Buren E. Douglas van.* Clay figurines... P. 181, pl. XLVIII, fig. 233.
- ²⁵ *Carl J.* Fouilles dans le site de Shahri-i-Banu et sondages au Zakar-tepe//MDAFA. P., 1959. V. 8. P. 59, 73, fig. 218.
- ²⁶ *Пугаченкова Г. А.* Дионисийская тема в античном искусстве Средней Азии//Acta antiqua Acad. sci. hung. 1967. T. 15, fasc. 1/4. P. 423—428.
- ²⁷ *Тревер К. В.* Памятники греко-бактрийского искусства. М., Л., 1940. Табл. 45—49.
- ²⁸ *Kaufmann W.* Altüdien//Musikgeschichte in Bildern. Leipzig, 1981. Bd. 2. Lfg. 8. Abb. 108, 114.
- ²⁹ *Завьялов В. А., Мешкерис В. А.* Бактрийский музыкант... С. 52—55.
- ³⁰ *Савчук С. А., Малькеева А. А.* Терракотовые статуэтки... С. 37, рис. 3.
- ³¹ *Ginsberg-Klar M. E.* The archaeology of musical instruments in Germany during the Roman period//World Archeol. 1981. V. 12. P. 316, pl. 79.
- ³² *Hickmann H.* Ägypten. S. 94, Abb. 57, 58. См. ссылку на работу К. Закса.
- ³³ *Dushesne-Guillemain M.* Musik in the ancient Mesopotamia and Egypt//World Archeol. 1981. V. 12. P. 292.
- ³⁴ *Hickmann H.* Ägypten. S. 110, Abb. 75.
- ³⁵ *Ingen W. van.* Figurines from Seleucia... N 189 (576), N 290 (577), 195 (573), 292 (579).
- ³⁶ *Kaufmann W.* Altüdien. S. 125, Abb. 78, 79, 84, 108, 113.
- ³⁷ *Хорокин С. С.* Древние художественные изделия из Хотана//Дьяконова Н. В., Сорокин С. С. Хотинские древности. Л., 1961. С. 29, табл. 22, 805, 806.
- ³⁸ *Массон М. Е., Пугаченкова Г. А.* Парфянские ритоны Нисы: Альбом. М., 1956; *Они же.* Парфянские ритоны Нисы//ТЮТАКЭ. Ашхабад, 1959. № 4. Примечание: имеется точка зрения о гандхарском генезисе нисийских ритонов. См.: *Щербакова Т. В.* К вопросу о месте изготовления ритонов, найденных на городище старая Ниса//Тез. докл. II Всесоюз. конф. по пробл. искусства народов Закавказья, Сред. Азии, Казахстана и вост. республик РСФСР. М., 1963; *Сергеева Т. В.* К вопросу о месте изготовления ритонов, найденных на городище Старая Ниса//Сообщ. Гос. музея искусства народов Востока. М., 1972. Вып. 5. С. 66—75.
- ³⁹ *Вызго Т. С., Мешкерис В. А.* Терракотовые фигурки... С. 38.
- ⁴⁰ *Hickmann H.* Ägypten. Abb. 109.
- ⁴¹ *Ingen W. van.* Figurines from Seleucia... Pl. XXXVI, 256, 260, 261, 263, 265.
- ⁴² *Хачатрян Т. Д.* Об античной коропластике Армении//ВДИ. 1979. № 3. С. 94, 95, табл. III.
- ⁴³ *Мешкерис В. А.* Три новых памятника коропластики Бактрии//КСИА. 1985. Вып. 182. С. 60—63.
- ⁴⁴ *Мешкерис В. А.* Ранние терракоты Согда: (К вопросу об истоках согдийской коропластики)//Искусство таджикского народа. Душанбе, 1965. С. 34, 35, рис. 16.
- ⁴⁵ *Stein A.* Ruines of Desert Gathay. L., 1912. V. 1. Pl. 146; Датировка Мирана приведена в следующих трудах: *Rowland B.* Zentralasien. Baden-Baden, 1970. S. 30; *Bussagli M.* Central Asien painting. Geneva, 1979. P. 27.
- ⁴⁶ *Mittelasien.* Abb. 128, 130.
- ⁴⁷ *Беленицкий А. М.* Монументальное искусство Пенджикента. М., 1973. С. 24.
- ⁴⁸ *Mittelasien.* Abb. 50, 51.
- ⁴⁹ *Ibid.* Abb. 86—90.

КОСТЯНЫЕ ПРЕДМЕТЫ ТУАЛЕТА ИЗ ПАМЯТНИКОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ КУШАНСКОГО И ПОСТКУШАНСКОГО ВРЕМЕНИ

Довольно распространенной категорией находок на городищах и поселениях Средней Азии античного времени являются изделия из кости и рога, функциональное назначение которых определяется исследователями весьма различно. Эти предметы зафиксированы в Парфии, Маргиане, Хорезме, Согде, Чаче, но, пожалуй, наиболее часто они встречаются на территории Бактрии-Тохаристана, некогда входившей в состав кушанской империи. Так, на городище Зартепе в слоях, относимых к позднекушанскому или кушано-сасанидскому периоду, к 1985 г. (включительно) найдено 110 подобных изделий, причем на 52 из них полностью или частично сохранились навершия (рис. 1, 2)¹; двенадцать предметов с обломанными в древности навершиями, судя по следам залощенности на месте излома, использовались вторично в той же самой функции. Остальные 46 изделий представлены фрагментами различной сохранности, 26 из них с острыми концами, 20 — средние части без острых концов и наверший. Столь многочисленная коллекция послужила отправной точкой формальной типологизации этой категории находок, тем более что такое исследование не проводилось. К настоящему времени на основе опубликованных материалов, исходя из характера изображения наверший, можно выделить четыре их группы: антропоморфную, зооморфную, геометрическую и растительную, в свою очередь подразделяющиеся на типы и варианты (рис. 3).

В антропоморфную группу включены «булавки» с навершиями, изображающими различные божества, а также с навершиями в виде человеческой руки. Всего в этой группе пока насчитывается шесть типов. Тип 1 — с навершием в виде сидящей богини. Богиня в длинном платье сидит на троне без спинки. Ее левая рука согнута в локте под прямым углом, кисть на поясе. Кисть правой, сильно согнутой в локте руки поднята к правому плечу и, видимо, держит плохо различимый предмет. Голова отломана. Контур нижней части фигурки весьма напоминает контур сидящей Ардохшо на монетах Канишки III. Единственный экземпляр этого типа найден на уровне 2-го пола помещения 159 в жилом квартале на раскопе 6 городища Зартепе (рис. 2, 1; 3).

Тип 2 представляет собой навершие «костяного стиля» из Новой Нисы, увенчанное фигуркой стоящего божества².

Тип 3 — с навершием в виде мужского бюста, обрамленного полураспустившимся бутонем лотоса, найден на городище Топраккала в Хорезме. Исходя из аналогий прическе в других памятниках искусства, находка датируется с конца II до начала IV в. н.э.³

Тип 4 имеет навершие в виде кисти руки с растопыренными пальцами и подразделяется на варианты А и Б. Вариант А характеризуется одним нарезным кольцом, расположенным на запястье и, возможно, имитирующим браслет. Предметы типа 4А обнаружены во II погребальном горизонте в склепе 8 науса Дальверзинтепе⁴. Аналогичные навершия встречены при раскопках поселения Актепе II в Южном Таджикистане и датируются серединой IV—V вв.⁵ Вариант Б этого типа наверший, найденный в Варахше, отличается от варианта А тем, что на запястье «булавки» 3 нарезных кольца⁶. Четырехпалость кисти в данном случае, скорее всего, объясняется недостаточной профессиональностью мастера, не сумевшего правильно разметить заготовку, и вряд ли может учитываться в качестве отдельного признака.

Тип 5 представляет собой также кисть руки, указательный и большой

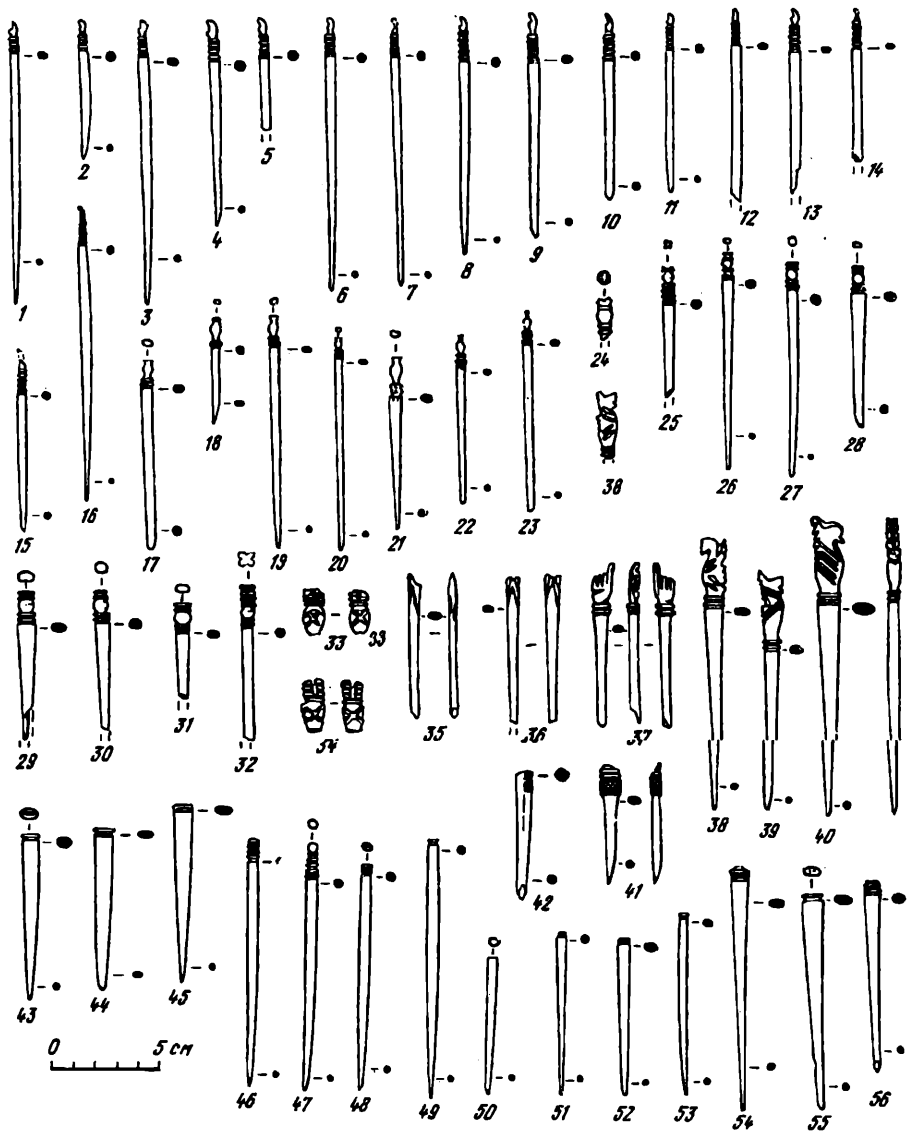

Рис. 1. Костяные булавки городища Зартепе

26, 55 — раскоп 3, остальные — раскоп 6; 1, 2, 4, 5, 7—10, 12, 14—17, 19, 20, 22, 23, 25—29, 31, 33—37, 40—42, 45—48, 50—55, 57 — горизонт I; 3, 11, 13, 18, 21, 24, 30, 38, 39, 44, 56 — горизонт II (подъемные — 6, 32, 43, 45, 49)

пальцы которой сомкнуты вместе и вытянуты, тогда как 3 остальные пальца прижаты к ладони. Вариант А, обнаруженный на полу помещения 24 объекта ДТ-6 Дальверзинтепе, имеет навершие в виде кисти левой руки с одним нарезным кольцом на запястье. Большой палец отделен от указательного неглубокой поперечной канавкой⁷. По технике и стилю исполнения ему очень близок вариант Б, найденный на городище Зартепе, на уровне 2-го пола помещения 70 на раскопе 6, но здесь навершие изображено в виде правой руки, на запястье которой 2 нарезных прямоугольника (рис. 1, 37). Также

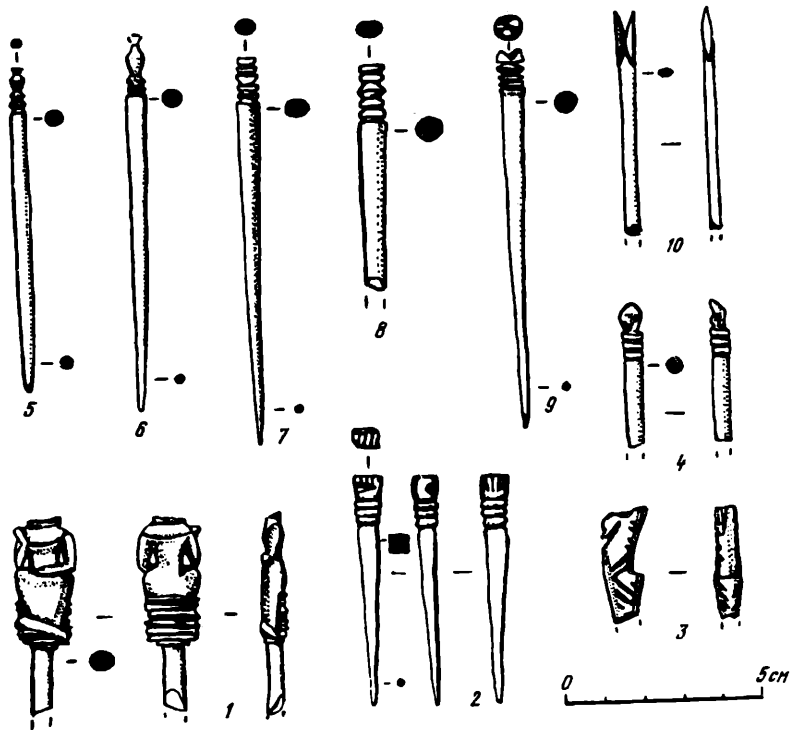

Рис. 2. Костяные и бронзовая (2) булавки городища Зартепе

1, 2, 5, 6, 8 — раскоп 6, горизонт I; 3 — раскоп 1 (пом. 3, пол); 4, 7 — горизонт II; 9 — подъемная; 10 — раскоп 12 (пом. 3, пол 2)

кистью правой руки увенчано навершие варианта В, обнаруженного в доме № 1 Аязкала. В отличие от первых двух вариантов здесь на запястье 4 нарезных кольца⁸. К варианту Г этого типа относится навершие «костяного стилия» из Халчаяна⁹. Оно отличается от описанных выше следующими признаками: судя по рисунку, указательный палец отделен от большого продольной линией, ниже кисти на запястье «манжет», украшенный сетчато-ромбическим орнаментом. Видимо, к вариантам типа 5 принадлежат также «шпильки», обнаруженные в комплексе Сеталак I в бухарском оазисе¹⁰.

Тип 6 — с навершием в виде кисти руки, сжатой в кулак. Вариант А представлен «шпилькой» из цитадели Гяуркалы, навершие которой воспроизводит кулак правой руки, ниже которого 3 нарезных кольца¹¹. Почти идентичное навершие обнаружено на «булавке» в слое Беграм II, отличающееся от варианта А только одним признаком — крестиком на верхней части запястья, прорезающим нарезные кольца, что позволяет видеть в нем вариант Б¹². Представляет интерес тот факт, что изделия этого типа также изготавливались из бронзы, как это засвидетельствовано находкой «заковки» в камере I науса III у Ялангтуштепе¹³ и бронзовой кованой булавки, полностью аналогичной варианту А на Зартепе (рис. 2, 2). Более того, аналогичные навершия бронзовых булавок, видимо, традиционны для данной территории и уходят корнями в культуру Сапалли, где они встречены в погребениях близ черепов и под ними¹⁴.

Следующая зооморфная группа наверший в материалах Средней Азии немногочисленна и подразделяется на три типа¹⁵. Тип 1 с навершием в виде

Группа	А						Б			Г								Р	
	1	2	3	4	5	6	1	2	3	1	2	3	4	5	6	7	8		
А																			
Б																			
В																			
Г																			
Д																			

Рис. 3. Типы и варианты булавок Средней Азии

головы коня представлен находками только в Южном Узбекистане: 5 экз. на городище Зартепе¹⁶ и 1 экз. на сельском поселении Аккурган¹⁷. По набору признаков идентичны 2 навершия: аккурганское и найденное на полу 3 в помещении 68 раскопа 6 (рис. 1, 38), отнесенные к варианту А. Они характеризуются выемкой, обозначающей холку коня. Грива передана поперечными горизонтальными пропилами. По 4 наклонных пропила располагаются парами под углом друг к другу по обеим сторонам шеи. Рот обозначен поперечной выемкой. Под навершием 2 нарезных овала. Вариант Б отличается от них тем, что на теменной части головы появляется вертикальная выемка, разделяющая уши (рис. 1, 40)¹⁸. В следующем варианте В (рис. 2, 3) на шее, помимо 4 пропиленных линий, дополнительно появляются короткие косые пропилы, обозначающие гриву, тогда как поперечные пропилы на верхней части гривы и холки отсутствуют. В варианте Г сохранены признаки варианта А, но рот не обозначен вовсе, а ухо выделено вертикальным пропилом на боковых сторонах (рис. 1, 39)¹⁹. Вариант Д сохраняет ряд признаков предшествующих вариантов, но в то же время у него не выделена холка, в верхней части шеи грива выделена косыми, сходящимися в «елочку» короткими линиями. На боковых сторонах шеи грива изображена с помощью 5 параллельных косых линий (рис. 1, 41)²⁰. Тип 2 с навершием в виде птицы найден на Яванском городище в слоях IV—V вв.²¹ Аналогии этому типу прослеживаются пока только в материалах Таксилы²².

Тип 3 представлен двумя навершиями роговых булавок, увенчанных головкой змеи, одна из которых (вариант А) обнаружена в здании III квартала А городища Топраккала²³. Вторая вариант Б на городище Шаштепе в Ташкенте²⁴.

Третья наиболее многочисленная группа включает изделия с навершиями геометрического характера. Тип 1 — с ложковидным навершием на Зартепе оказался наиболее многочисленным и насчитывает 17 экз. По количеству нарезных колец, расположенных ниже ложечки, выделяются четыре варианта: А — 3 кольца (рис. 1, 1, 2; 2, 4); Б — 4 кольца (рис. 1, 3—5); В — 5 колец (рис. 1, 6—14); Г — 6 колец (рис. 1, 15, 16). Самый распространенный на Зартепе вариант В обнаружен также на Хайрабадтепе²⁵. Костяная игла с навершием варианта А найдена в процессе исследования Дильберджина²⁶, еще одна булавка обнаружена на Чакалактепе²⁷. Латунная булавка этого типа лежала справа от черепа в женском погребении в ограде Х Бабашовского могильника²⁸. Аналогичная ей булавка из серебра обнаружена в погребении 141 могильника Тупхона²⁹. Уховертки и зубочистки из бронзы, серебра и железа с ложковидным навершием представлены и в других могильниках Северного Таджикистана³⁰. За пределами Средней Азии известно подобное изделие из стекла, возможно происходящее из Сирии³¹. Костяная булавка варианта Г обнаружена в числе инвентаря погребальной ямы № 1 поселения Актепе в Кобадияне³².

Тип 2 с кувшинообразным навершием представлен на Зартепе 9 экз. и подразделяется на три варианта. В варианте А ниже «кувшинчика» — 2 нарезных кольца (рис. 1, 17, 18). В варианте Б нарезные кольца дополнительно украшены косыми пропилами-насечками (рис. 1, 19—22; 2, 5, 6). У варианта В при сохранении признаков первых двух вариантов, ниже «кувшинчика» — 3 нарезных кольца (рис. 1, 23). В материалах из Аккургана обнаружены булавки, полностью идентичные вариантам А и Б³³.

Тип 3 обнаружен на Зартепе в количестве 8 экз. и характеризуется 4 нарезными кольцами, расположенными по 2 сверху и снизу от шарообразной или биконической сердцевинки. Верхний торцевой конец изделий плоский, как у типа 2, округлой или овальной формы (рис. 1, 26—31; 2, 7, 8). Навершия

типа 3 найдены также в Хайрабадтепе³⁴, в слое Беграм III³⁵ и, возможно, на уровне пола 3 в Дурмантепе³⁶.

Тип 4 имеет такую же сердцевину, как тип 3, но при этом верхний торцевой конец изделий разделен на 4 подтреугольных пирамидальных выступа. В варианте А ниже биконической сердцевины 2 нарезных кольца (рис. 2, 9). У варианта Б 4 кольца (рис. 1, 25), что полностью аналогично булавке, найденной при раскопках Чакалактепе³⁷. В варианте В 3 кольца, одно из которых расположено между сердцевиной и верхним торцевым концом, еще 2 — ниже сердцевины. Булавка типа 4В обнаружена, кроме Зартепе, в Дурмантепе в тех же стратиграфических условиях, как и упомянутая выше типа 3³⁸. Вариант Г, найденный на Хайрабадтепе, отличается от описанных выше попарным расположением над и под сердцевиной 4 нарезных колец и дополнительно еще 2, расположенных несколько ниже на стержне изделия³⁹.

Тип 5 представлен на Зартепе I целиком сохранившимся навершием и 2 фрагментами. На других памятниках булавки этого типа обнаружены в крепости Капарас⁴⁰, на городище Топраккала⁴¹ и в наусе Дальверзинтепе⁴². Все они подразделяются на три варианта. Вариант А характеризуется биконической или близкой к шару сердцевиной, ниже которой 2 нарезных кольца, выше 5 (на зартепинском навершии) (рис. 1, 32) или 6 (на капарасском экземпляре) нарезных близких к квадрату прямоугольников, 3—4 верхних из них прорезаны на каждой стороне вертикальным клиновидным вырезом. Подробное описание навершия варианта Б дано С. М. Коляковым на примере целой капарасокой булавки⁴³. Исходя из зартепинских наверший (рис. 1, 33, 34), к нему можно добавить лишь то, что косые кресты окрашены не на широких, а на узких сторонах сердцевины. Красной краской окрашены желобки между нарезными овалами и еще на одном зартепинском экземпляре, навершие которого не сохранилось (рис. 1, 55). Сам по себе прием окраски прорезей навершия отмечен на булавке из Ай-Ханум, где применены чередующиеся красная и синяя краски⁴⁴. Существенно отличается от вариантов А и Б вариант В, сердцевиной которого является четырехгранник с хорошо проработанными углами и такими же крестиками на гранях. Ниже находится отделенный от сердцевины желобком еще 1 четырехгранник, украшенный сетчато-ромбическим орнаментом. Выше сердцевины желобок, над которым находится третий четырехгранник, разделенный на 4 треугольных пирамидальных выступа⁴⁵. Вариант В, помимо описанного выше, найденного в числе находок в здании III городища Топраккала, обнаружен среди 3 «булавок» в одной из ям двора дома № 2 на Джанбаскалинском поселении в Хорезме. Обживание дома датируется II в. н. э.⁴⁶

Тип 6 с раздвоенным навершием на Зартепе обнаружен трижды (рис. 1, 35, 36; 2, 10). Каждый из раздвоенных концов по форме близок равнобедренному треугольнику (вид спереди и сзади). Боковые грани концов линзо- или ромбовидной формы. Аналогичное навершие украшает булавку из слоя Беграм I⁴⁷. Типологически близка перечисленным выше и уже упоминавшаяся булавка из Ай-Ханум с более сложным навершием.

Тип 7 имеет шарообразное навершие, ниже которого 5 нарезных колец (рис. 1, 48). Варианты аналогичных наверший с 1 нарезным кольцом и без него известны в Таксиле⁴⁸.

Тип 8 с навершием в виде гребня в Средней Азии пока представлен единственным экземпляром из бронзы, происходящим из раскопок Яванского городища⁴⁹. Судя по описанию, эта булавка аналогична костяным булавкам из Таксилы и может относиться к варианту А⁵⁰. В качестве варианта Б следует рассматривать костяную булавку из слоя Беграм II, навершие которой без горизонтальных желобков, отделяющих его от стержня, украшенного к

тому же резьбой из косых линий, расположенных между двух пар горизонтальных линий. Нижняя часть гребня орнаментирована с обеих сторон горизонтальными линиями⁵¹.

Группа с навершиями растительного характера к настоящему времени включает в себя всего один тип, навершие которого украшено изображением гранатового яблока. Костяная булавка с таким навершием обнаружена при раскопках дворца Топраккала⁵². Чаще находят аналогичные металлические изделия. Так, в женском погребении № 6 на Тиллятепе обнаружены 2 серебряные булавки, навершия которых покрыты золотой фольгой⁵³. Известна находка бронзовой булавки, кстати вместе с костяными типа Г5А и Г5Б, в крепости Капарас⁵⁴.

К перечисленным выше типам можно было бы добавить по крайней мере еще несколько, но не вполне удовлетворительное качество публикаций — отсутствие разрезов и видов сверху, весьма лаконичное описание изделий, носящее характер попутных замечаний, — не позволяет с достаточной уверенностью составить более полный список типов и их вариантов⁵⁵. Построение списка представляет возможность дополнить его в любой группе, для обозначения которых можно ввести индексы: А — антропоморфная, З — зооморфная, Г — геометрическая, Р — растительная. Тогда следующие типы и их варианты будут записываться следующим образом А7А- ..., Г9А- ... и т. д.

Как упоминалось выше, на Зартепе обнаружено 12 изделий, навершия которых либо не сохранились, либо представлены частично (рис. 1, 42, 44, 47, 49—57), использовавшихся вторично в той же самой функции. Место излома у них заполировано, а в одном случае (рис. 1, 51) сначала отпилено, а затем зашлифовано до блеска. Вторично использовалась и часть булавок, у которых отламывался острый конец, при этом острие затачивалось вновь (рис. 1, 2, 18, 21, 43, 47). По определению зоолога Н. М. Ермоловой, все булавки изготовлены из длинных трубчатых костей и рогов домашних животных, а также рогов бухарского оленя. Среди зартепинских экземпляров нет изготовленных из слоновой кости⁵⁶. Практически на всех изделиях наблюдаются следы обработки с помощью абразива. Следы в виде продольных неглубоких черточек, как правило, идут примерно под углом 45° к стержню и навершию. На поверхности стержня и выступающих частях наверший отчетливо видна заполированность, при этом наибольший блеск чаще наблюдается с середины стержня к его острому концу. Весьма показательны, что на одной из булавок (рис. 1, 56), имеющей несколько лунок, залощенность прослеживается и на дне этих углублений, тогда как на углубленных частях наверший такие следы отсутствуют. Это обстоятельство предполагает, что нижние части стержней в процессе использования самих изделий часто соприкасались с какими-то мягкими материалами.

Некоторые возможности в отнесении фрагментов булавок с частично сохранившимися навершиями к тому или иному типу дают наблюдения по их сечению в месте перехода от стержня к навершию, а также учет длины экземпляров по типам. В целом максимальная длина изделий не превышает 15,5 см, минимальная — 5 см на булавках вторичного использования. Основная масса имеет длину 10—15 см. Материалы Зартепе свидетельствуют, что изделия типа Г1А-Г, как правило, круглые в разрезе, а булавки типа З1А-Г овальные. На основе этих наблюдений можно предположить, что фрагменты (рис. 1, 44—46, 55—57) не могут относиться к вариантам типа Г1. Установление столь жесткой альтернативы по отношению к другим типам преждевременно и будет возможно с дальнейшим накоплением материала.

Многие типы костяных булавок (А2,6; 32; Г1, 4, 7, 8; Р1) находят параллели в металлических и стеклянных изделиях, что, вероятно, указывает на их

одинаковое использование. Косвенно это подтверждается совместными находками тех и других на поселениях и погребениях.

Осторожное отношение исследователей к возможностям датировки этих изделий, часто находимых к тому же в кушанских и кушано-сасанидских комплексах, обусловлено и отсутствием типологии. Опираясь на стратиграфически обоснованные комплексы, в настоящее время можно попытаться лишь ориентировочно наметить хронологические и территориальные границы для некоторых типов, причем настолько, насколько позволяет современное состояние источников. Прежде всего следует отметить, что в период раннего средневековья (после V в.) вместе с исчезновением традиций кушанского культурного комплекса резко сокращается и количество булавок. Тем не менее они все-таки встречаются, примером чему могут служить находки в Пенджикенте⁵⁷. Более того, целый ряд типов существует довольно продолжительный отрезок времени. К ним в группе А относятся типы 4—6, в группе З — тип 2, в группе Г — типы 1, 2, 4, 6—8, в группе Р — 1. Здесь следует учитывать несколько обстоятельств, осложняющих определение нижних и верхних границ существования этих типов. Находки рассматриваемых костяных изделий в раннесакских и сако-парфянских слоях Сиркапа (слои IV—II) как будто указывают нижнюю границу в пределах конца II в. до н. э.— I в.н.э.⁵⁸ Но при этом в более поздних слоях Таксилы изделия этого рода не зафиксированы. Судя по находкам в Беграм I и Ай-Ханум, тип Г6 с раздвоенным навершием также появляется в этот период⁵⁹. Финальный период бытования данных типов фиксируется на Зартепе в кушано-сасанидских слоях, датируемых IV — серединой V в.

Более узкие хронологические рамки можно предварительно предположить для булавок типа Г3,5; З1, пока не встреченных в слоях ранее II—III вв. и существовавших до середины или конца V в. Что касается остальных типов этих изделий, то, учитывая их немногочисленность и недостаточно надежные стратиграфические условия, делать какие-либо, даже предварительные выводы о их распространении во времени, видимо, преждевременно.

Современный уровень наших знаний также недостаточен и в отношении локализации отдельных типов, вследствие чего предложенные ниже выводы следует считать предварительными. С некоторой долей уверенности можно говорить о булавках с навершием в виде коня (З1), найденных только на Зартепе и в Аккургане, т. е. в районе, тяготеющем к Старому Термезу. Булавки типа Г5 обнаружены на Зартепе, Топраккале, в крепости Капарас и Джанбаскалинском поселении на территории Хорезма и, возможно, в Мерве⁶⁰. Булавки с навершием типа Г3, как это было показано выше, — на Зартепе, Аккургане, Хайрабадтепе и в слое Беграм III. Не исключено, что типы Г3 и З31 получили распространение только в кушано-сасанидский период и только на территории кушаншахра.

Особо следует остановиться на функции предметов этого рода, по поводу которой существует два основных взаимоисключающих друг друга предположения. Согласно первому из них, выдвинутому С. П. Толстовым, они использовались как предметы для письма — «стили»⁶¹. Основная аргументация в пользу данного предположения была развернута Г. А. Пугаченковой⁶², предлагавшей по аналогии с древнерусскими новгородскими писалами⁶³ также называть и рассматриваемые изделия. Как свидетельство распространения письменности в древнем Ташкенте в I—III вв. интерпретируется находка костяного «стиля», обнаруженного в культурном слое Шаштепе⁶⁴. Однако большинство исследователей склонны рассматривать эти изделия как предметы туалета в широком смысле (уховертки, зубочистки, шпильки-заколки, булавки,

сурьматаши). Некоторые, правда, отстаивают их универсальность и полифункциональность⁶⁵.

Совокупность материала склоняет чашу весов в пользу сторонников второго предположения, что можно подкрепить целым рядом дополнительных аргументов. Непосредственно указывает на косметическую функцию предмета наверху в виде гребня (Г8). Находки данных изделий в женских погребениях близ черепа (Г1, Р1) ясно указывают на их использование в качестве шпильки-заколка. Сам по себе факт обнаружения этих изделий в кочевнических погребениях и в достаточно большом количестве на сельских поселениях скорее свидетельствует об их «туалетной» функции, чем о распространении грамотности в среде кочевников и сельских жителей (Аккурган, Аязкала, Дурмантепе, Чакалактепе). В этом отношении не менее показательным является отсутствие находок «стилей» в буддийских монастырях, обитатели которых, судя по имеющимся в нашем распоряжении данным, представляли наиболее образованную часть населения. В качестве косвенного аргумента можно привести и такой факт, что булавки найдены на Зартепе в самых различных условиях, никак не связанных с какими-либо специализированными помещениями для обучения письму. Приведенная аргументация вовсе не бросает тени сомнения в широком распространении письменности в кушанское время, о чем красноречиво свидетельствуют различные надписи не менее чем 4 видов письма, засвидетельствованные на территории Бактрии-Тохаристана. Что касается истинной функции исследуемых предметов, то ее можно определить только как «туалетную» в широком смысле слова.

В период развитого средневековья (XII—XIV вв.) подобные изделия с наверху в виде петухов вновь появляются на территории Дехистана и рассматриваются как «стили» на основе их находок в медресе и наличия красной краски⁶⁶. Это предположение, помимо бесспорного факта обнаружения данных изделий в медресе, требует однако дополнительной аргументации.

Последнее, на чем хотелось бы заострить внимание,— отчего так много находок булавок на городище Зартепе? Такого их количества не обнаружено ни на одном широко исследованном памятнике, включая такие, как Дальверзинтепе, Дильберджин и др. В данном случае, видимо, вполне правомочно предполагать наличие местного производства, о чем косвенно свидетельствуют многочисленные находки остеологического материала, в том числе и заготовок. Однако до настоящего времени никаких следов костеобрабатывающих производств или специализированных помещений на Зартепе не обнаружено.

¹ Основные сведения о раскопках на Зартепе см.: *Альбаум Л. И.* Балалыктепе. Ташкент, 1960. С. 14—41; *Завьялов В. А.* Раскопки квартала позднекушанского времени на городище Зартепе в 1975—1976 гг. // *СА.* 1979. № 3. С. 141—154; *Завьялов В. А., Осипов В. И.* Раскопки жилого комплекса на городище Зартепе в 1973 г. // *Бактрийские древности.* Л., 1976. С. 51—58; *Массон В. М.* Кушанские поселения и кушанская археология // Там же. С. 3—17; *Щетенко А. Я.* Раскопки монументального архитектурного комплекса Зартепе // *Древняя Бактрия.* Л., 1974. С. 42—50.

² *Массон М. Е., Пугаченкова Г. А.* Парфянские ритоны Нисы // *Тр. ЮТАКЭ.* Ашхабад, 1959. Т. IV. С. 172, 179, рис. 34. Более подробное описание см.: *Ремпель Л. И.* Новые материалы к изучению древней скульптуры Южной Туркмении // Там же. Ашхабад, 1953. Т. II. С. 185, 186, рис. 20.

³ *Трудновская С. А.* Предметы вооружения и быта // *Тр. ХАЭЭ.* М., 1981. Т. 12. С. 117, рис. 57.

⁴ *Пугаченкова Г. А., Ртвеладзе Э. В.* и др. Дальверзинтепе. Ташкент, 1978. С. 108—112, рис. 78, 79.

⁵ *Седов А. В.* Кобадиян на пороге раннего средневековья. М., 1987, С. 170, табл. VII, 1—3.

⁶ *Шишкин В. А.* Варахша. М., 1963. С. 119, 120, рис. 58.

⁷ *Пугаченкова Г. А., Ртвеладзе Э. В.* и др. Дальверзинтепе. С. 59, рис. 36, 8 (Текст Б. А. Тургунова).

⁸ *Толстов С. П.* Древний Хорезм. М., 1964. С. 111, табл. 27, рис. 1.

- ⁹ Пугаченкова Г. А. Халчаян. Ташкент, 1966. С. 96, рис. 62.
- ¹⁰ Сулейманов Р. Х. Археологические находки комплекса Сеталак I//Культура древнебухарского оазиса III—VI вв. н. э. Ташкент, 1983. С. 107, рис. 39.
- ¹¹ Жуковский В. А. Развалины старого Мерва. СПб., 1884. С. 96, рис. 36.
- ¹² Ghirshman R. Begram. Le Caire//MDAFA, 1946. T. 12. Pl. XXXVII, BG-104.
- ¹³ Ртвеладзе Э. В. Могильник кушанского времени у Ялангуштушете//СА. 1983. № 2. С. 133, рис. 9, 24.
- ¹⁴ Аскарлов А. А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент, 1977. С. 77. Табл. XL, 5, 6; XLI, 2—4.
- ¹⁵ Название группы до некоторой степени условно, так как она включает изображения птиц и рептилий.
- ¹⁶ Фото этого варианта см.: Завьялов В. А. Раскопки квартала... С. 152, рис. 9, 2
- ¹⁷ Пидаев Ш. Р. Поселения кушанского времени Северной Бактрии. Ташкент, 1978. С. 80, рис. 27, 7.
- ¹⁸ Фото этого варианта см.: Завьялов В. А. Раскопки квартала... Рис. 9, 4.
- ¹⁹ Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии//Археология СССР. М., 1985. Табл. СХП, 1.
- ²⁰ Фото этого варианта см.: Завьялов В. А. Раскопки квартала... Рис. 9, 2.
- ²¹ Шедеры древнего искусства Таджикистана. М., 1983. С. 34, № 122, 123.
- ²² Marshall J. Taxila. Cambridge, 1951. V. III, pl. 206, 14, 16, 17.
- ²³ Городище Топраккала//Тр. ХАЭЭ. М., 1981. Т. 12. С. 121, рис. 59, 39.
- ²⁴ Филанович М. И. Две находки в Шахтепе в Ташкенте//ИМКУз. Ташкент, 1986. Вып. 20. С. 49, 50, рис. 3.
- ²⁵ Жуков В. Д. Археологическая разведка в Шахристане Хайрабадтепе//ИМКУз. Ташкент, 1961. Вып. 2. С. 185—186, рис. 5.
- ²⁶ Кругликова И. Т. Дильберджин, М., 1974. С. 92, рис. 64.
- ²⁷ Chaqalaq Tepe: Fortified village in North Afghanistan excavated in 1964—1967. Kyoto Univ., 1970. Fig. 60, pl. 56.3.
- ²⁸ Мандельштам А. М. Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии. Л., 1975. С. 73, табл. XXXIX, 3.
- ²⁹ Литвинский Б. А., Седов А. В. Культы и ритуалы кушанской Бактрии. М., 1984. С. 58.
- ³⁰ Литвинский Б. А. Орудия и утварь из могильников Западной Ферганы. М., 1978. С. 136—138. Табл. 36, 5, 6, 9, 10.
- ³¹ Glass from ancient World: The Ray Winfield Smith collection: A special exhibition. Corning- N. Y., 1957. N 300.
- ³² Пидаев Ш. Р. Поселения ... С. 78, рис. 27.
- ³³ Седов А. В. Кобадиян ... С. 170, табл. VII, 3.
- ³⁴ Жуков В. Д. Археологическая разведка ... Рис. 5.
- ³⁵ Ghirshman R. Begram ... P. 77, p. XLVII, BG 154.
- ³⁶ Durman Tepe and Lalma: Buddhist sites in Afghanistan surveyed in 1963—1965. Kyoto Univ., 1968. Pl., 12.15.
- ³⁷ Chaqalaq Tepe ... P. 24, fig. 60, pl. 56.3.
- ³⁸ Durman Tepe ... Pl. 12.14.
- ³⁹ Жуков В. Д. Археологическая разведка ... Рис. 5.
- ⁴⁰ Коляков С. М. Мастерская по обработке рога и кости в крепости Капарас//Этнография и археология Средней Азии. М., 1979. С. 50—52, рис. 4, 6, в.
- ⁴¹ Трудновская С. А. Предметы вооружения ... Рис. 59, 38.
- ⁴² Пугаченкова Г. А., Ртвеладзе Э. В. и др. Дальверзинтепе... С. 110, рис. 97
- ⁴³ Коляков С. М. Мастерская ... С. 50, 51, рис. 4, б.
- ⁴⁴ Francfort H.-P. Fouilles D; Al-Hanum//MDAFA, 1984. T. 27. P. 15. Tabl. N 5, 20, 26, pl. VI, N 20, 26.
- ⁴⁵ Трудновская С. А. Предметы вооружения ... Рис. 59,38.
- ⁴⁶ Неразик Е. Е. Археологический комплекс первых веков нашей эры из Хорезма//СА. 1987. № 2. С. 161, 173, 174, рис. 97
- ⁴⁷ Ghirshman R. Begram ... P. 48, pl. XXVII, BG 450.
- ⁴⁸ Marshall J. Taxila ... V. III, pl. 199.25.
- ⁴⁹ Литвинский Б. А., Седов А. В. Тепаишах: Культура и связи кушанской Бактрии. М., 1983. С. 55.
- ⁵⁰ Marshall J. Taxila ... V. III, pl. 206. 13, 18.
- ⁵¹ Ghirshman R. Begram ... P. 64, pl. XVI. 12, pl. XXXVII.
- ⁵² Топраккала. Дворец//Тр. ХАЭЭ. М., 1984. Т. 14. С. 229, рис. 90, 1.
- ⁵³ Bactrian Gold from the excavations of the Tillya Tepe necropolis in Northern Afghanistan. L., 1985. P. 47, burial 6 N 40, 3 N 67.
- ⁵⁴ Коляков С. М. Мастерская ... Рис. 4, а.
- ⁵⁵ Не исключено, например, выделение в отдельный тип группы А наверхия в виде сидящей обнаженной богини, находка которого зафиксирована в Мерве. См.: Кацуриц К., Буряков Ю. Изучение ремесленного квартала античного Мерва у северных ворот Гяуркалы//Тр. ЮТАКЭ.

- Ашхабад, 1963. Т. XII. С. 124. Видимо, к каким-то из выделенных типов и их вариантов будут относиться опубликованные в этой же статье на рис. 24 «поделки из кости и рога».
- ⁵⁶ Коляков С. М. Мастерская ... С. 52, 53, примеч. 23.
- ⁵⁷ Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973. С. 104—105, рис. 66.
- ⁵⁸ Marshall J. Taxila ... V. II. P. 656. 657.
- ⁵⁹ Ghirshman R. Begram ... P. 48; Francfort H.-P. Fouilles... P. 2.
- ⁶⁰ Кацуриц К., Буряков Ю. Изучение ремесленного квартала ... Рис. 24.
- ⁶¹ Толстов С. П. Древний Хорезм ... С. 111
- ⁶² Пугаченкова Г. А. Халчаян ... С. 96.
- ⁶³ Медведев А. Ф. Древнерусские писала//СА. 1960. № 2. С. 62—88.
- ⁶⁴ Филинович М. И. Две находки ... С. 49—50.
- ⁶⁵ Жуков В. Д. Археологическая разведка ... С. 186, 187.
- ⁶⁶ Атагарыев Е. Средневековый Дехистан. Л., 1986. С. 133—135, рис. 48, 2—5

Д. Абдуллоев

СОГДИЙСКОЕ НАСЛЕДИЕ В КУЛЬТУРЕ ХАЛИФАТА

Отечественными исследователями немало сделано в области изучения влияния культурного наследия домусульманского времени на дальнейшее развитие культуры Средней Азии в IX—XIII вв. Иначе обстоит дело с разработкой этого вопроса в отношении среднеазиатской домусульманской культуры в странах халифата, зарубежных относительно к Средней Азии. Специальных работ по этой проблеме нам не известно. Лишь иногда в литературе встречаются соответствующие замечания¹.

Таким образом, впервые делается попытка в какой-то мере осветить этот вопрос, хотя надо отметить, что на полноту приводимых фактов автор не претендует. Мы вынуждены ограничиться лишь отдельными наблюдениями, связанными с материалом из Пенджикента, который представляется нам весьма показательным.

Известно, что при завоевании арабами Средней Азии ими было вывезено большое количество драгоценных вещей, в том числе золотых и серебряных изделий. Наряду с этим завоеватели увезли с собой также строителей, ремесленников, мастеров художественного и прикладного искусства. Характерным является не отмеченный в литературе факт о вывозе при Муавии (661—680 гг.) арабским военачальником Абдар Рахманом из области Кабула гулямах (здесь пленных), которые построили в его дворце (касп) в Басре мечеть по образцу построек Кабула, как отмечает источник².

Поток переселившихся из восточных областей в центр халифата особенно возрос после прихода к власти Аббасидской династии (750—1258 гг.), обязанной своей победой над Омеядами главным образом населению Хорасана и Мавераннахра. Многие представители этих областей, как хорошо известно, вошли в состав руководящей верхушки аппарата государственной власти. Достаточно указать на семью Бармакидов — выходцев из Балха, Тахиридов — из Герата или знаменитого афшина Хайдара из Уструшаны.

В то же время в столицах халифата Багдаде и Самарре сложились целые кварталы, заселенные ремесленниками — выходцами из Мавераннахра и Хорасана. Известен крупный квартал вблизи сирийских ворот Багдада, названный «кварталом согдийцев». Выделялся в этом квартале дом согдийца Харфаша³, очевидно занимавшего особое положение в этой части города. Хорасанкой была мать халифа Мамуна (813—833 гг.), а мать халифа Мутасима (833—842 гг.) была согдийского происхождения⁴.

Следует отметить, что, находясь на чужбине, согдийцы и хорасанцы,

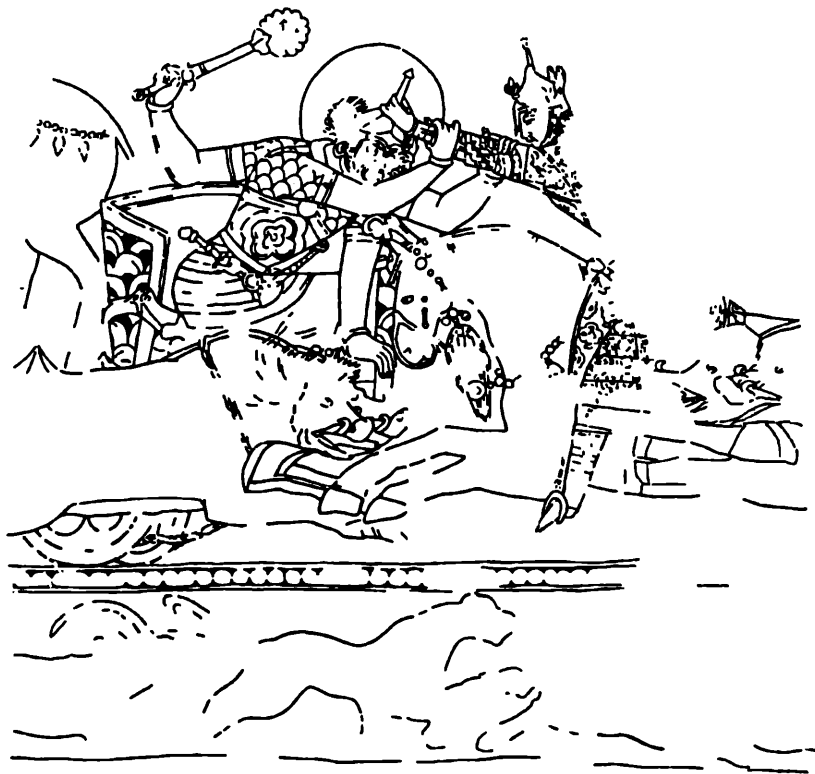

Рис. 1. Сцена «бег зверей». Древний Пенджикент, VIII в. н. э. Живопись

внешне приняв ислам, остались истинными мусульманами. Ярким примером тому является дом афшина Хайдара в Самарре, известного благодаря знаменитому судебному процессу. Так, в его дворце в Матире в пригороде Самарры при обыске были обнаружены различные изображения, в частности изображения человека из дерева, украшенное драгоценными камнями, золотом и жемчугом, а также много книг, среди которых книга магов Зарвах и идолы⁵.

Подобные факты можно было бы значительно умножить, однако и приведенный делает понятным то влияние, которое оказали выходцы из Хорасана и Мавераннахра на культуру центральных областей халифата.

В настоящее время археологические открытия в Средней Азии блестяще подтвердили приведенные сообщения письменных источников. Более того, на основании этих открытий мы в состоянии проследить влияние многих конкретных художественных элементов искусства народов Средней Азии на культуру халифата. Они, в частности, выявляются в архитектуре декоре. Остановимся на некоторых из них. Так, чрезвычайно интересен сюжет, открытый в последние годы в живописи древнего Пенджикента. Здесь в одном из помещений XXIII объекта были вскрыты остатки настенной росписи, где в нижнем ярусе изображалась сцена «бег зверей», представленных как хищными, так и нехищными животными (заяц, собака, олень, бык, слон, медведь, козел и др.) (рис. 1). Эта композиция является пока единственным памятником с подобным сюжетом, который не имеет себе аналогий в изобразительном искусстве Мавераннахра и Ирана доисламского времени.

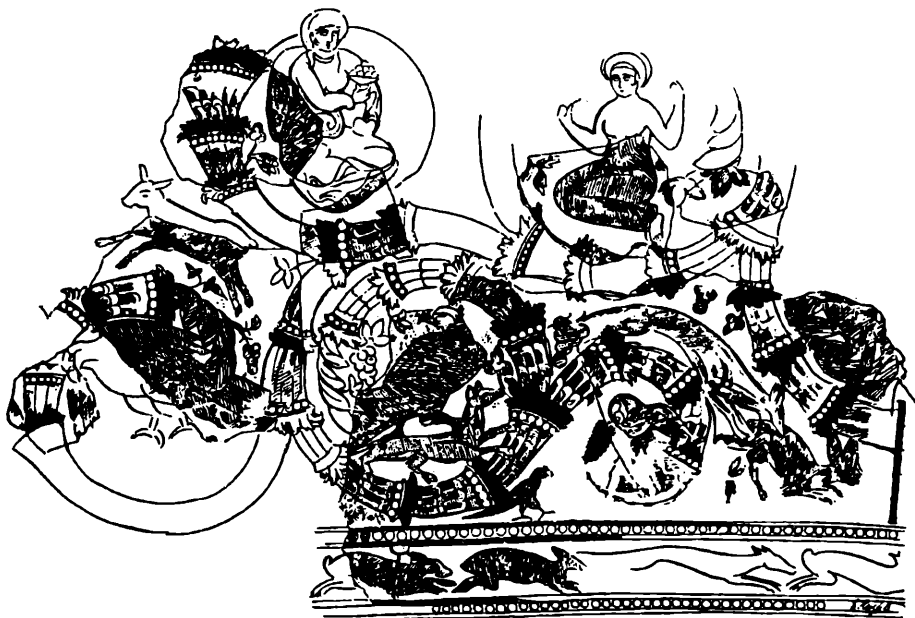

Рис. 2. Сцена «бег зверей». Самарра, IX в. Живопись

Аналогичная сцена имеется в живописи дворцового комплекса Самарры IX в. н. э.⁶ В связи с этим следует отметить сходство живописи древнего Пенджикента и Самарры. Во-первых, в настенной росписи Самарры, так же как и в Пенджикенте, этот сюжет размещен в нижнем ярусе и композиционная рама обрамлена перлами. Во-вторых, здесь встречаются изображения почти тех же зверей, которые есть на пенджикентской живописи, в частности зайца, волка (рис. 2). Позже, в X—XIII вв. н. э., этот сюжет находит широкое распространение в прикладном искусстве Ирана и Ирака. Причем здесь нетрудно заметить много общего в размещении фигур с живописью древнего Пенджикента. На серебряных и бронзовых сосудах сцена «бег зверей» расположена на их верхней или нижней части, т. е. в бордюрах. Фигуры бегущих зверей помещены внутри ленточной полосы. Здесь, так же как и в живописи Пенджикента, изображены хищные и нехищные звери (заяц, волк, лев, кабан, слон). Интересные образцы керамических сосудов с изображением сцены «бег зверей» известны на городище старого Мерва, а в Иране на городище средневекового Рея⁷. Следует отметить, что на керамических сосудах размещение данного сюжета, а также набор зверей аналогичны композиции металлических сосудов.

Другой мотив, характерный для архитектурного декора древнего Пенджикента и не свойственный искусству сасанидского Ирана (рис. 3, а), — это мотив пятидольного виноградного листа с круговыми глазками. Указанный мотив в древнем Пенджикенте встречается в резьбе по дереву. Отличие пенджикентского виноградного листа от сасанидского в его стилизованной трактовке (рис. 3 б, в). Именно пенджикентская трактовка виноградного листа встречается в дальнейшем в архитектурном декоре центральных областей халифата. Так, этот мотив применялся в штурке замка Хирбат ал-Мафджар (40-е годы VIII в.) в Иордании⁸. В дальнейшем форма пятидольного виног-

радного листа с глазками была широко распространена в резном штурке Самарры IX в.⁹ (рис. 3, з), а позднее в дворцовом резном штурке Рея XII в.

Следующий элемент архитектурного декора, известный в живописи из древнего Пенджикента (в нише объекта 1), — лирообразный мотив (рис. 3, д). Этот мотив, не встречающийся в искусстве доисламского Ирана, находит аналогию в штурке Самарры и деревянных расписных досках того же памятника (рис. 3, е, ж).

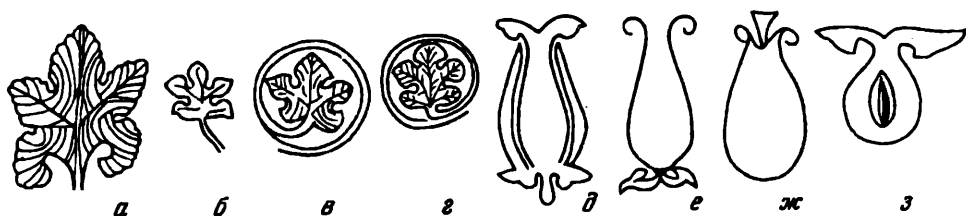

Рис. 3. Мотивы орнамента.

a — виноградный лист, III—VII вв. н. э., Иран;

b, v — виноградный лист, древний Пенджикент, VIII в. н. э.; *z* — виноградный лист, Самарра, IX в. Резной штурк; *d* — лирообразный мотив, древний Пенджикент, VII—VIII вв.; *e, ж, з* — лирообразный мотив, Самарра. Живопись, резной штурк

Итак, как видим, пенджикентские и вообще согдийские элементы появляются в IX—X вв. в архитектурном декоре Ирака (Самарра), а еще раньше, около середины VIII в., Ближнего Востока (Иордания). Это происходило одновременно с проникновением на территорию Согда (Афрасиаб) влияний со стороны центральных областей халифата. До сих пор связи Согда и этих стран рассматривались односторонние, теперь же согдийские, особенно пенджикентские, материалы позволяют проследить взаимовлияние культур Согда и его западных соседей.

¹ Эберман В. А. Ал-Хурейми, арабский поэт из Согда // ЗКВ. 1930. Т. V. С. 436, 437; Маршак Б. И. Согдийское серебро. М., 1971. С. 86—91.

² Baladhuri. The origins of the Islamic state // Kitab futuh al buldan. N. Y.; L., 1924. Pt. 2. P. 147.

³ Цит. по: Эберман В. А. Ал-Хурейми, арабский поэт из Согда. С. 436, 437.

⁴ Там же.

⁵ Негматов Н. Н. Уструшана в древности и раннем средневековье. Сталинабад, 1957. С. 145—148.

⁶ Herzfeld E. Malerei von Samarra. B., 1927. Taf. XXIV, orn. 95.

⁷ Лукина С. Б. Гончарное производство в Мерве X — начало XIII в. // Тр. ЮТАКЭ. Ашхабад, 1962. Т. XI. С. 301, рис. 15. С. 302, рис. 46, 303, рис. 41; A survey of Persian art. L.; N. Y., V. V. 1939. Pl. 637a, 754.

⁸ Hamilton R. W. Khirbat al-Mafjar. Oxford, 1959. P. 183. Fig. 130, 140, 141.

⁹ Herzfeld E. Der Wandschmuck der Bauten von Samarra und seine Ornamentik. B., 1923. S. 191, Abb. 289, S. 210, Abb. 298, S. 211, Abb. 299, 300. Taf. LXXVII, XCII, XCIV, XCVII.

С И Б И Р Ь

М. Д. Хлобыстина

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД
КИТОЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПРИБАЙКАЛЬЯ

Согласно новейшим изысканиям, в Прибайкалье в эпоху раннего неолита (VI тысячелетие до н. э.) распространилась китойская культура, представленная преимущественно погребальными комплексами верхней и нижней Ангары¹. Соответственно своей палеоэкономической модели, китойская культура может быть включена в круг неолитических культур, базирующихся на развитом рыболовстве, таких, как буго-днепровская и днепро-донецкая². В этой связи показательно, что для китойского обряда наиболее типичны относительно крупные — по масштабам восточно-сибирского неолита — могильники верхней Ангары: эпонимный Китойский (раскопки Н. И. Витковского 1880, 1881 гг., 23 комплекса), Циклодром (Локомотив) (раскопки М. М. Герасимова 1927 г., участок I; П. П. Хороших 1946—1958 гг., участок II), экспедиции Иркутского университета 1980-х годов, участки III, IV (порядка 65 комплексов), Усть-Белая (раскопки Г. М. Георгиевской 1960—1970 гг., 9 комплексов)³. На нижней Ангаре китойские погребения малочисленны: Серово, № 4, 16, 17, 19, Распутино, № 1, 2⁴. Наиболее информативны благодаря антропологическим определениям могильники Циклодром и Усть-Белая⁵ (рис.).

Обрядовая структура китойских могильников характеризуется сочетанием индивидуальных и совместных комплексов, где половозрастные особенности и соответствующий инвентарь отражают прижизненный статус погребенных субъектов. Типичное для могильников Северной Евразии эпохи мезо-неолита и палеометалла преобладание мужского компонента⁶ сочетается в китойской культуре с преимущественным статусом мужчины в рамках семьи и общины. Так, среди индивидуальных комплексов примечательны погребения мужчин с выдающимися наборами артефактов производственного, промыслового и культурного классов. Таков комплекс № 4 Усть-Белой с сериями гарпунов, костяных острий к составным рыболовным крючкам, вкладышевых полифункциональных орудий и нагрудным амулетом из трех костей крыла птицы⁷. Таковы комплексы Циклодрома⁸: участка I, № 1 с гарпунами, рыболовными крючками, точильцами, мраморным кольцом, и участка II, № 10 с инвентарем из 70 артефактов, в том числе двумя мраморными фигурками рыб и скульптурными головками лося и рыбы. Там же примечательно погребение «мастера» с заготовками стержней к составным крючкам, пилками, точильными брусками, кусками жировика со следами распила. Выделяется и комплекс № 1 Распутина⁹, обильный инвентарь которого включал сакральный артефакт — мраморную скульптурную голову мужчины. В мезо-неолите Северной Евразии стадийными аналогами индивидуальных китойских комплексов выступают погребение «жреца» с костяными изображениями лосей из Базаихи, погребения Васьковского могильника со скульптурками медведей и головы лося, комплекс № 82 Южного Оленеостровского могильника с головкой лося и № 8 Северного Оленеостровского могильника с навершием с лосиной головой, наконец, по-

♂ 1
 ♀ 2
 ○ 3
 ⊗ 4
 ○ 5

Памятник	Индивидуальные комплексы				Совместные комплексы				
	♂	♀	⊗	○	двойные однополовые	парные разнополовые	групповые разнополовые	детско- мужские	детско- женские
Циклодром				○	○○	○○			
		○○		○○	○	○○ ○○ ○○	○	○	
		○○ ○○ ○○ ○○	○○ ○○ ○○		○	○	○○ ○○ ○		
			○○ ○○ ○○ ○			○○	○○		
Усть-Белая	○	○					○○		○○
	○	○	○						
	○						○○		

п к ш с в р

Рис. Образовая структура китайских могильников Прибайкалья
 1 — мужчина; 2 — женщина; 3 — взрослый; 4 — ребенок; 5 — погребальный комплекс

гребения лесного неолита из Ибердуса с кабаньими клыками и Рус Шугана с обильным инвентарем ¹⁰.

Среди китойских совместных комплексов обрядово показательны двойные однополюе погребения мужчин, демонстрирующие, подобно аналогичным южнооленеостровским, прижизненную консолидацию мужского ядра коллектива на основе кровного и социального (классификационного) родства ¹¹. Таковы комплексы № II, IV и 14 соответственно I и II участков Циклодрома ¹² со стадияльно архаичными обрядовыми признаками: яркостью, положением «лицом» друг к другу скорченно на боку, вероятной однопоколенностью. Двойные и групповые однополюе мужские комплексы являются стадияльно архаичным структурным звеном погребального обряда мезо-неолита Северной Евразии IX—V тысячелетий до н. э. и представлены в Волошко-Васильевской группе надпорожских могильников, в Днепро-Донецких могильниках обеих обрядовых групп как с сепаратными могилами (типа Вольное-Никольское), так и массовыми захоронениями (типа Деревка I — Левобережные Вовниги), наконец, в Северном Оленеостровском могильнике (арктический неолит-палеометалл) ¹³.

Равным образом стадияльно архаичны совместные погребения мужчин и детей, иллюстрирующие отношения социальной неравнозначности на основе половозрастной стратификации коллектива. Таковы комплекс № 1 и 2 Китойского могильника, где мужчина с разнохарактерным инвентарем, в числе которого оригинальные костяные браслеты, сопровождался ребенком в охре, без инвентаря, помещенным в отдельную могилу, а также комплекс № 4 второго участка Циклодрома, где мужчина огромного роста с тремя сакральными артефактами (скульптурка-«эмбрион», рыба и голова лося) сопровождался ребенком без инвентаря, помещенным ему на грудь ¹⁴. В культурах мезо-неолита Северной Евразии серия аналогичных погребений мужчин с ребенком на груди включает мезолитический комплекс из Звейниекы (Латвия), пренеолитический комплекс «Е» Тевьека (французская Бретань), днепро-донецкие неолитические могильники Левобережные Вовниги, № 15, 15а, Деревку I, № 43, 43а, Александрию, № 10, 10а, Мариуполь № 50, а также единственный для Северного Оленеостровского могильника комплекс № VIII, VIIIа с металлическим изделием, наконечником дротика, не исключено, поразившем старика «жреца» ¹⁵. Равным образом нерядовые детско-мужские комплексы совершены в Южном Оленеостровском могильнике, № 80, 81 и № 84, 85 (в первом названном две скульптурные головки лосей), а также Верхоленском могильнике № 26 и Усть-Ямном № 7 (энеолит верхней Лены) ¹⁶. Как в названных китойских, так и структурно-аналогичных североевразийских комплексах помещены субъекты нерядового общественного и культового статусов, сопровождаемые ребенком как погребальной «жертвой».

В китойских могильниках обряд парного разнополого погребения отразил стадияльно ранние формы социальной стратификации, способствовавшей стабилизации нуклеарных семей престижного типа. Если в Китойском могильнике из двух предполагаемых парных комплексов № 19 и 7 наиболее очевиден последний (при мужчине костяные браслеты и орудие из лопатки лося в составе обширного инвентаря), а в Усть-Белой они отсутствуют, то в Циклодроме их учтено 11 (рис. 1). Так, в комплексах № 1 и 2 (участок I) ¹⁷ примечательна функциональная разность инвентаря при субъектах обоих полов, размещенных антитезно: при мужчинах (суммарно) производственные и промысловые (боевые) артефакты, крупное ожерелье из зубов грызуна, диадемы из клыков кабана, при женщинах производственная оснастка (игольник с десятью иглами), орудие из лопатки лося (лопатка?), малое ожерелье из резцов грызуна, зубы бобра. Комплексы № 1 и 3 (участок II) ¹⁸ антитезны, причем у мужчины из

№ 3 изъят череп (голова ?). Обоих мужчин сопровождают сакральные артефакты: скульптурная голова лося (№ 1), три скульптуры рыб (№ 3). В названных комплексах помещены, очевидно, субъекты нерядового общественного и культового статусов, лидеры коллектива, возможно совмещавшие свои функции¹⁹. Однако в целом парный разнополюсый комплекс не является структуроформирующим элементом обряда в мезо-неолите Северной Евразии, где китойская серия из Прибайкалья одна из наиболее значительных. Действительно, рядовая брачная ячейка, структурно вариабельная и экономически малосамостоятельная в рамках общинного коллектива²⁰, не находила адекватного отражения в древнейших нормах погребального обряда. В этой связи обратим внимание, что в мезолитических надпорожских могильниках, неолитических днепро-донецких и волго-окских (рязанская культура) как рядовые, так и престижные парные разнополюсые комплексы отсутствуют. В то же время спорадически совершались захоронения «вождей» и «жрецов» (термины условны), отразившие формирование нерядовых нуклеарных семейных ячеек на основе ранней стратификации. Таковы комплексы с культовым инвентарем из Кубенина, № 152, 153 Южного Оленеостровского могильника и Валмы, а также волосовские комплексы из Языкова, Сахтыша I и Володар, совершенные в оригинальном ритуале²¹.

Групповые разнополюсые китойские комплексы отражают структуры, связанные как с отношениями социальной неравнозначности, так и с формированием многочисленных семей. Так, групповые, в том числе тройные, разнополюсые комплексы нерядового характера представлены погребениями № 5, 6 Циклодрома (II участок) и № 9, 10 Усть-Белой, содержащими культовый инвентарь²². В двухъярусном комплексе Циклодрома мужчину-доминанта, имевшего костяное навершие с антропоморфной личиной, сопровождали пять разнополюсых субъектов. В комплексах Усть-Белой, включавших соответственно 3 и 5 субъектов, находились навершие с антропоморфной личиной и 3 скульптурные лосиные головки. Структурно аналогичные комплексы с культовым инвентарем в мезо-неолите Северной Евразии представлены погребением № 55—57 Южного Оленеостровского могильника (роговой жезл с головой лося при мужчине), № 1 Черной Горы (антропоморфная костяная фигурка), № 4 Сахтыша II (костяная «шаманская колотушка»), наконец, № VIII, IX, IV, V Северного Оленеостровского могильника (навершие «шаманской колотушки» при мужчине-доминанте)²³.

Далее рядовые групповые разнополюсые комплексы представлены значительной серией из семи погребений III участка Циклодрома, включавшими по 3—8 субъектов (в том числе 5 детей), и двумя погребениями IV участка, включавшими по 5 и 6 взрослых субъектов²⁴. Весьма показателен половозрастной состав групповых комплексов III участка: 20 мужчин, 9 женщин, 5 детей из 32 мужчин, 16 женщин и 6 детей, захороненных на участке в целом (антропология Н. Н. Мамоновой). Учитывая наличие на III участке могильника 18 индивидуальных комплексов и одного комплекса парного разнополого, можно заключить, что абсолютное большинство детей, две трети мужчин и более половины женщин помещены именно в групповые комплексы, оставленные, не исключено, определенными семейными ячейками рядового характера. Действительно, перед нами количественно фиксированные группы людей, чья производственно-промысловая деятельность была ограничена применением функционально узкого круга артефактов: вкладышевых орудий и костяных острий. Наконечники стрел, располагавшиеся у таза и позвоночника некоторых погребенных, следует, видимо, считать свидетельствами погребальной практики ритуального убийства. Примечательно также отсутствие черепов (голов?) у большинства взрослых, связанное, очевидно, с существованием репродуциру-

ющих культов плодородия, антитезность размещения, ярусность могил. В этой связи обратим внимание на ряд неолитических групповых комплексов, совершенных ярусно. Таковы погребения К Тевьека (5 взрослых, одна девушка-подросток, в основании мужчина, пораженный стрелой), погребения № 3, 4, 6, 7, Аборы I, Латвия (4 взрослых), а также крупные комплексы с последовательными перезахоронениями № 6 Черной Горы (рязанская культура, 18 взрослых и 11 детей, в основании убитая женщина с ребенком), волосовские № 50 Черной Горы (14 взрослых, в инвентаре лишь рыболовный крючок и подвеска в виде зуба лося, кости медведя) и у жилища № 1 Володар (12 взрослых, без инвентаря)²⁵. Для восточносибирского неолита следует назвать ярусные погребения архаичного комплекса Верхоленского могильника: № 30 (4 взрослых, один ребенок) и 33 (3 взрослых, один ребенок)²⁶.

В целом можно заключить, что в погребальном обряде китойской культуры Прибайкалья нашли отражение как социально-семейная структура, так и половозрастные особенности оставивших памятники коллективов. Стадиальные аналогии с погребальными комплексами Северной Евразии эпохи мезо-неолита позволяют включить китойский культурный комплекс в единый процесс развития раннеродовых общественных и идеологических структур.

- ¹ *Окладников А. П.* Неолитические памятники Ангары (от Шукино до Бурети). Новосибирск, 1974; *Он же.* Неолитические памятники нижней Ангары (от Серово до Братска). Новосибирск, 1976; *Георгиевская Г. М.* Китойская культура Прибайкалья. Новосибирск, 1989; *Мамонова Н. Н., Сулержицкий Л. Д.* Опыт датирования по С-14 погребений Прибайкалья эпохи голоцена // *СА.* 1989. № 1.
- ² *Окладников А. П.* Неолит и бронзовый век Прибайкалья // *МИА.* 1950. № 18. С. 371; *Маркевич В. И.* Буго-днестровская культура на территории Молдавии. Кишинев, 1974. С. 144—156; *Телегин Д. Я.* Дніпро-Донецкая культура. Київ, 1968. Гл. X.
- ³ *Окладников А. П.* Неолитические памятники Ангары... С. 35—45, 49—57; *Герасимов М. М.* Восстановление лица по черепу. М., 1955. С. 416—420; *Хороших П. П.* Неолитический могильник на стадионе «Локомотив» в г. Иркутске // *Сибирский археологический сборник.* Новосибирск, 1966. С. 84—93; *Безалийский В. И., Меньшагин Е. В., Голдберг В. В., Прокопьев В. Н.* Новые данные по китойской культуре // *Проблемы археологии и этнографии Сибири.* Иркутск, 1982. С. 88, 89; *Абдулов Т. А., Безалийский В. И., Бердникова Н. Е.* и др. Исследования Иркутского университета // *АО* 1986 г. М., 1988, С. 207; *Георгиевская Г. М.* Китойская культура... С. 59—88.
- ⁴ *Окладников А. П.* Неолитические памятники нижней Ангары. С. 23, 66—72, 75, 76, 100—105, табл. 116—119; *Георгиевская Г. М.* Китойская культура... С. 18, 38.
- ⁵ *Дебец Г. Ф.* Антропологический состав населения Прибайкалья в эпоху неолита // *Рус. антропол. журн.* 1930. Т. 19, вып. 1/2; *Герасимов М. М.* Восстановление лица...; *Безалийский В. И., Меньшагин Е. В., Голдберг В. В., Прокопьев В. Н.* Новые данные... С. 68; *Георгиевская Г. М.* Китойская культура... С. 146, сн. 124—126.
- ⁶ *Кондукторова Т. С.* Антропология населения Украины мезолита, неолита и эпохи бронзы. М., 1973. С. 76, 77; *Шевченко А. В.* Антропология населения южнорусских степей в эпоху бронзы // *Антропология древнего и современного населения европейской части СССР.* Л., 1986. С. 129.
- ⁷ *Георгиевская Г. М.* Китойская культура... С. 64.
- ⁸ *Окладников А. П.* Неолитические памятники Ангары... С. 35—37, 42—44; *Хороших П. П.* Неолитический могильник... С. 88, 89.
- ⁹ *Окладников А. П.* Неолитические памятники нижней Ангары... С. 100, табл. 116.
- ¹⁰ *Студзицкая С. В.* К вопросу о появлении шаманства у племен среднего Енисея по археологическим данным // *Ежегодник Государственного Исторического музея, 1963—1964.* М., 1966. С. 51—53, рис. 10; *Бородкин Ю. М.* Произведения изобразительного искусства из неолитических погребений Васьяковского могильника // *Изв. Лаб. археол. исслед. Кемерово, 1976.* Вып. 7. С. 99—104, рис. 41; *Гурина Н. Н.* Оленеостровский могильник // *МИА.* 1956. № 47. С. 312, 316, рис. 132, 2; *Она же.* Памятники эпохи раннего металла на северном побережье Кольского полуострова // *МИА.* 1953. № 39. С. 375, 407, рис. 22; *Цветкова И. К.* Неолитическое погребение на стоянке Ибердус I // *Археологический сборник.* М., 1966. С. 11—13, рис. 1; *Кашаков Е. П.* Неолитические погребения в восточных районах Татарии // *Проблемы археологии Поволжья и Приуралья: (Неолит и бронзовый век).* Куйбышев, 1976. С. 15.
- ¹¹ *Бутинов Н. А.* Типология родства // *Проблемы типологии в этнографии.* М., 1979; *Кабо В. Р.* Первобытная община охотников и собирателей // *Проблемы истории докапиталистических*

- формаций. М., 1968. Кн. 1; *Хлобыстина М. Д.* Некоторые вопросы палеосоциологической интерпретации Оленеостровского могильника // СА. 1978. № 3.
- ¹² *Дебец Г. Ф.* Антропологический состав... С. 38, 42; *Герасимов М. М.* Восстановление лица... С. 417—420; *Окладников А. П.* Неолитические памятники Ангары... С. 37, 38; *Хороших П. П.* Неолитический могильник... С. 86. Комплекс № II по Г. Ф. Дебецу соответствует № 2 по А. П. Окладникову; М. М. Герасимовым не публиковался. Комплекс № IV по Г. Ф. Дебецу соответствует № 3 по М. М. Герасимову; А. П. Окладниковым не публиковался.
- ¹³ *Телегин Д. Я.* Дніпро-Донецька... С. 63—83, 89—91; *Он же.* Підсумки та завдання вивчення доби мезоліту і неоліту на Україні // Археологія. 1982. № 40; *Шмидт А. В.* Древний могильник на Кольском заливе // Кольский сб. Л., 1930. Вып. 23. С. 165—169; *Гурина Н. Н.* Памятники... С. 406, 407.
- ¹⁴ *Окладников А. П.* Неолитические памятники Ангары... С. 42, 50, табл. 13, 52—55.
- ¹⁵ *Requart M., Requart St.-J., Vallois H., Vouhle M. Tevies* // Arch. Inst. paleontol. Humaine. 1937. V. 18; *Рудинский М. Я.* Перший Вовнизький пізньонеолітичний могильник // Археол. пам'ятки УРСР. 1956. Т. 6; *Телегин Д. Я., Жиляева С. І.* Деревський неолітичний могильник // Археологія. 1964. № 16. С. 138, 139; *Он же.* Дніпро-Донецька... С. 101; *Гохман М. И.* Население Украины в эпоху мезолита и неолита. М., 1966. С. 164, 165; *Шмидт А. В.* Древний могильник... С. 168.
- ¹⁶ *Гурина Н. Н.* Оленеостровский могильник... С. 322, 326, рис. 41; *Окладников А. П.* Верхоленский могильник — памятник древней культуры народов Сибири. Новосибирск, 1978. С. 40—42; *Зубов В. С.* Неолит и ранний бронзовый век верхней Лены: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1982. С. 9.
- ¹⁷ *Окладников А. П.* Неолитические памятники Ангары... С. 38—40, 52, 53, 55, 56; *Герасимов М. М.* Восстановление лица... С. 416, 417, рис. 160; *Дебец Г. Ф.* Антропологический состав... С. 38, 39, 42. Комплекс № 1 по М. М. Герасимову соответствует № 4 по А. П. Окладникову; Г. Ф. Дебецом не публиковался. Комплекс № 2 по М. М. Герасимову соответствует № 3 по А. П. Окладникову и № III, по Г. Ф. Дебецу.
- ¹⁸ *Окладников А. П.* Неолитические памятники Ангары... С. 41, 42, табл. 9—12.
- ¹⁹ *Артемова О. Ю.* Личность и социальные нормы в раннепервобытной общине. М., 1987. Гл. III.
- ²⁰ *Семенов Ю. И.* Происхождение брака и семьи. М., 1974.
- ²¹ *Фосс М. Е.* Погребения на стоянке Кубенино // Тр. ГИМ. 1938. Вып. 8; *Гурина Н. Н.* Оленеостровский могильник... С. 378, 380, рис. 76; *Янитс Л. Ю.* Неолитические памятники Эстонии. // МИА. 1973. № 172. С. 207; *Гадзяцкая О. С., Крайнов Д. А.* Новые исследования неолитических памятников Верхнего Поволжья // КСИА. 1965. Вып. 100. С. 38; *Хлобыстина М. Д.* Вопросы социально-идеологических интерпретаций древнейших форм мезолитических и неолитических погребений // КСИА. 1978. Вып. 152. С. 66.
- ²² *Окладников А. П.* Неолитические памятники Ангары... С. 42; *Георгиевская Г. М.* Китайская культура... С. 65—69, 85—87, рис. 40, 41, 58, 1—3, 7.
- ²³ *Гурина Н. Н.* Оленеостровский могильник... С. 302, рис. 27, 27, а; *Цветкова И. К.* Черногорский неолитический могильник // Новые материалы по истории племен Восточной Европы в эпоху камня и бронзы. М., 1965. С. 90, рис. 3, 5; *Гадзяцкая О. С., Крайнов Д. А.* Новые исследования... С. 38; *Шмидт А. В.* Древний могильник... С. 167, 168, рис. IV, 1.
- ²⁴ *Безалийский В. И., Меньшагин Е. В., Голдберг В. В., Прокофьев В. Н.* Новые данные... С. 69; *Абдулов Т. А., Безалийский В. Н., Бердникова Н. Е.* и др. Исследования... С. 207.
- ²⁵ *Requart M., Requart St.-J., Vallois H., Vouhle M. Tevies; Лозе И. А.* Поздний неолит и ранняя бронза Лубанской равнины. Рига, 1979. С. 44, рис. 39; *Цветкова И. К.* Черногорский неолитический могильник... С. 90, 91; *Она же.* Раскопки на Черной Горе // АО 1968 г. М., 1969. С. 47; *Архипов Г. А., Вайнер И. С., Каховский В. С.* и др. Работы Чебоксарской экспедиции // АО 1971 г. М., 1972. С. 178, 179.
- ²⁶ *Окладников А. П.* Верхоленский могильник... С. 45—51, 55—59, 71, 72, табл. 106—116.

М. Ф. Косарев, В. Т. Галкин

ПОСЕЛЕНИЕ ЮРГАКУЛЬ III В НИЖНЕМ ПРИТОБОЛЬЕ

В 1981, 1983 и 1986 гг. Тобольский отряд Института археологии проводил разведку и раскопки на оз. Юргаркуль в Тобольском р-не Тюменской обл. Названный водоем находится в 50—60 км южнее Тобольска в труднодоступной заболоченной местности. Из западной части озера вытекает р. Нирда, достигающая Тобола; с южной стороны в Юргаркуль впадает р. Глухая Нирда, истоки которой теряются в прилегающих болотах. Весной по Нирде в озеро

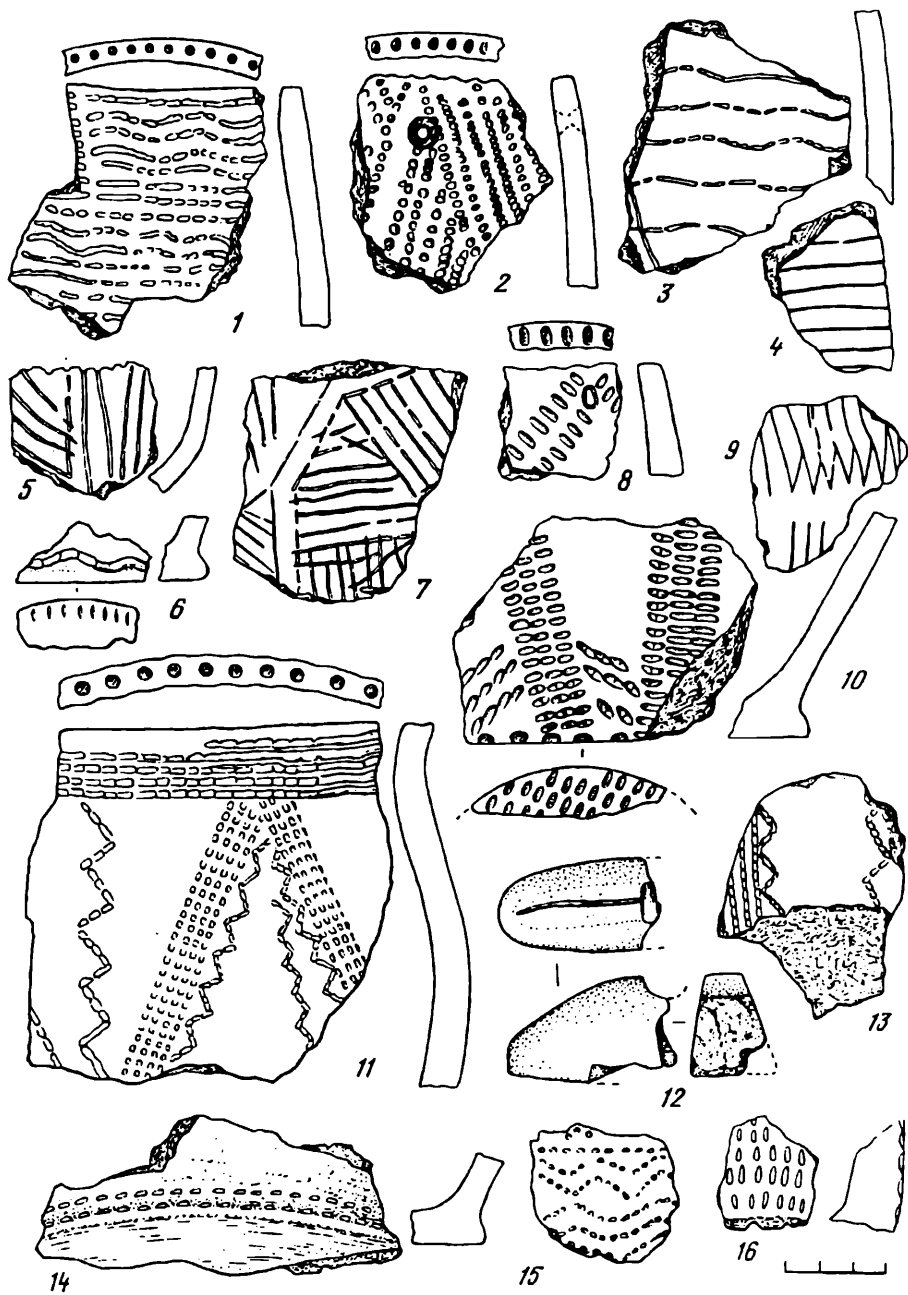

Рис. 1. Поселение Юргаркуль III. Неолитическая керамика

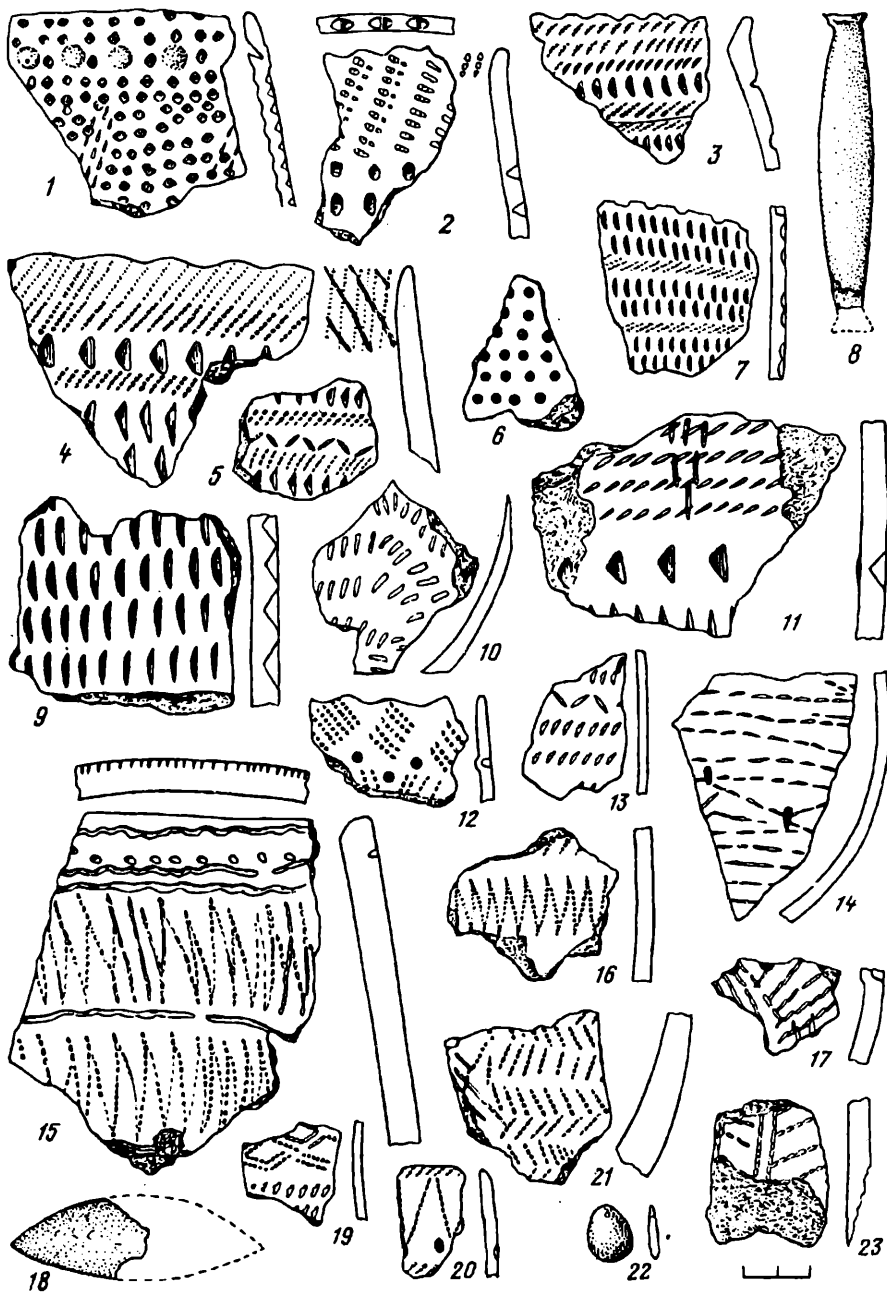

Рис. 2. Поселение Юргаркуль III. Материалы переходного времени от неолита к бронзовому веку
 22 — камень, остальное глина

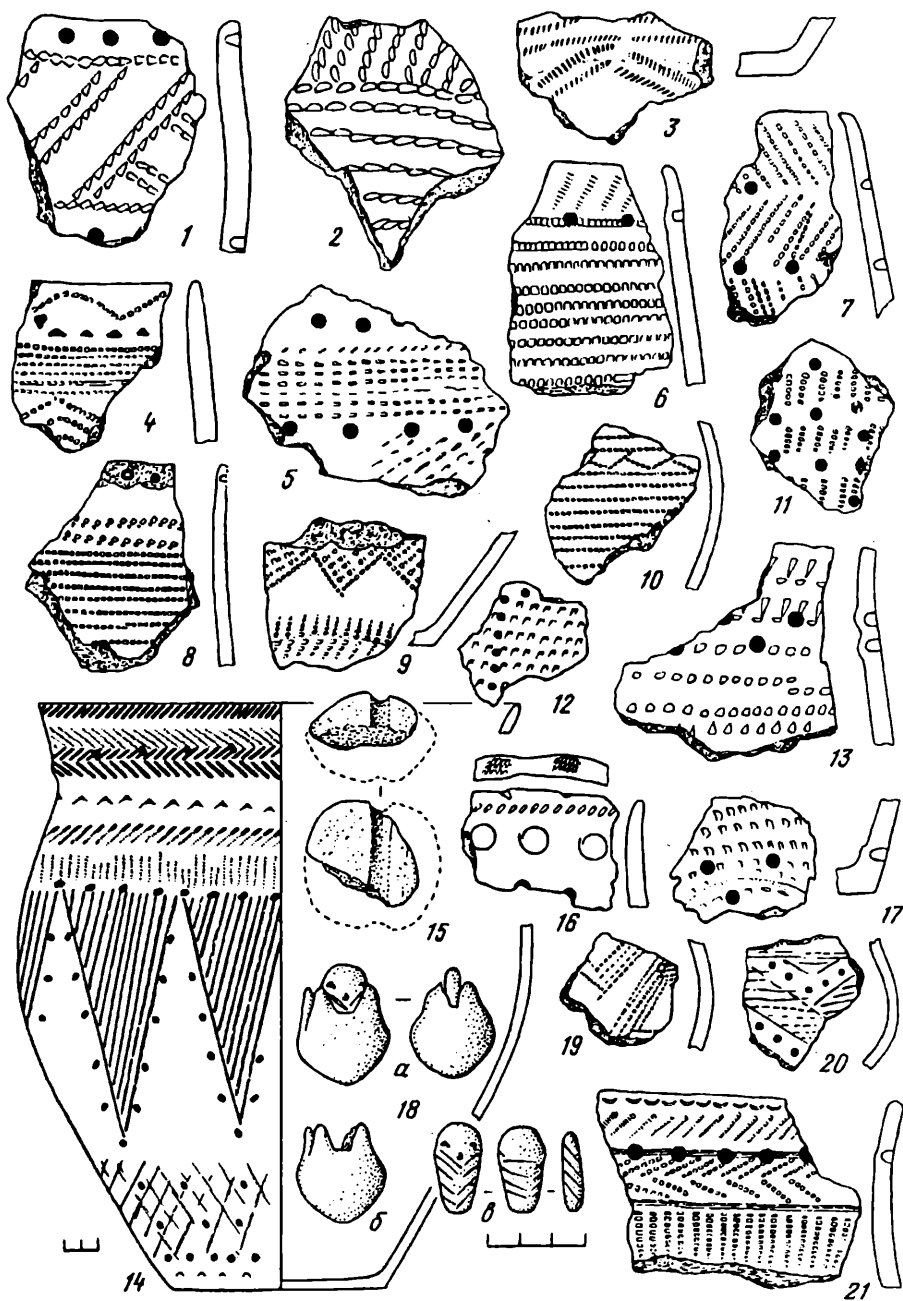

Рис. 3. Поселение Юргаркуль III. Керамика эпохи бронзы

заходит много рыбы, но уже в первой половине лета значительная ее часть по мере убыли воды «скатывается» обратно в Tobол. Остается преимущественно карась — основной объект местного рыболовческого промысла. В целом Юргаркуль удобен для сетевого и заборного рыболовства, что должно было издревле привлекать сюда окрестное население. Кроме того, в летнюю пору здесь гнездится бесчисленная водоплавающая дичь.

В окружающих озеро болотных пространствах разбросаны невысокие (0,6—0,8 м) гривы, по местному «острова», площадью от 0,5 до 2—3 га и более, покрытые мощным травостоем и березово-осиново-липовым лесом. Большинство их вытянуто с северо-востока на юго-запад и являются излюбленными пастбищами для лосей.

В 1981 г. мы совместно с сотрудниками Омского университета А. И. Петровым и И. Г. Глушковым обследовали восемь «островов». На шести из них зафиксирован хорошо выраженный культурный слой. Среди обнаруженных памятников наиболее интересны поселения Юргаркуль III и IV. Ниже изложены результаты работ на Юргаркуле III, где в 1983 и 1986 гг. были заложены два небольших, прилегающих друг к другу раскопа общей площадью 48 м².

Культурный слой содержал почти исключительно керамику и являл собой темный и темно-серый иловатый грунт, лежащий на суглинистой материковой основе. Культурные остатки располагались от поверхности до глубины 70—80 см, заходя местами до 90 и 100 см. По мере углубления культурный слой все более светлел, превращаясь на границе с материком в пестроцвет в виде суглинка с вкраплениями сероватого грунта. Грунтовые воды начинали проступать на глубине 60—70 см, а на более низких уровнях приходилось работать в воде.

Выделяются четыре основных культурно-хронологических комплекса: кошкинско-боборькинский (неолит; рис. 1), андреевский (переходное время от неолита к бронзовому веку; рис. 2, 1—11), ташковско-одиновский (периоды ранней и развитой бронзы; рис. 3, 1—13, 17) и сузгунский (период поздней бронзы; рис. 3, 14, 15, 18, 20, 21). Кроме того, встречено довольно много обломков посуды раннежелезного и средневекового времени, однако ограниченные рамки статьи не позволяют остановиться здесь на ее характеристике. Мы надеемся посвятить ей специальную публикацию.

Керамика кошкинско-боборькинского типа (рис. 1), характеризующаяся развитой формой сосудов (обычно плоскодонные банки или хорошо профилированные плоскодонные горшки) при очень архаичной отступающе-прочерченной или мелкоямочной орнаментации, залегала преимущественно в нижней части культурного слоя, в основном чуть выше или несколько ниже верхнего уровня грунтовых вод. Из 39 отмеченных на плане раскопа фрагментов и скоплений кошкинско-боборькинской керамики на глубине 0—40 см зафиксированы три, на глубине 40—60 см — 21, на глубине 60—80 см — 12, ниже 80 см — три фрагмента, не считая нескольких совершенно размокших в воде, которые не удалось взять.

Андреевская керамика, круглодонная, иногда с чуть отогнутым верхним краем, украшенная ямочной и ямочно-гребенчатой орнаментацией (рис. 2, 1—11), концентрировалась главным образом на глубине от 20 до 60 см. Из 57 отмеченных на плане андреевских черепков и скоплений керамики на глубине до 20 см найден один фрагмент, на глубине 20—40 см — 23, на глубине 40—60 см — 30, на глубине 60—70 см — три. В этих же глубинных диапазонах встречены (правда, всего по несколько экземпляров) по крайней мере еще четыре разновидности энеолитической керамики: байрыкская (гребенчато-ямочная), основоостровская (гребенчатая; рис. 2, 12, 16, 21), шапкульская (гребенчатая; рис. 2, 13, 19) и липчинская (ложношнуровая; рис. 2, 14, 17, 23).

Если ставить вопрос о генетическом соотношении перечисленных разновидно-

стей энеолитической керамики с предшествующей неолитической (кошкинско-боборькинской) посудой, то на роль генетической преемницы последней с наибольшим правом претендует липчинская керамика, что с наибольшей наглядностью подтверждается близостью некоторых специфических элементов декора (ср. рис. 1, 3, 11, 13 и рис. 2, 14, 17, 23). Вместе с тем наличие иногда на гребенчатой (сосновоостровской?) посуде специфической боборькинской мелкоямочной орнаментации, порой в сочетании с волнистым узором, выполненным в архаичной кошкинско-боборькинской манере (рис. 2, 15), свидетельствует о возможном хронологическом соприкосновении кошкинско-боборькинского и сосновоостровского населения. Не исключены также связи, в том числе и генетические, боборькинцев и андреевцев. Во всяком случае, как правильно подметила В. Т. Ковалева, для позднебоборькинской керамики становится все более характерной ямочная орнаментация¹. Энеолитический период в Нижнем Притоболье принято датировать сегодня III тысячелетием до н. э.

Одиновская и ташковская посуда, относящаяся, как считается сейчас, к первой половине — середине II тысячелетия до н. э., не всегда типологически различима. Для первой характерна плоскодонная баночная форма, обычно с открытым устьем; орнаментация гребенчато-ямочная (рис. 3, 5, 7, 11, 13, 17). Ташковская посуда имеет аналогичную форму, поверхность ее тоже делится рядами ямок, но место печатно-гребенчатых узоров занимают ряды прямых или волнистых линий, выполненных отступающей лопаточкой, иногда отступающей гребенкой (рис. 3, 1, 2, 4, 6). Если одиновский орнаментальный комплекс является генетическим продолжением гребенчато-ямочной традиции, сформировавшейся здесь на поздних стадиях неолита, то ташковская орнаментация связана в основном с более древней кошкинско-боборькинско-липчинской (отступающе-накольчато-прочерченной) декоративной манерой.

Следует, однако, иметь в виду, что в ташковских керамических комплексах всегда присутствует некоторое количество посуды одиновского облика, украшенной в гребенчато-ямочном стиле; на отдельных сосудах ташковский в целом декор иногда включает в себя один-два гребенчато-ямочных орнаментальных пояса. Все это затрудняет типологическую расчлененность ташковской и одиновской керамики, особенно когда имеешь дело не с целыми сосудами, а с их фрагментами.

В процессе раскопок нами отмечены 46 одиновских черепков и их скоплений, в том числе на глубине 0—20 см — два, на глубине 20—40 см — 24, на глубине 40—60 см — 20 (при этом на уровне 50—60 см зафиксировано пять фрагментов). Глубже 60 см керамика одиновского облика не встречена.

Черепки, которые можно квалифицировать как безоговорочно ташковские, немногочисленны (девять). Похоже, что они сопутствуют одиновской керамике, так как рассеяны на тех же глубинах. Примечательно, что ташковская и одиновская посуда нередко несет на себе следы текстильных и псевдотекстильных отпечатков.

Фрагменты и скопления сузгунской керамики (включая развал сосуда) отмечены в 22 случаях (рис. 3, 14, 15, 18, 21), в том числе на глубине 0—20 см — три, на глубине 20—40—14, на глубине 40—50 см — пять. Ниже 50 см сузгунская керамика не встречена. К сузгунскому комплексу стратиграфически и типологически тяготеют два керамических обломка, украшенные в андроновской (федоровской) манере (рис. 3, 19). Подобная же картина была выявлена, кстати, и на поселении Юргаркуль IV, причем там «федоровский» колорит в орнаментации андроновских черепков еще более выражен. Видимо, эти факты проливают дополнительный свет на пути генезиса сузгунской культуры. Ее сложение, судя по материалам поселений Юргаркуль III, IV, протекало в условиях давления на южнотаежное одиновско-ташковское (глав-

ным образом на одиновское) население лесостепных андроновцев (федоровцев) и родственных им пастушеско-земледельческих групп, что, собственно, и стимулировало рождение сузгунской культуры, придав ей своеобразную «андроноидную» окраску.

Любопытно, что в слоях поселений каменного и бронзового веков на оз. Юргаркуль по существу отсутствуют каменные орудия. Единственная некерамическая вещь, найденная с охарактеризованной выше посудой, — это округлая плоская подвеска из красноватой сланцевой породы (рис. 2, 22), относящаяся, видимо, к переходному времени от неолита к бронзовому веку. Все обнаруженные нами на Юргаркуле III орудия сделаны из глины и являются грузилами для сетей. Они представлены обломками и относятся к трем типолого-хронологическим разновидностям: 1) удлиненные биконические (рис. 2, 18); 2) удлиненные с шляпковидными торцами (рис. 2, 8); 3) округлые с поперечным желобком (рис. 3, 15). Первая разновидность характерна прежде всего для носителей гребенчатой орнаментальной традиции периодов энеолита и ранней бронзы, в том числе для населения шапкульской культуры; вторая — для андреевской (энеолит) и одиновской (первая половина бронзового века) культур; третья — для северных вариантов андроновской (федоровской) общности и андронидных южнотаежных культур, в том числе сузгунской².

Местоположение поселения Юргаркуль III и характер производственного инвентаря позволяют предполагать, что оно было обитаемо преимущественно в летнее время, наиболее удобное для сетевого и запорного рыболовства.

На глубине 20—30 см, рядом с обломками сузгунских горшка и грузила, найдена уникальная керамическая поделка, являющая собой модель зыбки (?) с помещенной в нее голову наружу фигуркой младенца. Судя по характерной штриховке тела, ребенок изображен запеленутым (рис. 3, 18). Не исключено, однако, что смысл скульптурки синкретичнее и многоплановее, чем это может показаться на первый взгляд. Дело в том, что, по сибирским фольклорным сведениям и сбрядовым ритуалам, зыбка, лодка, сосуд, ступа и женское детородное место — семантически взаимосвязанные категории.

В процессе раскопок нарушений культурных напластований жилищными и хозяйственными строениями не выявлено. Лишь на дне культурного слоя, где залегают керамика боборькинской неолитической культуры, прослеживаются углубления, имеющие в двух случаях правильные четырехугольные очертания (40×50 см) и заполненные плотным темным грунтом. Одно из них, сильно напоминающее колодец, прослежено до глубины 120—130 см, но не было докопано из-за обильного поступления в раскоп грунтовых вод. У восточной стенки раскопа кошкинско-боборькинский горизонт резко уходил вниз — на 115—120 см, фиксируя начало жилищного котлована или край какого-то хозяйственного сооружения. Вязкость грунта и бурный напор грунтовых вод, размывающий склон углубления, не позволили расширить раскоп на всю площадь котлована.

Описанная стратиграфическая и гидрологическая ситуация близка той, что мы наблюдали потом при раскопках поселения Юргаркуль IVб, и отличалась лишь наличием на последнем 10—12-сантиметровой стерильной прослойки, отделяющей боборькинские культурные остатки от вышележащих, более поздних.

Интересно, что в пунктах Нирда, Юргаркуль IV, IVа и др., где неолит отсутствует, культурный слой на 15—25 см не доходит до грунтовых вод. В целом создается впечатление, что исследуемый микрорайон оставался незаселенным до неолитической эпохи, причем в период освоения этих мест кошкинско-боборькинским населением уровень грунтовых вод, равно как и уровень окружающих озерно-болотных пространств, был по крайней мере на 40—50 см

ниже современного, что говорит, видимо, о пониженной увлажненности климата в то время.

В этом отношении интересны наблюдения В. А. Заха при раскопках поселения Юртабор III у впадения р. Тап в Тобол. «У края котлована жилища боборыкинской культуры, — пишет он, — слой разделен и перекрыт суглинистыми прослойками, образовавшимися, вероятно, в результате наводнений, что согласуется с низким геоморфологическим положением слоев и существованием боборыкинских поселений, скорее всего, в ксеротермический максимум атлантического периода»³.

Исходя из изложенного выше появление кошкинско-боборыкинского населения на Юргаркуле III определяется, скорее всего, началом ксеротермического максимума атлантического периода, который, по В. Ф. Старкову, начался в Среднем Зауралье и Нижнем Притоболье около середины IV тысячелетия до н. э.⁴ Согласно исследованиям гидрологов, это время в общем совпало с регрессивной стадией истории Каспия, обусловленной уменьшением стоков Волги и Урала (5540—4250 л. н.)⁵. Этому не противоречит единственная пока радиоуглеродная дата нижней части боборыкинского слоя на поселении Тапсково I: 5490 ± 60 (ПЕ—1335) л. н.⁶

В свое время К. В. Сальников высказал предположение, что на общий колорит боборыкинской культуры повлияли южные проникновения, скорее всего из районов, примыкающих к Аральскому морю⁷. Эта мысль была подтверждена потом находками в боборыкинских комплексах геометрических микролитов, характерных в мезолите-неолите для прикаспийско-аральского круга культур. Точка зрения К. В. Сальникова была развита В. Т. Ковалевой и Н. В. Варанкиным, предложившими гипотезу о сложении боборыкинской культуры на местной кошкинской основе при участии сероглазовской и кельтеминарской культур арало-прикаспийского региона⁸.

Недавно В. А. Зах рассмотрел эту проблему в ином ракурсе. Он считает, что появление кошкинцев — результат смешения пришлых боборыкинских и автохтонных зауральских групп, о чем, на его взгляд, свидетельствует присутствие в кошкинской посуде, как и в боборыкинской, хотя и в меньшей доле, плоскодонных форм, совершенно чуждых местной неолитической керамической традиции. Он помещает боборыкинские древности несколько раньше кошкинских и находит аналогии первым в неолите Северо-Западного Прикаспия: стоянки Джангар, Тентек-сор I и др., исходя из чего склонен связывать носителей боборыкинской культуры с прикаспийским населением, ушедшим на север из-за усыхания климата⁹.

Возвращаясь к проблеме хронологической и эпохальной принадлежности боборыкинской культуры, надо, кроме всего прочего, учитывать возможность того, что накануне своего ухода из Прикаспия (Арало-Каспия?) боборыкинцы вступили в начало энеолитической стадии развития, но, внедрившись затем в предтаежную и таежную зауральско-западносибирскую неолитическую среду, подверглись «варваризации» и как бы «потеряли» свою прежнюю эпохальную приуроченность.

¹ Ковалева В. Т. Боборыкинская культура: (Итоги изучения)//Проблемы урало-сибирской археологии. Свердловск, 1986. С. 23.

² Косарев М. Ф. Древнейшие грузила Нижнего Притоболья//История, археология и этнография Сибири. Томск, 1979.

³ Зах В. А. К вопросу о боборыкинской культуре//Роль Тобольска в освоении Сибири: Тез. обл. науч. конф., посвящ. 400-летию Тобольска. Тобольск, 1987. С. 12.

⁴ Старков В. Ф. Мезолит и неолит лесного Зауралья. М., 1980.

* На наш взгляд, следует проверить еще одну версию происхождения кошкинцев: приход их в западносибирское Притоболье, как и боборыкинцев, из арало-прикаспийского региона, но несколько раньше, в результате предшествующей миграционной волны.

⁵ Варущенко С. И., Варущенко А. Н., Клигге Р. К. Изменение режима Каспийского моря и бессточных водоемов в палеовремени. М., 1987. С. 51, 52.

⁶ Ковалева В. Т. Боборыкинская культура. С. 18.

⁷ Сальников К. В. Опыт классификации керамики лесостепного Зауралья//СА. 1961. № 2.

⁸ Ковалева В. Т., Варанкин Н. В. К вопросу о происхождении боборыкинской культуры//Вопросы археологии Приобья. Тюмень, 1976.

⁹ Зах В. А. К вопросу... С. 13.

М. Н. Пшеницына, Б. Н. Пяткин

ПАМЯТНИКИ ОКУНЕВСКОГО ИСКУССТВА ИЗ КУРГАНА РАЗЛИВ Х

В прибрежной зоне Красноярского водохранилища на его левом берегу в 500 м к северо-востоку от пос. Разлив в Боградском р-не Хакасии в 1973—1974 гг. одним из отрядов Красноярской экспедиции был исследован размытый курган окуневской культуры¹. Этот курган благодаря находкам в нем серии каменных плит с выгравированными или выбитыми на их поверхности изображениями быков, лосей, женских фигур в головных уборах и одежде, с ниспадающими на плечи волосами и «сложнореалистической» антропоморфной личины дал яркий и во многом новый уникальный материал для изучения изобразительного искусства окуневской эпохи, что уже нашло свое отражение в специальной литературе². Краткой публикации всех материалов раскопок кургана Разлив Х посвящена предлагаемая статья.

До раскопок на поверхности, среди гальки и песка обнажившегося дна водохранилища, выступали верхние края вертикально поставленных каменных плит северо-восточной стены ограды кургана и края плит от каменных ящиков, расположенных внутри нее. В связи с тем что курган в течение нескольких лет регулярно покрывался водой, насыпь его полностью разрушилась. Всего внутри ограды кургана, от которой сохранились только части ее северо-восточной и северо-западной стен, находилось 11 могил, представлявших собой, за исключением одной (могила 11), каменные ящики. Три из них покрыты массивными плитами. Устойчивой закономерности в ориентировке ящиков не наблюдается. Все могилы, кроме трех (могилы 2, 4, 9), потревожены. Кроме того, в ограде кургана было обнаружено два небольших каменных ящика с костями животных.

М о г и л а 1. Каменный ящик 165×35×80 см из девяти плит, ориентированный с северо-востока на юго-запад. Покрыт пятью массивными плитами толщиной до 6 см. На дне ящика несколько небольших плиток. На одной из плит юго-восточной стенки ящика, с внутренней стороны тонкими гравированными линиями по всей площади нанесены изображения быка, человеческих фигур в одеждах и с ниспадающими на плечи волосами, отдельные тонкие линии и геометрические фигуры неопределенного назначения (рис. 1)³. На другой стороне плиты выбиты косая полоса и изображения двух трезубцев, покрытые охрой; здесь же незаконченные изображения крупного рогатого скота и антропоморфных фигурок с прическами в разнообразных головных уборах, нанесенные техникой гравировки. Плита юго-западной стенки ящика с внутренней стороны украшена гравированными рисунками быков, изображенных в различных ракурсах. Рядом незаконченная фигура копытного (быка?), перекрытая недорисованной антропоморфной фигуркой. На внутренней стороне одной из плит северо-западной стенки ящика, в нижней ее части, выбиты два копытных животных (лоси?) в позе «летучего» галопа. За ними расположена незаконченная фигура быка. На рисунках следы охры.

Рис. 1. Изображения на внутренней стороне одной из плит юго-восточной стенки ящика могилы 1 (1/5 н. в.)

В могиле погребено не менее 8 человек, взрослых и подростков. Состав погребенных следующий: трое мужчин — один 40—60 лет, другой 20—25 лет, у третьего возраст не определяется; мужчина (?) 14—15 лет, женщина 14—15 лет, двое юношеского возраста 14—15 лет и подросток 9 лет⁴. Черепа пяти захороненных (женщины 14—15 лет, трех мужчин: 40—60, 20—25, 14—15 лет и подростка 9 лет) трепанированы в затылочной части. В заполнении могилы найдены кости коровы и мелкого рогатого скота (локтевая, лучевая, большая берцовая, лопатка)⁵. Здесь же обнаружен кремневый наконечник стрелы (рис. 2, 2).

М о г и л а 2. Каменный ящик 100×50×70 см из четырех плит, ориентированный с севера на юг. Покрытие не сохранилось. Дно выстлано небольшими каменными плитками. В могиле погребено двое. На дне скелет мужчины 25—40 лет в сидячем положении. Здесь же полный скелет младенца полутора лет. Череп мужчины трепанирован: в верхней половине его затылочной кости овальное отверстие (25×15 мм). В северо-западном углу ящика под крестцом мужского скелета найдена женская фигурка из стеатита (рис. 2, 1). На его тазовых костях и в юго-восточном углу ящика обнаружены две костяные пластинки — заготовки антропоморфных фигурок (рис. 2, 3).

М о г и л а 3. Каменный ящик 195×105×100 см из семи плит, ориентированный с северо-востока на юго-запад. Покрыт массивными плитами в два слоя. Покрытие нарушено грабителями. На дне и в заполнении разрозненные кости от 4 погребенных: мужчины 20—30 лет, юноши (?), новорожденного и мужчины старше 60 лет. Череп последнего трепанирован в затылочной кости и правой теменной. Находок нет.

М о г и л а 4. Каменный ящик 50×30×20 см из пяти плит, ориентированный с северо-востока на юго-запад. На дне скелет ребенка на спине, в вытянутом положении, головой на северо-восток. Находок нет.

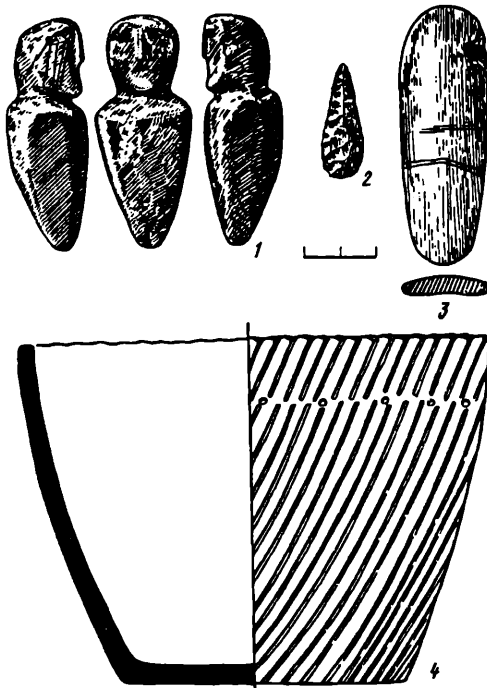

Рис. 2.

1, 3 — стеатитовая фигурка и костяная пластинка из могилы 2; 2 — кремневый наконечник стрелы из могилы 1; 4 — глиняный сосуд из могилы 9

кости и черепа не менее, чем от 12 погребенных: двух детей 8 лет; двух мужчин 40—60 лет и двух 25—40 лет; шести женщин — 20—25 лет, 25—40 лет, 40—60 лет, юношеского возраста — 12 и 14—18 лет. Черепа двух из них трепанированы в затылочной кости (12 и 14—18 лет). Находок нет.

М о г и л а 7. Каменный ящик 150×90×70 см из четырех плит, ориентированный с востока на запад. От покрытия, нарушенного грабителями, сохранились обломки крупных плит. В заполнении и на дне черепа и кости не менее, чем от пяти погребенных: детей от 7 до 10 лет и младенца. В лобной части черепа ребенка 8—10 лет пробито отверстие. Находок нет.

М о г и л а 8. Каменный ящик 70×35×30 см из четырех плит, ориентированный с востока на запад. Покрытие не сохранилось. На северной стенке ящика, с внутренней стороны, прочерчены четыре идущие друг за другом парами коровы и быки. Пятая фигура гравирована. На мордах, крупах и туловищах животных резными линиями нанесены знаки (рис. 3, 1). Дно выстлано плитами. Могила пуста.

М о г и л а 9. Каменный ящик 150×65×50 см из пяти тщательно подогнанных плит, ориентированный с северо-востока на юго-запад. Покрыт массивной плитой, на которой лежал череп мелкого копытного животного. На ее внутренней стороне выбито изображение фасовой антропоморфной личины. Под ней хищный зверь, глотающий соляный знак. Изображение покрыто охрой (рис. 4, 1). На обратной стороне плиты нанесены рисунки крупного рогатого скота, различно ориентированные на плоскости. Фигуры гравированы или вырезаны с последующей подшлифовкой по контуру. Почти в центре плиты тонкими резными линиями изображена повозка (рис. 4, 2). На ее торце

М о г и л а 5. Каменный ящик 150×85×60 см из пяти плит, ориентированный с северо-запада на юго-восток. На внутренней стороне западной стенки ящика техникой выбивки нанесены косые линии. На их нижних концах видны следы охры, которая, вероятно, покрывала все линии полностью. От покрытия сохранились два обломка плит с такими же линиями, с одной стороны, и с изображением хищника — на другой. На дне, выстланном небольшими плитами, лежал череп от скелета погребенного 14—15 лет с трепанацией в затылочной кости. В заполнении кости скелета взрослого 25—40 лет. Находок нет.

М о г и л а 6. Каменный ящик 170×100×70 см из четырех плит, ориентированный с севера—северо-запада на юг—юго-восток. Плиты покрытия сохранились в обломках. На восточной стенке ящика с внутренней стороны техникой гравировки нанесено изображение коровы (?), окрашенное охрой (рис. 3, 2). На другой стороне плиты изображен хищник. В заполнении и на дне разрозненные

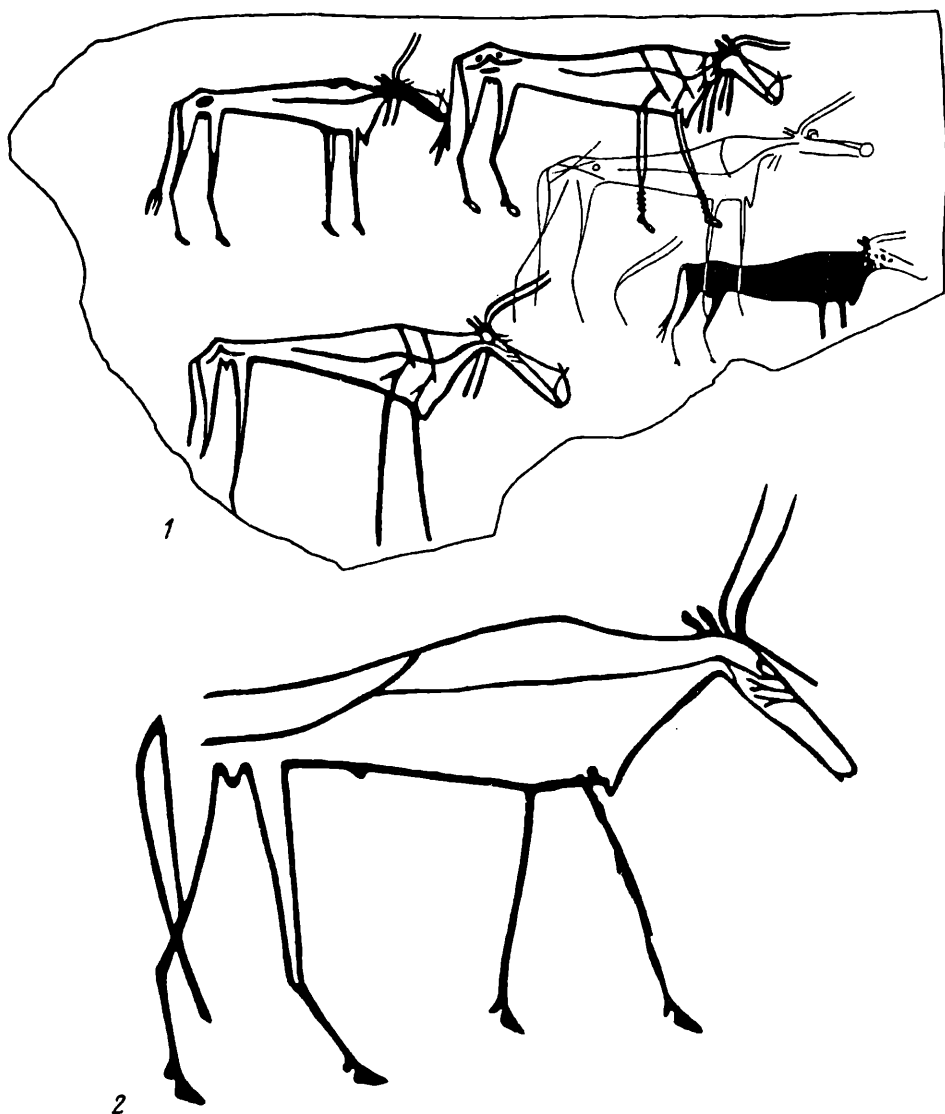

Рис. 3.

1 — изображения коров и быков на северной стенке ящика могилы 8 (1/3 н. в.); 2 — изображение коровы (?) на восточной стенке ящика могилы 6 (1/4 н. в.)

прочерчены треугольники с точками в свободном пространстве ⁶. На внутренней стороне юго-восточной стенки ящика тонкими линиями нанесены стоящие друг против друга в разных концах плиты фигуры копытных (быки?) и остатки какой-то фигуры между ними. Дно выстлано плитами. В могиле погребено трое. На дне скелет подростка 12—14 лет, на спине, с сильно подогнутыми ногами и поднятыми вверх коленями, головой на северо-восток—восток. В головах глиняный сосуд (рис. 2, 4) и своеобразный «амулет» из рога лося, густо покрытый охрой (рис. 5). В ногах погребенного остатки скелета ребенка 6 лет, на спине, головой на север—северо-запад. Здесь же раздавленный череп новорожденного и костяной игольник.

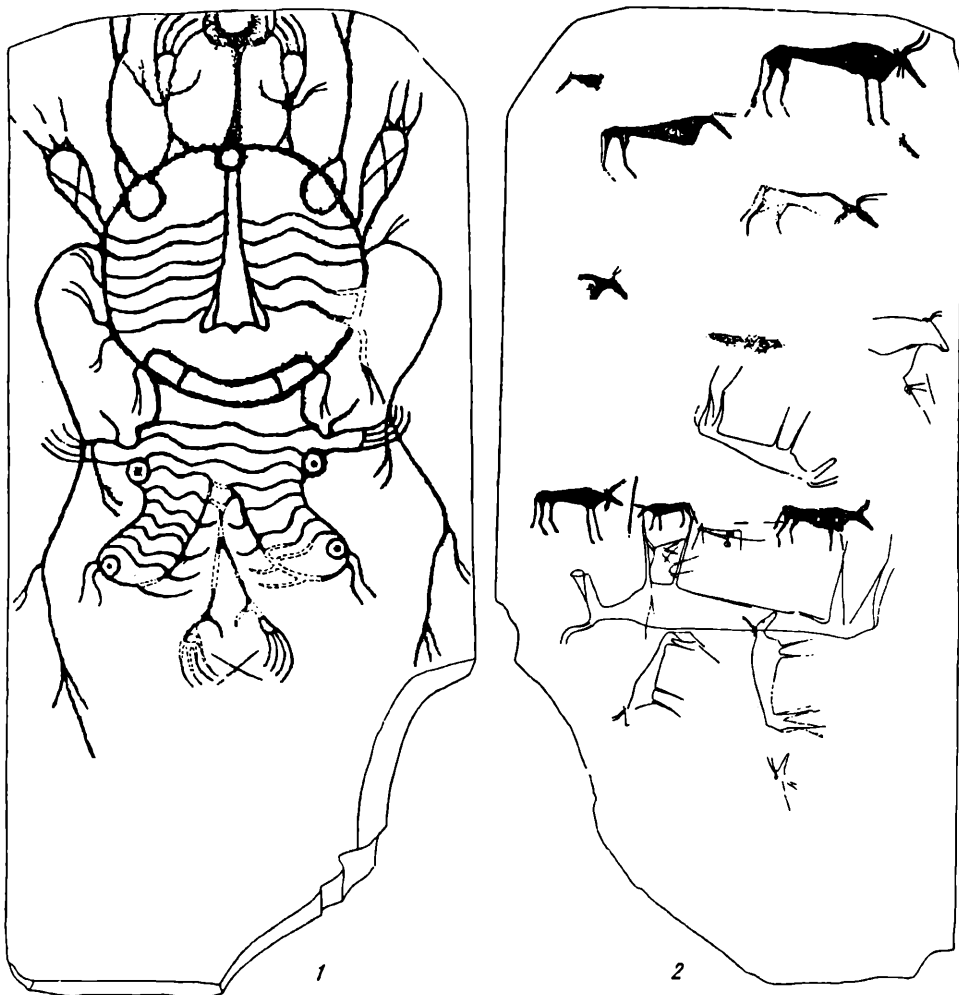

Рис. 4. Изображения на плите покрытия могилы 9

1 — антропоморфная личина с хищным зверем на ее внутренней стороне; 2 — рисунки крупного рогатого скота и повозки на ее внешней стороне (1/8 н. в.)

Могила 10. Каменный ящик 140×90×55 см из мелких плиток, что не характерно для могил окуневского времени, ориентированный с северо-востока на юго-запад. В заполнении несколько длинных костей от скелета взрослой женщины (?). Находок нет.

Могила 11. На горизонте под остатками каменного покрытия лежал скелет женщины 40—60 лет на спине, с сильно подогнутыми ногами, головой на север. Под ним останки от двух женских скелетов старческого возраста. Вещей нет.

В 3 м к востоку от могилы 1, на расстоянии 70 см друг от друга, расположены два маленьких квадратных ящика из вертикально поставленных плит. Их размеры 30×30 см, один из них покрыт небольшой плиткой. В последнем оказались череп с нижней челюстью и две метаподии животного.

Устройство ограды и могил, обряд погребения, немногочисленный сопро-

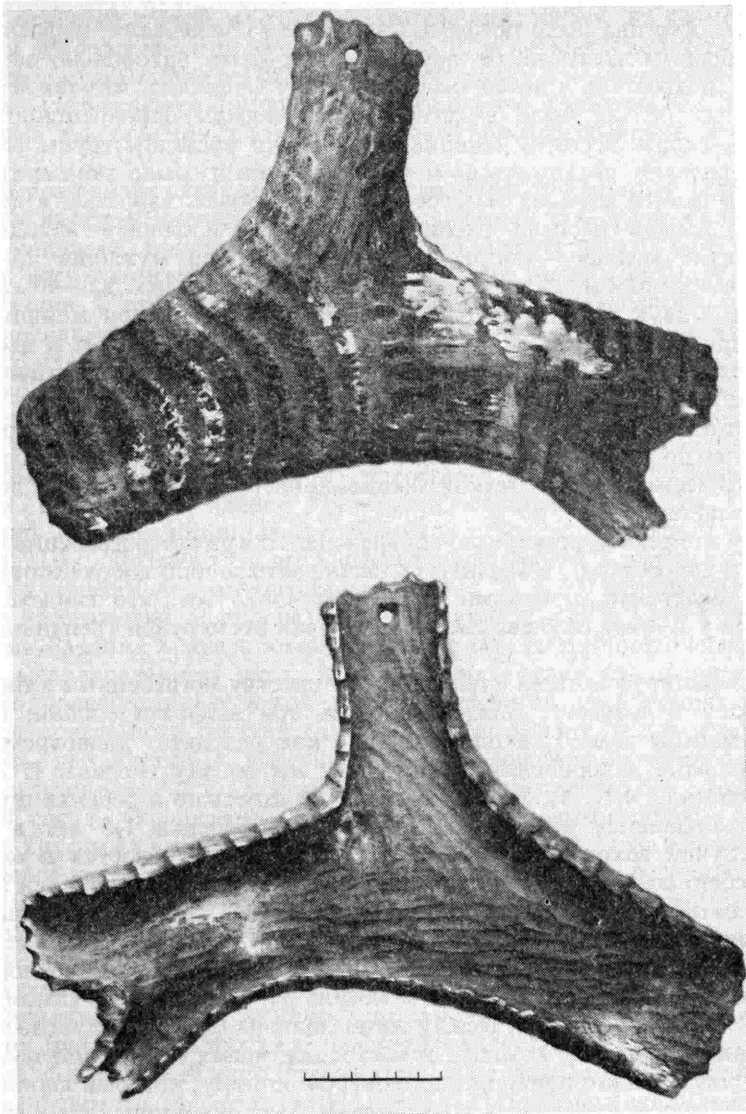

Рис. 5. «Амулет» из рога лося, покрытый охрой, из могилы 9

водительный инвентарь, плиты с рисунками — свидетельства отнесения исследованного кургана к памятникам окуневской культуры⁷. Могилы внутри квадратной ограды, кроме одной (могила 11), устроены в виде ящиков из тщательно подобранных вертикально поставленных каменных плит с ровными краями. Высота их в среднем 60—70 см, длина от 70 до 190 см, ширина от 50 до 130 см. Сверху ящики были покрыты массивными каменными плитами в один или несколько слоев. В шести могилах плитами выстлано дно. В тех случаях, когда это удавалось установить, погребенных укладывали, как правило, на спину с согнутыми ногами и поднятыми вверх коленями. В могиле 2 скелет мужчины находился в сидячем положении, необычном для окуневских захоронений⁸. Размеры могил не зависят от числа погребенных в них. Всего в

11 могилах кургана было погребено не менее 41 человека — взрослых и детей разного пола и возраста. В двух могилах было захоронено не менее 20 взрослых, подростков и детей (могилы 1 и 6). Очевидно, что такое количество погребенных нельзя было вместить в две могилы одновременно. Умерших хоронили, скорее всего, в течение длительного времени, трупы ранее погребенных успевали разложиться, и в могилу можно было помещать новые. В остальных девяти могилах погребен еще 21 человек: взрослые и дети. Состав их таков: в одной могиле — один ребенок, еще в одной — женщина 40—60 лет, в двух могилах — по два человека (в одной мужчина 25—40 лет с полугорогодовалым младенцем; в другой — двое взрослых: 25—40 лет и 14—15 лет), еще в двух могилах по три человека (в одной — три женщины: 40—60 лет и старческого возраста, в другой — подросток 12—14 лет и двое детей: 6 лет и новорожденный); в одной могиле — четыре человека (двое мужчин: 20—30 лет и старше 60 лет, юноша и новорожденный) и еще в одной — пятеро детей (четверо от 7 до 10 лет, один младенец). В могилах, где захоронено по нескольку человек, костяки уложены обычно один поверх другого (могилы 1 и 11). Четкой закономерности в ориентировке погребенных не наблюдается.

В пяти могилах кургана было обнаружено 10 черепов погребенных (мужчин, женщин и подростков), в верхней половине затылочной кости которых имелось овальное отверстие размерами в среднем 45×25 мм, что свидетельствует о появлении у племен окуневской эпохи обычая посмертной трепанации черепов умерших.

Классифицируя могилы кургана по количеству погребенных в них, а также по их полу и возрасту, можно выделить три вида погребений: взрослых с детьми (могилы 2 и 9), «коллективные» как результат разновременного последовательного захоронения в одну и ту же могилу (могилы 1, 3, 6, 11)⁹, детские (могилы 4, 7, 8). Группа погребений взрослого и ребенка представлена одним захоронением мужчины 25—40 лет и ребенка 1,5 лет в могиле 2. Второй случай захоронения взрослого с детьми наблюдается в могиле 9. В ней погребен, по-видимому, не просто взрослый полноправный член коллектива (хотя и юный, с нашей точки зрения), а человек, вероятно имевший непосредственное отношение к каким-то обрядово-ритуальным сторонам деятельности группы людей, захороненных в этом кургане. Шестилетний ребенок никак не мог быть ребенком погребенного в могиле 9, так как ему самому было не более 14 лет. Скорее всего, между ними должны были существовать какие-то другие связи, характер которых в настоящее время не установлен. Череп от третьего погребенного принадлежал новорожденному, который вполне мог быть ребенком похороненного здесь взрослого. По косвенным признакам, выделенным Г. А. Максименковым, в могиле была погребена женщина с новорожденным и ребенок 6 лет¹⁰. Погребений, насчитывающих от 3 до 12 человек в кургане Разлив X, — четыре. Такое большое количество «коллективных» захоронений не известно в других окуневских могильниках, кроме Гас-Хазаа. Количество погребенных в таких могилах женщин и мужчин приблизительно одинаково. В могиле 1 из восьми погребенных — трое мужчин и три женщины, в могиле 6 из 12 человек — четверо мужчин и шесть женщин. Несколько особняком стоят две другие «коллективные» могилы: третья и одиннадцатая. В могиле 3 похоронены двое мужчин (20—30 лет и старше 60 лет), юноша и новорожденный. Вполне возможно, что здесь были погребены двое мужчин и молодая женщина с младенцем. В могиле 11 захоронены три женщины от 40—60 лет и старше. Последовательность подхоронения не устанавливается. Третья группа погребений — детские захоронения — представлена тремя могилами. В одной (могила 4) — отдельное погребение ребенка, хорошо известное в окуневское время.

Могила 8 отнесена к этой же группе захоронений, исходя из размеров ящика. В могиле 7 похоронено четверо детей от 7 до 10 лет и младенец. Отличительной особенностью кургана Разлив X является отсутствие в нем одиночных взрослых погребений (за исключением сомнительного случая в могиле 10), хотя именно этот способ захоронения получает широкое распространение в окуневское время ¹¹.

Новым признаком следует считать посмертную трепанацию черепов погребенных из кургана Разлив X. Подобное явление для окуневской культуры отмечено впервые, причины его неясны, но, скорее всего, они могут быть связаны с необходимостью длительного хранения голов умерших. Отличается курган Разлив X от других известных окуневских могильников и наличием плит с рисунками в погребениях не только женщин или женщин с детьми ¹². В четырех из пяти могил, где найдены плиты с изображениями, захоронены женщины, мужчины и дети. Исключение составляет могила 8, в которой не обнаружено останков умершего, но, судя по размерам, она относится к разряду детских. Вещи, сопровождавшие погребенных, найдены лишь в трех могилах. Они крайне малочисленны, однако некоторые из них заслуживают особого внимания. В могиле 1 найден кремневый наконечник стрелы листовидной формы (рис. 2, 2), аналогичный наконечникам стрел из погребений могильников Черновая VIII ¹³, Лебяжье ¹⁴ и др. В неграбленной могиле 2 обнаружена женская фигурка из мягкого желтоватого стеатита (рис. 2, 1). В отличие от известных подобных изображений женщины из могильников Сыда V ¹⁵ и Черновая VIII ¹⁶ фигурка из Разлива X представляет собой не просто цилиндрический столбик, а имеет моделированные шею, плечи и торс, резко сужающийся к низу, тщательно проработанные черты лица. В точечных углублениях бровей сохранились мельчайшие остатки охры. В той же могиле у пояса погребенного находились две костяные пластинки с незавершенными антропоморфными изображениями (рис. 2, 3). В могиле 9 в головах погребенного стоял глиняный баночный сосуд, украшенный по тулову и дну косыми полосами зубчатого штампа и круглыми вдавлениями по венчику (рис. 2, 4). Этот горшок, несмотря на некоторое своеобразие, не выпадает из многочисленной серии окуневских сосудов, найденных в курганах других могильников ¹⁷. Рядом с сосудом, за головой покойного, был найден «амулет» из рога лося. Внешняя сторона его украшена рельефным орнаментом из ритмически повторяющихся волнистых линий. Внутренняя, полая, на которой хорошо видны следы обработки, густо покрыта охрой. На одном из отростков рога просверлено отверстие для подвешивания (рис. 5). Эта находка, являющаяся, скорее всего, культовой вещью, уникальна. Аналогий ей нет. Следы охры сближают этот «амулет» с роговым предметом («ритон») из погребения 21 кургана 8 могильника Черновая VIII ¹⁸. Костяные игольник, найденный в этом же погребении, и пластинки из могилы 2 имеют многочисленные аналогии в Черновой VIII, Сыде V и других окуневских могильниках ¹⁹. Малое количество инвентаря из кургана в пос. Разлив X не совсем обычно даже для грабленых погребений окуневского времени.

Особенностью кургана в пос. Разлив X является большое количество плит с изображениями, выполненными различной техникой: выбивкой по контуру, выбивкой с последующей протиркой по всей плоскости изображения, гравировкой и прочерчиванием. Кроме того, на некоторых плитах встречается сочетание перечисленных выше технических приемов с последующей прокрашенной охрой или просто полосы, нанесенные охрой. Необычны гравированные рисунки людей и животных, выполненные тончайшими резными линиями. Особого внимания заслуживают этнографические черты одежды, реалистически воспроизведенные древними художниками: покрой одежды, аппликации или орнаментации мехом (?), различного фасона головные уборы, украшения для

волос, разнообразные прически от сложных укладок до свободно ниспадающих на плечи длинных прядей. Здесь же представлена большая серия копытных животных. Совершенно определенно устанавливаются изображения коров и быков. Их экстерьер резко отличен от известного до сих пор по рисункам на плитах из других могильников. Своеобразие иконографии, проработка мельчайших деталей, «раскрашенность» морд и туловищ составляют основу нового стиля в традиционной, казалось бы, окуневской изобразительной манере.

Вместе с тем курган в пункте Разлив X, несмотря на некоторые особенности погребального обряда, не нарушает общей закономерности известных памятников окуневской культуры, а дополняет полученные ранее выводы: умерших мужчин несколько меньше, чем женщин; средняя продолжительность жизни такая же, как и по материалам других окуневских могильников; квадратная ограда и могилы сооружены из вертикально поставленных каменных плит. Несмотря на ограбленность кургана Разлив X, получена серия хорошо известных окуневских вещей: сосуд, игольник, стеатитовая фигурка, пластинки с антропоморфными изображениями, наконечник стрелы и многочисленные плиты с рисунками. Их сюжеты и мотивы не отличаются от известного набора персонажей на плитах из других могильников. Однако и здесь имеются свои особенности. В первую очередь это относится к реалистически изображенным людям. Ничего подобного до раскопок кургана Разлив X не было известно. После открытия своеобразной манеры изображения животных на его плитах стало возможным отнесение к этой группе отдельных рисунков Сулекской писаницы, животных с плиты из Аскиза и др.²⁰ Дата комплекса Разлив X определяется в границах окуневской культуры, может быть ее финальной стадией²¹. По мнению Н. В. Леонтьева, антропоморфная личина из могилы 9 относится к третьей подгруппе черновской стадии развития окуневского искусства, завершая его классический период²². Не противоречит этой дате и сосуд, наиболее близкий по своей форме и орнаментации сосуду из окуневской могилы памятника «Стрелка»²³.

Таким образом, материалы, полученные при раскопках кургана в пункте Разлив X, подтверждают крайнюю необходимость дальнейших поисков и раскопок памятников окуневской культуры. Продолжение их исследования в Минусинской котловине и на сопредельных территориях, несомненно, даст новый материал по этой культуре, который, возможно, позволит ответить на ряд нерешенных и спорных вопросов.

¹ Пшеницына И. Н. Отчеты о работах Курганного отряда Красноярской экспедиции в 1973—1974 гг. // Архив ЛОИА. Ф. 35. Оп. I. Д. 556—560; Она же. Курганы и могилы на дне Красноярского водохранилища // АО 1973 г. М., 1974. С. 219. 220; Пшеницына И. Н., Завьялов В. А., Пяткин Б. Н. Раскопки на территории Красноярского водохранилища // АО 1974 г. М., 1975. С. 228—230.

² Леонтьев Н. В. Антропоморфные изображения окуневской культуры: (Проблемы хронологии и семантики) // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в древности: Неолит и эпоха металла. Новосибирск, 1978. С. 92—95, рис. 12.

³ Определения изображений на плитах сделаны в поле Б. Н. Пяткиным. Их прорисовки выполнены художником-графиком Л. Н. Барановым.

⁴ Определения пола и возраста погребенных сделаны М. П. Грязновым и И. И. Гохманом.

⁵ Osteологические определения здесь и далее сделаны Н. М. Ермоловой.

⁶ Первая публикация этой плиты имеется в каталоге международной выставки, происходившей в Париже с 6 февраля по 30 апреля 1979 г. в музее Лувра. См.: Piotrovsky B., Smirnova G., Quoniam P., Joffroy R. Avant les Scythes: Préhistoire de l'art en URSS. P., 1979. P. 138, 139.

⁷ Максименков Г. А. Окуневская культура и ее соседи на Оби // История Сибири. Л., 1968. Т. 1. С. 165—170.

⁸ Максименков Г. А. Окуневская культура: Автореф. дис. д-ра ист. наук. Новосибирск, 1975. С. 8.

⁹ В одной из своих последних работ Г. А. Максименков отказался от термина «коллективные» погребения, см.: Максименков Г. А. Могильник Черновая VIII — эталонный памятник окуневской

- культуры//Вадецкая Э. Б., Леонтьев Н. В., Максименков Г. А. Памятники окуневской культуры. Л., 1980. С. 18.
- ¹⁰ Максименков Г. А. Могильник Черновая VIII ... С. 18, 19.
- ¹¹ Максименков Г. А. Окуневская культура ... С. 26, 27.
- ¹² Максименков Г. А. Могильник Черновая VIII ... С. 18.
- ¹³ Вадецкая Э. Б., Леонтьев Н. В., Максименков Г. А. Памятники окуневской культуры. Л., 1980. Табл. XX, 6, 7.
- ¹⁴ Максименков Г. А. Могильник окуневской культуры у села Лебяжье//Проблемы западносибирской археологии: Эпоха камня и бронзы. Новосибирск, 1981. Рис. 3, 2.
- ¹⁵ Вадецкая Э. Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л., 1986. С. 32, Рис. 4.
- ¹⁶ Вадецкая Э. Б., Леонтьев Н. В., Максименков Г. А. Памятники ... Табл. XXIV, 1—10.
- ¹⁷ Там же. Табл. XXVII, 15, XXVIII, 8.
- ¹⁸ Там же. Табл. XXIII, 2.
- ¹⁹ Там же. Табл. XVIII, 9—17; XXIV, 12, 13, 16, 17.
- ²⁰ Леонтьев Н. В. Антропоморфные изображения ... Рис. 12.
- ²¹ Вадецкая Э. Б. Археологические памятники... С. 36.
- ²² Леонтьев Н. В. Антропоморфные изображения ... С. 92—95.
- ²³ Савинов Д. Г. Окуневские могилы на севере Хакасии//Проблемы западносибирской археологии: Эпоха камня и бронзы. Новосибирск, 1981. С. 116.

Г. Н. Курочкин

БОЛЬШОЙ ПОЛТАКОВСКИЙ КУРГАН — РОДОВАЯ ГРОБНИЦА ТАГАРСКОЙ ЗНАТИ

Большой Полтаковский курган (далее БПк) — первый раскопанный курган тагарской (сибирско-скифской) знати, содержащий неграбленные камеры. Курган расположен в 1,5 км к востоку от с. Полтаков Аскизского р-на Хакасии, на поле совхоза «Есинский», в 350 м от небольшого раннетагарского (подгорновского) могильника Апышширэ. БПк имел насыпь высотой до 3 м и диаметром около 40 м, под которой в ходе раскопок отрядом Средне-Енисейской экспедиции Ленинградского отделения Института археологии под руководством автора в 1988 г. был выявлен комплекс погребальных сооружений, возведенных в разное время. Первоначально вокруг небольшой центральной камеры № 4 была сооружена ограда (рис. 1). Эта трапециевидная в плане ограда, сооруженная из небольших вертикально поставленных плиток и четырех крупных плит по углам, имела восточную сторону длиной 20 м, западную 18,5 м, северную и южную по 17,5 м. Как и все подгорновские курганы в данном районе вначале она не имела насыпи. Вокруг могилы № 4 с трех сторон (с севера, запада и юга) расположены более поздние по стратиграфии выкиды и инвентарю могильные ямы № 1—3 с коллективными захоронениями. Эти могилы сооружены спустя какой-то промежуток времени после постройки ранней ограды с могилкой родоначальника. Из впускных могил наиболее ранней является камера № 2 (западная). Выкид из нее и она сама частично перекрыты выкидом из северной могилы № 1. Судя по одинаковым размерам и симметричному расположению относительно могилы 4, камеры № 1 и 3 сооружены одновременно. Об этом свидетельствует конструкция перекрытия могильных ям 1 и 3: бревна перекрытий положены не горизонтально, как обычно, а наклонно с запада на восток, образуя односкатную кровлю, покрытую несколькими слоями бересты. Одновременно с сооружением могильных ям, но, возможно, и после того, как камеры перестали функционировать, начала сооружаться, но не была закончена еще одна ограда размером 26×26 м. Были поставлены только вертикальные угловые и промежуточные камни, ориентированные торцами запад — восток. Всего их было 12, но сохранились не все. После закрытия камер пространство внутри поздней ограды было заложено дерном на высоту

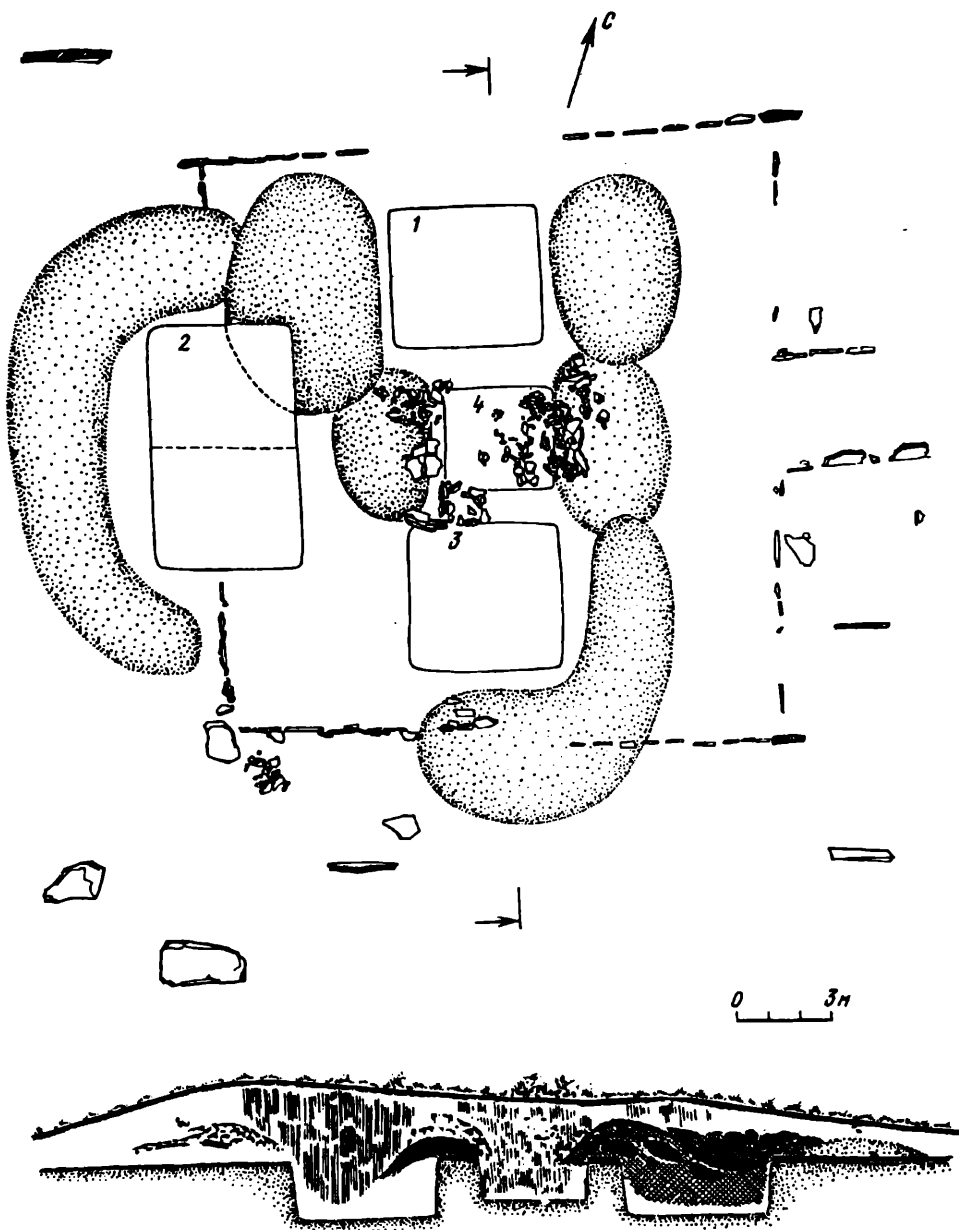

Рис. 1. План погребальных сооружений Большого Полтавского кургана и разрез через насыпь кургана

около 4 м. Эта земляная конструкция за 2,5 тысячелетия оплыла, превратившись в холм с пологими склонами.

Могила 4. Самая ранняя в кургане. Имела размеры 3,2×3,2 м при глубине 1,4 м. Облицована вдоль стен тонкими плитами, которые сохранились на высоту 0,5 м. Плиты обожжены. Погребение совершено на утоптанном дне могильной ямы. С верха насыпи в могилу вел грабительский перекоп. В заполнении ямы обнаружены отдельные кости взрослого мужчины. Из находок

следует упомянуть полушаровидные бронзовые бляшки диаметром 2,5 см (8 шт.), свернутые из листовой меди цилиндрические и конические пронизки (по 7 экз.), аргиллитовые удлиненные цилиндрические бусы с резьбой, напоминающей винтовую нарезку; раковина каури, а также фрагменты большого глиняного баночного сосуда диаметром около 40 см, с грубо прочерченными желобками под венчиком. По керамике и другим находкам могила может быть отнесена ко второй половине подгорновского этапа тагарской культуры (VII в. до н. э.). Наиболее интересной находкой является изготовленный из фаланги молодой лошади идольчик (рис. 2, 3). В верхней его части просверлены глухие (несквозные) отверстия, куда первоначально были вставлены белые аргиллитовые бусы, имитирующие глазное яблоко со зрачком, одна такая бусина сохранилась в левой «глазнице». Поверхность ниже «носа» подшлифована или подскоблена. Щеки, ноздри и губы идольчика окрашены охрой. Вокруг рта имеется сероватое пятно, видимо следы символического ритуального кормления, но не исключено, что это изображение бороды и усов. Наиболее близкая аналогия идольчику происходит из зольника на поселении Ирмень I эпохи поздней бронзы (X—VIII вв. до н. э.) на р. Оби. В найденной на этом поселении конской бабке просверлены 4 отверстия, в одно из верхних двух вставлена аргиллитовая бусина, имитирующая глаз¹. Конская бабка с 5 отверстиями в верхней части обнаружена С. С. Черниковым на поселении андроновской культуры в Усть-Нарыме в Восточном Казахстане². В тагарском погребении подобный идольчик найден впервые.

Могила 2. Расположена к западу от могилы 4. Прямоугольной формы могильная яма вытянута с севера на юг и имеет длину 7,4 м, ширину 3,9 м и глубину 1,8 м. Внутри ямы сооружены два квадратных сруба (северный и южный) каждый размером 3,3×3,2 м. Высота срубов 1,1 м с западной стороны и 0,6 м с восточной. Вдоль северной и южной стены каждого сруба на дно положены плахи, а на них пол в направлении север — юг. После этого двойной сруб был перекрыт наклонным потолком из бревен, положенных в направлении восток — запад. В потолке южного сруба остался незаложенным бревнами проем шириной 1 м для последовательного захоронения. Такой же проем в потолке северного сруба заложен бревнами, т. е. южная камера функционировала дольше северной. После сооружения срубов над ямой было положено перекрытие из бревен в направлении север — юг, а также устроен вход шириной 1 м с западной стороны. После захоронения последнего покойника камера была подожжена изнутри, причем костер был разложен на перекрытии срубов. После поджога вход был заложен камнем.

На полу южного сруба погребено 12 человек — взрослые и дети. Некоторые лежат лицом вниз, многие с инвентарем. В целом в этом срубе налицо картина, типичная для последовательного захоронения, когда ранние костяки более тронуты разложением и частично, а то и полностью разрознены, а поздние сохранились лучше и расположены ближе ко входу.

У скелета 1 на поясе бронзовый коромыслообразный предмет неизвестного назначения с конскими головками на концах, облицованными золотой фольгой (рис. 3, 5). У скелета 5 в области таза лежали бронзовые нож, зеркало, оленяная бляха (с золотой облицовкой), а в специальном чехольчике из кожи — деревянные палочки (7 шт.) длиной 25—26 см. У таза скелета 8 — спекшийся нож, проколка, игла, зеркало, бусы, в том числе золотые. Рядом с детским скелетом 12 — пять бараньих астрагалов, подшлифованных с одной стороны. В северо-восточном углу — бронзовое зеркало с бортиком и четырехстолбчатой центральной ручкой (рис. 3, 2). По периметру сруба лежали золотые изображения идущих кошачьих хищников (34 шт.), предположительно украшавшие материю, которой был обтянут сруб. В южной камере найдены бронзовый

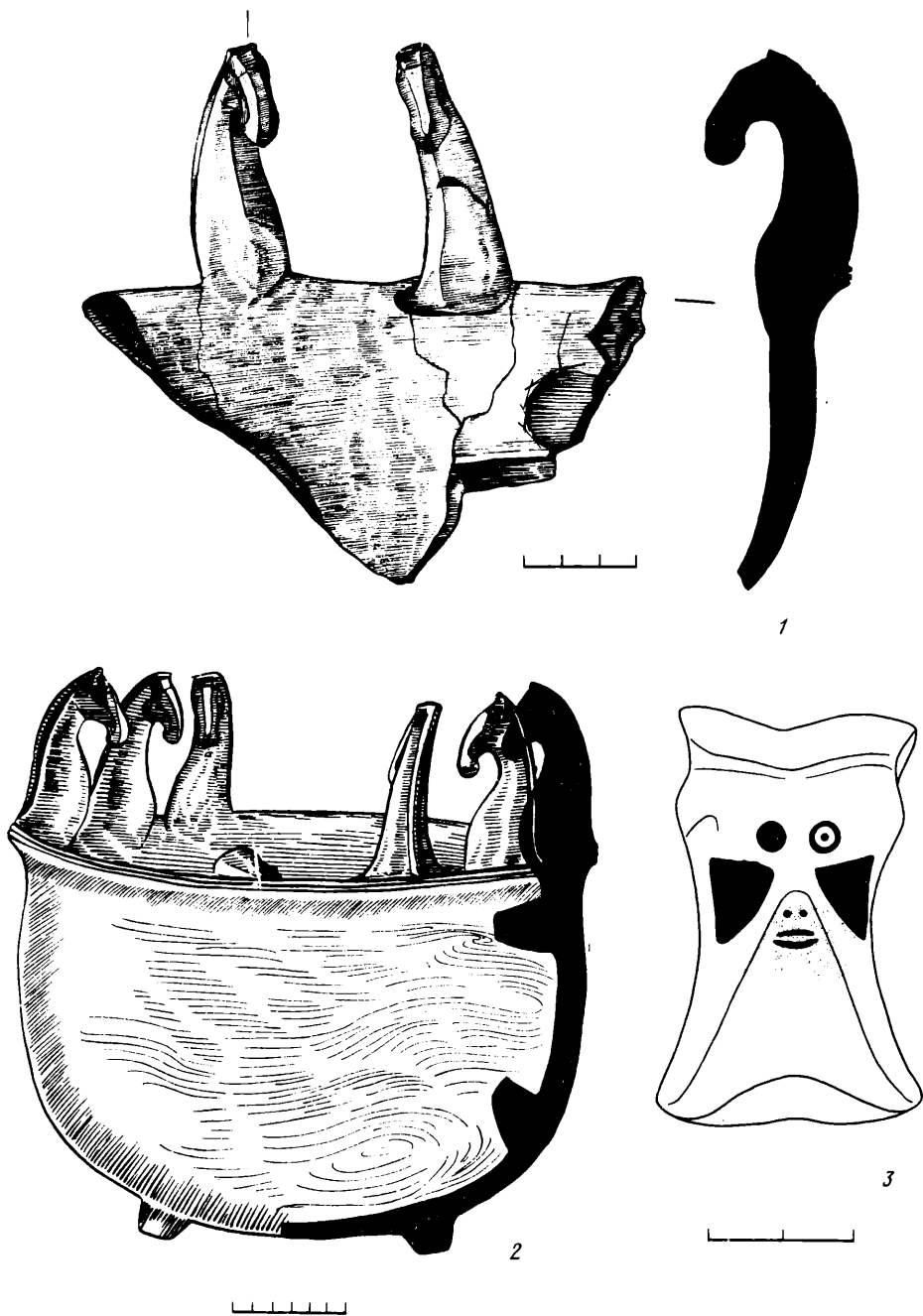

Рис. 2. Деревянный сосуд (фрагмент и реконструкция) и костяной идольчик из Большого Полтаковского кургана

1, 2 — могила 2; 3 — могила 4

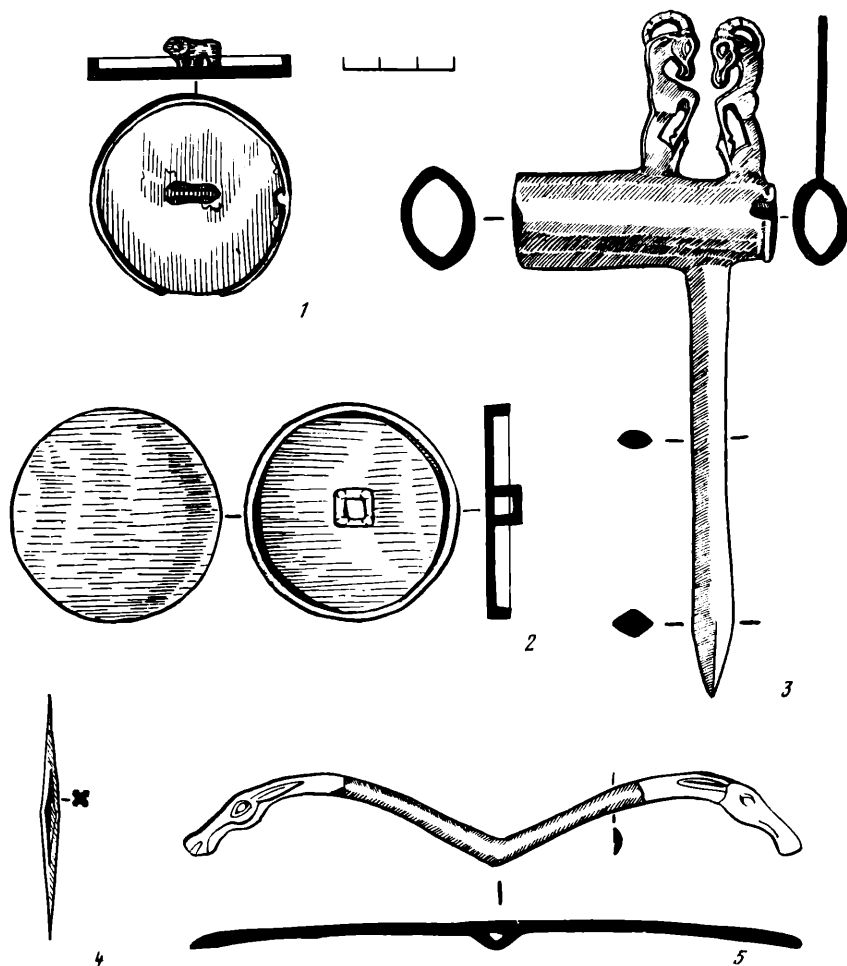

Рис. 3. Некоторые бронзовые изделия из Большого Полтаковского кургана (5 — бронза и золото)
1 — могила 3; 2—5 — могила 2

медальон с изображением стоящего оленя, обтянутый золотой фольгой (рис. 4, 11), вырезанные из золотого листа стилизованные фигурки кабанчиков, нашитавшиеся сверху на одежду (рис. 4, 7, 8), три бронзовые оленные бляхи, обтянутые плотно прилегающей золотой фольгой. У входа-проема в южную камеру расчищены фрагменты обуглившегося деревянного сосуда — большой чаши, украшенной по венчику головами коней (рис. 2, 1, 2).

На перекрытии северного сруба обнаружены кринкообразный керамический сосуд и обложенный золотой фольгой бронзовый олень. На полу северной камеры два мужских скелета 13 и 14 лежали у западной стенки, на спине, головой на запад. У покойника 13, лежавшего поверх скелета 14, в районе таза сохранились украшавшие пояс 7 пластин из золотой фольги, верх которых оформлен в виде голов хищных птиц (рис. 4, 1—3). У погребенного 14 на тазе и под ним найдены тисненые из золотого листа рельефные изображения кошачьего хищника (12 шт.), видимо украшавшие пояс; у лодыжек обоих покойников — узкие полоски золотой фольги — ножные браслеты.

У восточной стенки скопление костяков (№ 15—21) взрослых людей, в том числе по крайней мере 3 мужчин и 1 женщины. Все ориентированы

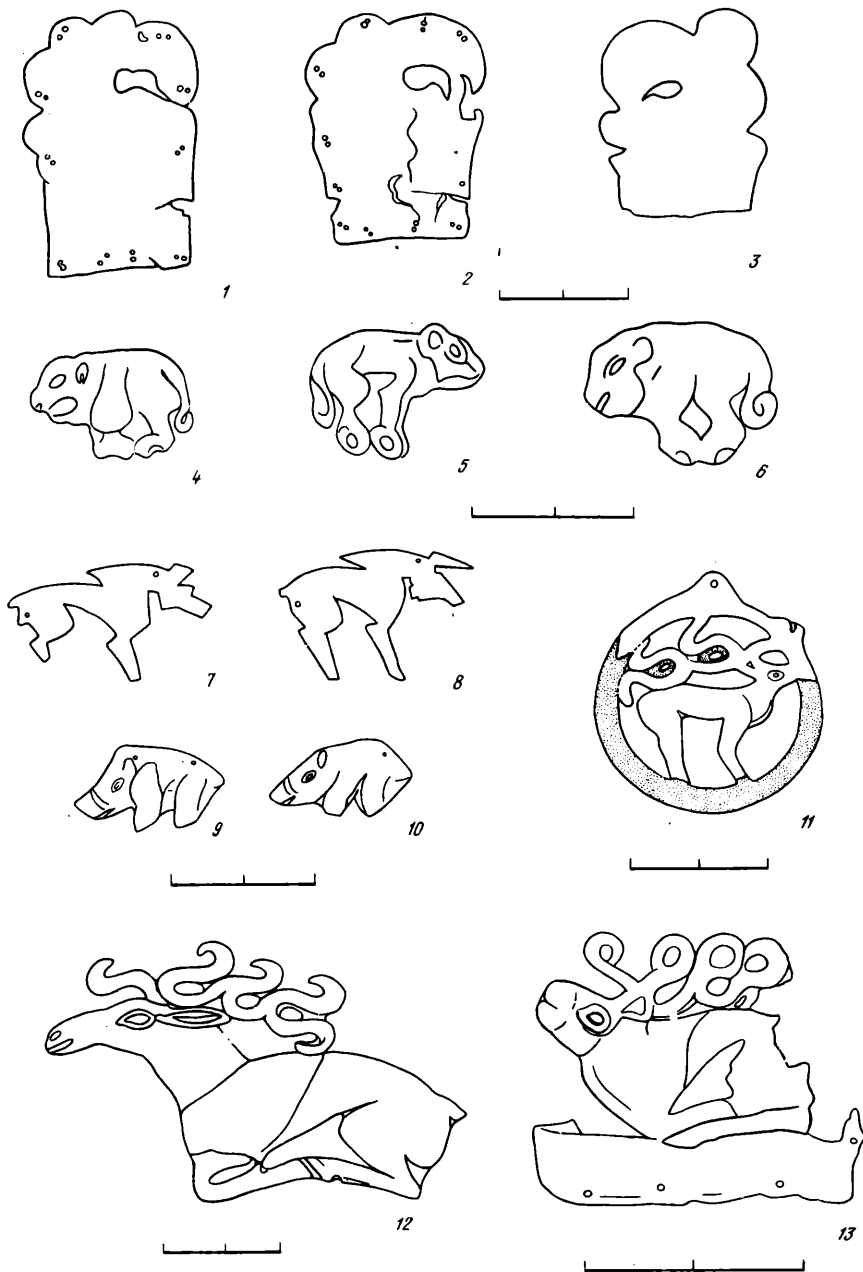

Рис. 4. Некоторые образцы «звериного стиля» Большого Полтаковского кургана

1—3, 7, 8, 11 — могила 2; 4—6, 9, 10, 12, 13 — могила 3; 11, 12 — золото и бронза; остальные — золото

головой на восток. Среди костей найдены украшенная зернью литая золотая серьга с полым шариком и компактно (в мешочке?) кольцо из 13 золотых полушаровидных бляшек, 13 цилиндрических пронизок, 13 стеклянных цилиндрических бус. В этой же камере открыт бронзовый парадно-символический втульчатый чекан с 2 козлами в псевдогеральдической позе на обухе (рис. 3, 3) (такой же найден в могильнике Аймырлыг в Туве³); две золотые бляшки с изображением лежащего муфлона. Сруб (или материя на нем) был украшен вырезанными из золотого листа когтевидными накладками.

В обоих срубах обнаружены многочисленные аппликации из золотой фольги: простые и зубчатые полосы, ступенчатые фигуры, накладки в форме бегущей волны. У восточной стенки в обеих камерах стояли крупные керамические сосуды, среди которых наибольший интерес представляют точные полноразмерные копии бронзовых котлов на поддоне и с 2 вертикальными ручками, увенчанными грибообразным шипом.

Могила 3. Расположена к югу от камеры 4. Ее размеры 4,6×4,5 м, глубина 1,8 м. Дно и стены выложены берестой. Сруба из нескольких венцов в камере не было. Имеется только рама высотой в одно бревно диаметром 30 см. Внутренние размеры рамы 3,9×3,9 м. Пол такой же, как в могиле 2. От перекрытия над ямой сохранились засыпанные землей и потому уцелевшие от огня окончания бревен на западном краю могильной ямы. Никаких признаков входа для последовательного захоронения не выявлено. Камера была сожжена. Земля над могилой сильно прокалена и даже зашлакована. Действие огня испытала также часть костей на дне могилы. Только некоторые части костяков в камере лежат в анатомическом порядке. Остальные кости разрознены. Многие черепа лежат отдельно от других костей скелета, большинство из них раздавлено. Вперемешку лежат кости людей и животных. В могиле погребено не менее 20 взрослых людей, в том числе по крайней мере 9 мужчин и 7 женщин разного возраста⁴. Кости детей практически не сохранились. По всем признакам могила 3 не служила для длительного последовательного захоронения. В то же время разрозненность костей не может быть объяснена ограблением камеры через верх, там как над могилой нет никаких признаков перекопа. Набор золотых украшений по ассортименту и количеству примерно такой же, что и в могиле 2, хотя золотые изделия деформированы здесь сильнее. Некоторые глиняные сосуды представлены во фрагментах, но черепки от каждого сосуда лежат, как правило, аккуратными кучками, а не разбросаны по всей камере. Большие сосуды отсутствуют. Совокупность данных свидетельствует о том, что камера сооружена специально для коллективного одноактного перезахоронения разложившихся останков вместе с инвентарем. Близость по инвентарю камер 2 и 3, наличие в могиле 2 отдельных костей, которые нельзя связать с погребенными там людьми, кости которых лежат в анатомическом порядке, позволяют предположить, что могила 3 служила для вторичного захоронения останков ранней группы покойников из могилы 2⁵.

В могиле 3 найдены 43 рельефные бляшки из золота, изображающие идущего кошачьего хищника (рис. 4, 4—6), золотая пряжка (?) с изображением лежащего оленя с запрокинутой мордой (рис. 4, 11), рельефные бляшки с изображением кабанчиков (рис. 4, 7, 8), большое количество вырезанных из золотой фольги украшений геометрической формы. Две оленные бляхи из могилы 3 сделаны тщательнее и сохранились лучше, чем фигуры оленей в могиле 2. Одна такая бляха мастерски облицована толстым золотым листом (рис. 4, 10). Другая большего размера, единственная из всей серии оленных блях из БПк обложена золотой фольгой и с тыльной стороны. Среди бронзовых вещей в могиле 3 обнаружено зеркало с бортиком и ручкой в виде фигурки стоящего барана (рис. 4, 1).

Могила 1, наиболее поздняя в кургане, расположена к северу от могилы 4. Восточная половина могилы сильно разрушена грабительской «воронкой». В западной части уцелела часть сруба высотой 1 м и шириной 3,7 м. Сруб перекрыт подтесанными бревнами, но в северо-западном углу имеется квадратный люк, а над ним наземный вход для последовательного захоронения. В западной части сруба сохранились лежащие друг на друге костяки. Инвентаря в этой камере почти не было.

Могила 1—3 БПк относятся к сарагашенскому этапу тагарской культуры, выделенному впервые М. П. Грязновым и безо всякого обоснования датированному им IV—III вв. до н. э. После обнаружения в кургане Аржан VIII в. до н. э. ряда вещей, типичных для подгорновского этапа тагарской культуры, встал вопрос о заглаблении начальной даты тагарской культуры. Новые материалы заставили некоторых исследователей существенно удревнить нижнюю границу сарагашенского этапа⁶. Материал из камер 2 и 3 БПк по аналогиям в хорошо датированных памятниках укладывается в хронологический промежуток между концом VII в. и рубежом VI—V вв. до н. э. Золотые накладки в форме когтя и бегущей волны имеют точные соответствия во 2-м Тузктинском кургане VI в. до н. э.⁷ Фигурки идущих кошачьих хищников находят аналогии в раннесакских могильниках Тагискен и Уйгарак⁸, в Тагискене найдена также фигурка лежащей сайги⁹. В Усть-Букони (Казахстан) обнаружено изображение идущего кошачьего хищника из бронзы¹⁰. Могильник Усть-Буконь сначала датировался С. С. Черниковым V—IV вв. до н. э., но позднее было установлено, что стрелы из Усть-Букони относятся к VI в.¹¹ Птероморфная золотая накладка найдена в савроматском могильнике Пятимары I (курган 9, могила 3), где по стрелам датируется рубежом VI—V вв. до н. э.¹² Оленные бляхи из БПк по моделировке рогов наиболее близки оленю на бронзовом навершии из ст-цы Губской конца VII в. до н. э.¹³ Фигура оленя на золотой пряжке из кургана по задранной вверх тупой морде и пеглевидным окончаниям рогов близка к изображениям оленя в Дарьевке и Келермесе (налучье). Этот список может быть продолжен.

Обращает на себя внимание отсутствие в БПк, наиболее богатом из раскопанных курганов тагарской знати, оружия (за исключением символа власти — парадного чекана). Вопреки утверждению о том, что «вождь у тагарцев был прежде всего воином»¹⁴, оружие отсутствует и в других курганах тагарской знати (Колок, Табат, Большой Новоселовский курган). В то же время здесь найден ряд предметов культа: раскрашенный идолчик, точные копии бронзовых котлов, ритуальное назначение которых легко устанавливается по наскальным изображениям той же тагарской эпохи, деревянная чаша с головками коней, гадательные палочки у одного из погребенных. Совокупность материалов дает основание для предположения о том, что в этом кургане были погребены представители тагарской жреческой знати и члены их семей.

¹ Грязнов М. П. Антропоморфная фигурка бронзового века с р. Оби//СГЭ. 1962. Вып. 22. С. 26, 27.

² Черников С. С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы//МИА. 1960. № 88. С. 38, табл. XXVII, 5.

³ Мандельштам А. М. Исследования на могильном поле Аймырлыг//Древние культуры евразийских степей. Л., 1983. С. 28, рис. 1.

⁴ Определения А. В. Громова.

⁵ Аналогичный обряд зафиксирован нами в неграбленном кургане тагарского могильника Интиколь. См.: АО 1986 г. М.: 1988.

⁶ Кузьмин Н. Ю. Вопросы периодизации и хронологии тагарской культуры//Проблемы археологии степной Евразии. Кемерово, 1987. Ч. 2. С. 70.

⁷ Руденко С. И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л., 1960. С. 155, рис. 97.

- ⁸ Вишневская О. А., Итина М. А. Ранние саки Приаралья//Проблемы скифской археологии. М., 1971. С. 206, рис. 8, 4, 7; Вишневская О. А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII—V вв. до н. э. М., 1973. Табл. XXVIII.
- ⁹ Артамонов М. И. Сокровища саков. М., 1973. С. 25.
- ¹⁰ Черников С. С. Работы Восточно-Казахстанской экспедиции в 1956 г.//КСИМК. 1959. Вып. 73. Рис. 40, 2.
- ¹¹ Медведская И. Н. Некоторые вопросы хронологии бронзовых наконечников стрел Средней Азии и Казахстана//СА. 1972. № 3. С. 82.
- ¹² Смирнов К. Ф. Сарматы. М., 1964. Рис. 24, 4; Он же. Сарматы на Илеке. М., 1975. С. 35—37.
- ¹³ Ильинская В. А., Тереножкин А. И. Скифия VII—V вв. до н. э. Киев, 1983. С. 46.
- ¹⁴ Вадецкая Э. Б. Археологические памятники в степях среднего Енисея. Л., 1986. С. 95

О. Л. Пламеневская

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД МОГИЛЬНИКА КАДАТСКОЕ ПОЛЕ

Могильник Кадатское Поле, расположенный на левом берегу водохранилища в долине р. Береш у с. Кадат Шарыповского р-на Красноярского края, насчитывал 4 кургана, относящихся к разным хронологическим этапам тагарской культуры. В 1978 г. раскопки производила автор¹, в 1980 г.— Э. Б. Вадецкая².

Целью настоящей статьи является публикация результатов раскопок, давших материал достаточно ординарный, но позволяющий определить круг задач, решение которых необходимо для реконструкции некоторых элементов погребального обряда для неграбленных захоронений.

Под земляной насыпью кургана 1, сохранившейся на высоту около 0,3 м³, обнаружена полуразрушенная прямоугольная ограда (13×10,5 м) из вертикально поставленных плит и обломков бутового камня, ориентированная углами по странам света. Сохранился восточный угловой камень. Вход в ограду не прослеживался.

В центре ограды могила 1, у ее юго-восточного края детское захоронение в каменном ящике (могила 2).

Могила 1 — грунтовая квадратная яма (4×4 м) глубиной 1,2 м, покрытая 8 плахами, уложенными по оси северо-восток — юго-запад. Вдоль северо-восточного края могилы, под перекрытием, лежали два бревна. Плахи были покрыты слоем коры, поверх которой находилось каменное сооружение, представляющее собой плоскую квадратную выкладку (4,8×4,8 м, высота 0,2 м) из небольших плит.

При расчистке каменного покрытия, в центре могилы (на высоте 60 см от плит) обнаружены кости коня: череп, фаланги от четырех конечностей, 2 пары метаподий, лопатка, плечевая и локтевая кости. По составу грунта, заполняющего могильную яму, следы более позднего захоронения конских останков не прослеживаются. Это обстоятельство, а также характер костных останков позволяют предположить, что они относятся ко времени сооружения кургана и, очевидно, были конской шкурой с завернутой в нее ногой жертвенного коня, возложенной на земляное сооружение (высотой не менее 60 см), венчающее архитектурную конструкцию погребальной камеры.

Могила потревожена через округлый лаз (диаметр около 1 м), который хорошо прослеживался по цвету и заполнению в разрезе, на древней дневной поверхности и в северо-восточной стене могильной яме. На дне останки не менее 6 погребенных, ориентированных головой на северо-запад, за исключением ребенка — головой на юго-запад⁴. Вдоль юго-западной стены в

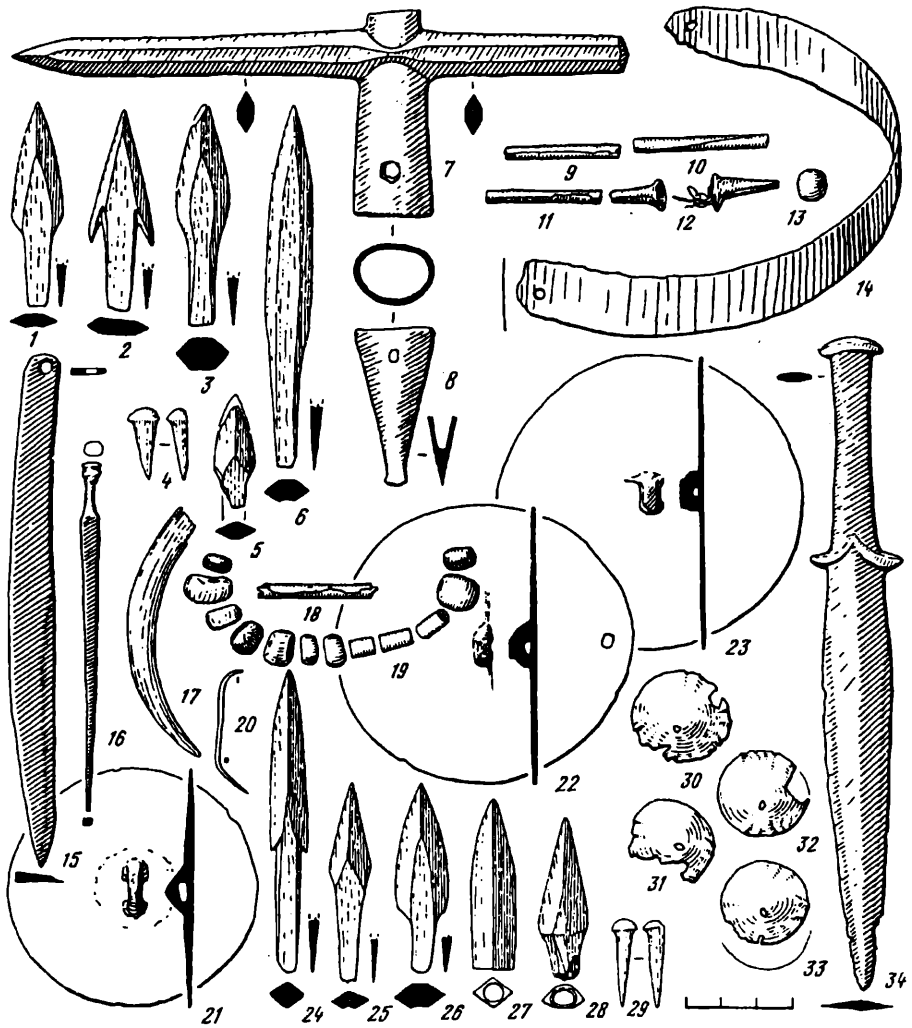

Рис. 1. Инвентарь из кургана 1 могила 1

1—6, 13, 17, 19, 24—29 — кость; 7—12, 14—16, 18, 20—23, 30—34 — бронза; 19 — сердолик, агальмоталит, кость

нестественном положении лежал скелет взрослого мужчины (№ 1). На черепе — 6 бляшек (рис. 1, 30), на поясе, справа, — чекан (рис. 1, 7), на расстоянии 75 см от него вток (рис. 1, 8); у левой голени — 4 наконечника стрел (рис. 1, 1—3, 6) и гвоздик (рис. 1, 4). В ногах — остатки погребальной пищи — кости овцы, у головы — горшок. Под левой тазовой костью скелета, острием вверх, найден наконечник стрелы (рис. 1, 5). Рядом, слева от погребенного, находился скелет взрослого мужчины (№ 2) в неестественном положении. Под его бедренными костями — скелет ребенка (№ 3). Слева от скелета № 2 зафиксированы в сочленении верхняя часть юношеского скелета (№ 4). На черепе № 3 — бляшки (рис. 1, 31), слева у головы — небольшой горшок. На уровне ног скелета № 2, слева, лежал скелет взрослой женщины (№ 5), в вытянутом положении на спине, без черепа.

На поясе — зеркало (рис. 1, 21), под ним ожерелье из двух костяных, двух бронзовых бусин и 7 трубочек-пронизок (рис. 1, 9—13). Справа, в ногах, — остатки погребальной пищи — кости лошади. Среди них округлый темно-красный горшочек с двумя отверстиями на прямом венчике. Вдоль северо-восточной стены могилы лежал скелет взрослой женщины в вытянутом положении на спине (№ 6). У правого предплечья — ожерелье из 12 костяных, 3 сердоликовых, 3 агальматолитовых бусин, трубочки-пронизки и подвеска из клыка кабарги (рис. 1, 17—19); у правой кисти — зеркало (рис. 1, 22); под левой голенью — нож и шило (рис. 1, 15, 16); в ногах — остатки погребальной пищи — ребра лошади; у головы — лощеный горшок. На земляной прослойке, попавшей внутрь могилы из лаза, над скелетом № 6 зафиксированы в полном беспорядке разрозненные кости не менее, чем от трех скелетов. Среди них фрагменты керамики (от 5 сосудов), бронзовые вещи: обломки шейных и ножных браслетов (рис. 1, 14), головные бляшки (рис. 1, 32, 33), трубочки-пронизки, бусы (рис. 1, 12), зеркало (рис. 1, 23), кинжал (рис. 1, 34), 5 наконечников стрел, гвоздик (рис. 1, 24—28, 29), игла (рис. 1, 20). В заполнении над скелетом № 5 — потревоженный скелет юноши (№ 7), частично перекрывающий сохранившуюся в сочленении нижнюю часть скелета № 8.

Идентифицируя кости скелетов на дне могилы и в заполнении, удалось установить, что они принадлежали 11 погребенным: 5 взрослых, 3 подростка, 3 ребенка. В могиле найдено 9 горшков темного цвета, без орнамента: 1 — округлый, для подвешивания, 3 миски, 5 — баночной формы.

Могила 2, располагалась в 0,5 м от юго-восточного края могилы 1 и представляла собой деформированный каменный ящик (0,5×0,75 м), покрытый тремя плитами. На дне (глубина 0,3 м) — скелет ребенка на спине в вытянутом положении головой на северо-восток.

Курган 2 находился в 120 м к северо-западу от кургана 1. Под земляной насыпью, сохранившейся на высоту около 0,3 м, по оси юго-запад — северо-восток, на расстоянии 2,8 м, располагались две могилы. Могила 1 находилась в центре четырехугольной ограды, аналогичной ограде кургана 1. Длина юго-восточной стороны 11,8 м, сохранившихся юго-западной и северо-восточной 3 и 4 м.

Могила 1 — грунтовая четырехугольная яма (4,5×5 м) глубиной 1,3 м, покрытая 12 плахами, положенными по оси юго-запад — северо-восток. Вдоль юго-западных и северо-восточных краев могилы под покрытием лежало по бревну. Плахи покрыты слоем коры, на которой в северном углу найдены остатки погребальной пищи: кости лошади, коровы, овцы. Среди них обломки 4 горшков баночной формы, без орнамента. На северном и восточном углах могилы, на выкиде, зафиксированы небольшие плоские каменные выкладки. На глубине 80 см и расстоянии 90 см от северо-восточной стенки могилы обнаружена горизонтальная плита (1×0,3 м), а в центре этой стенки, над плитой, — плотное образование из глины с примесью гальки. Первоначально могила, видимо, имела земляное сооружение, в котором у юго-западного ее края на глубине 1 м установлено впускное захоронение женщины, лежавшей лицом вниз.

Могила не потревожена. На дне ее — 24 скелета; 14 из них — дети грудного возраста. Погребенные имели различную ориентировку, 6 скелетов взрослых и подростков — головой на юго-запад, 2 — на северо-запад, 2 — на юго-восток (рис. 2). Скелет № 1 мужской. При нем найдены горшок № 1, в котором находилось 6 бляшек, зеркало, нож и игла (рис. 3, 16, 27, 30, 35); на левой тазовой кости — 3 бусины (2 костяные, одна сердоликовая — рис. 3, 12, 13); рядом наконечник стрелы (рис. 3, 4); у голени — браслеты (рис. 3, 8); под

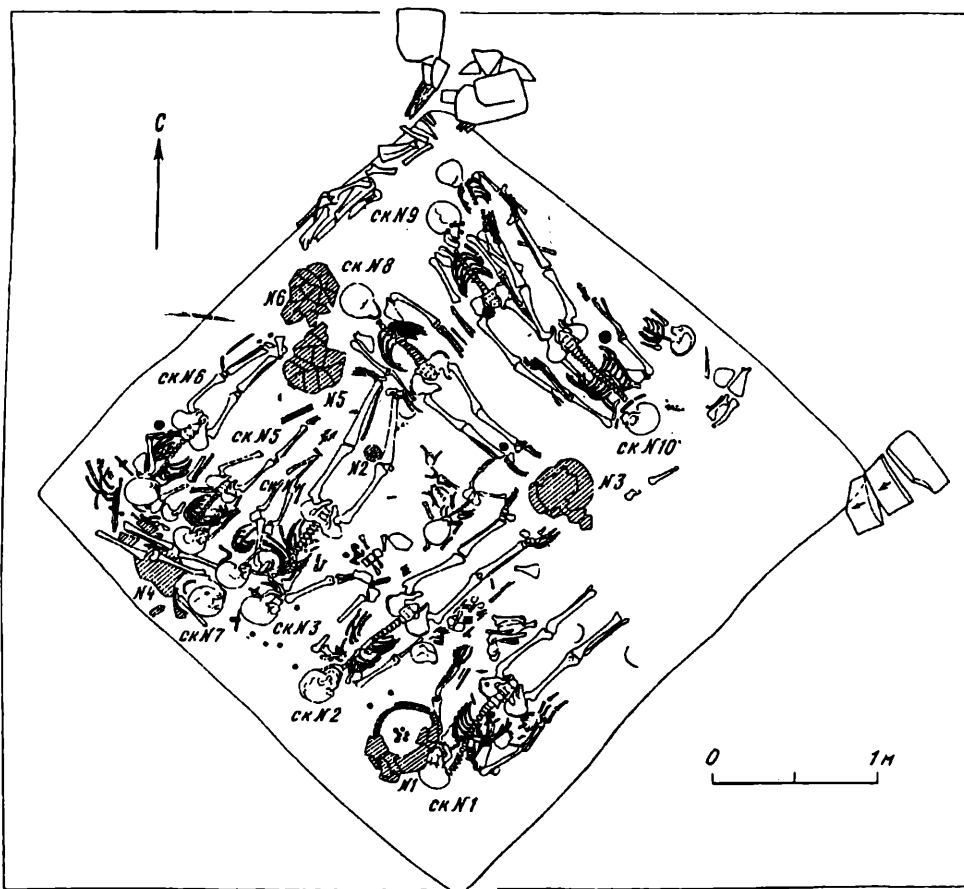

Рис. 2. План кургана 2, могила 1

горшком — обломки гривны (рис. 3, 1); слева — кости барана. Скелет № 2 женский. У черепа лежали 5 бляшек (рис. 3, 17); на груди — 4 бусины (рис. 3, 12), 12 бронзовых трубочек пронизок; под левой тазовой костью, острием вверх, — наконечник стрелы (рис. 3, 5); в ногах — горшок № 3. Скелет № 3 мужской. При нем обнаружены 4 бляшки, чекан (рис. 3, 2, 18), на шее — гривна, оленья бляха, под ней предмет неизвестного назначения (рис. 3, 2, 4, 25); нож, вток, 3 наконечника стрел (рис. 3, 3, 6, 7, 33); у левой голени — ожерелье из подвесок — клыков и резцов мелкого хищника, ножной браслет (рис. 3, 14), сердоликовая и бронзовая бусины (рис. 3, 10, 13), глиняная миска № 2. Скелеты № 4—6 юношеские. При скелете № 6 найдены 2 бляшки, зеркало, нож, игла и шило (рис. 3, 19, 26, 28, 30, 34), чекан (аналогичный изображенному на рис. 3, 2); под черепом — колчаный крючок (рис. 3, 31)⁵. Под левой тазовой костью обнаружен бронзовый нож с гладкой плоской рукояткой, которую обматывали по спирали ремешком. Подобные ножи характерны для погребений баиновского этапа тагарской культуры⁶. В одном из поясничных позвонков скелета № 6 застрял бронзовый втульчатый трехперный наконечник стрелы, аналогичный наконечникам из кургана 8 у с. Быстрянского⁷. У его ног — раздавленный горшок № 5. В

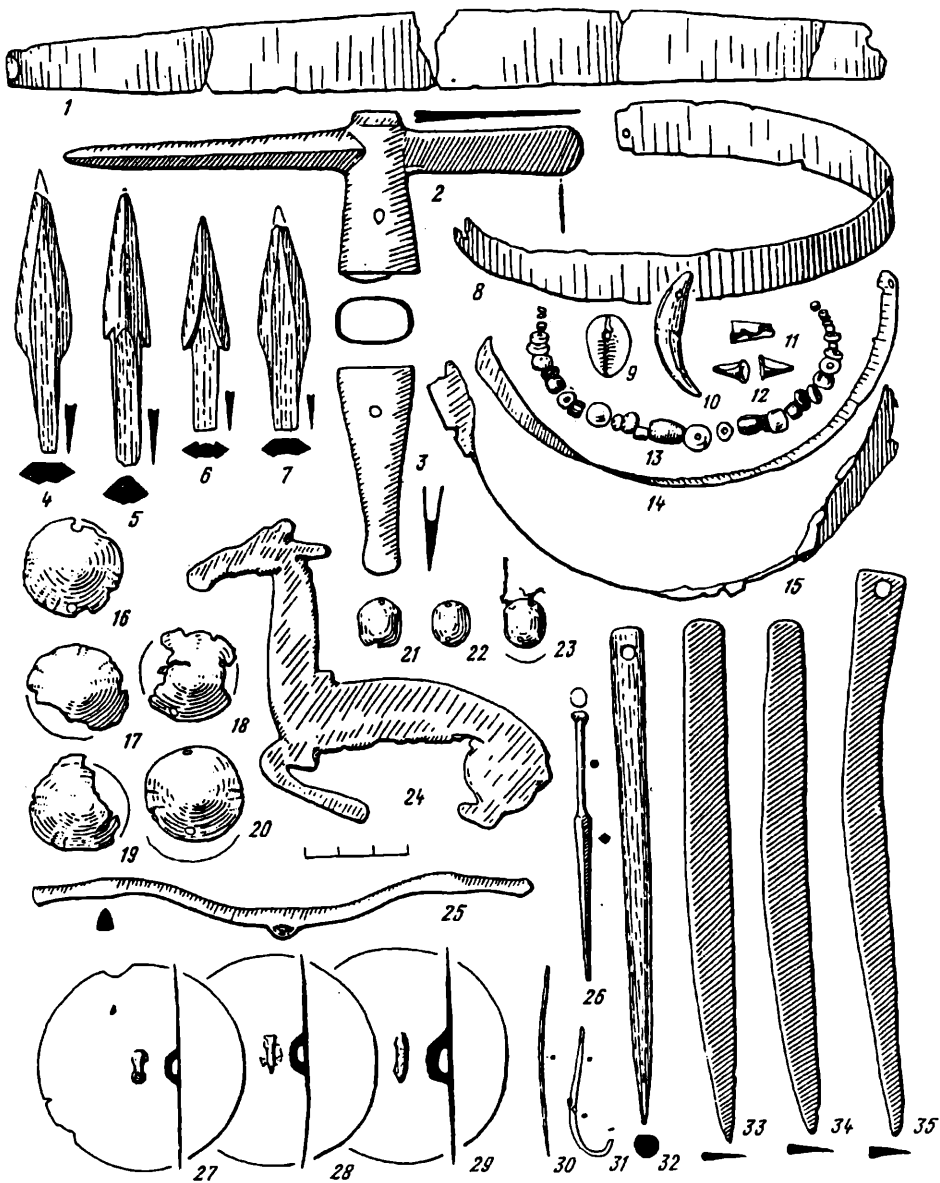

Рис. 3. Инвентарь из кургана 2 могила 1

1—3, 8, 11, 12, 14—35 — бронза; 4—7, 10 — кость; 9, 13 — сердолик, агальмоталит, паста

головах скелетов № 4—6 — разрозненные кости скелета № 7, под ними обломки горшка. Скелет № 8 женский. У головы стоял горшок № 6, на груди ожерелье из пастовых, агальмоталитовых и костяных бусин (рис. 3, 13). При нем найдены игла, зеркало, под ним — имитация раковины каури (рис. 3, 9, 29, 32). Скелет № 9 также женский. При нем обнаружены 6 бляшек, обломки гривны, на груди — бусы, зеркало (рис. 3, 12, 15, 21). Скелет № 10 (частично перекрывает скелет № 9) женский. При нем зафиксированы 7 бляшек, гривна, нож, шило и зеркало (аналогичные изображенным на рис. 3, 1, 22, 26, 27,

33). В могиле было 6 горшков: 1 — миска, 5 — баночной формы, без орнамента.

Могила 2 находилась в центре четырехугольной ограды (4,3×4,8 м), от которой сохранились угловые камни, и представляла собой квадратную яму (3,5×3,5 м) глубиной 1,1 м, в которую был поставлен сруб в 6 венцов, перекрытый двойным накатом бревен, положенных по осям северо-запад — юго-восток, юго-запад — северо-восток, сверху покрытых берестой. Сруб был подожжен сверху, поэтому само покрытие сгорело полностью, верхние бревна сильно обгорели, а нижние незначительно обуглились. У северо-восточной стены, на глубине 30 см, обнаружены две плиты, лежащие одна над другой (100×50×3 см, 60×40×2 см). Под ними, вдоль всей стены на ширине 60—70 см, до самого дна могилы, зафиксировано много спекшегося шлака. Могила пустая. Только у северо-западной стены, на дне, найдены необгоревшие обломки костей лошади, а у юго-западной — 10 бронзовых бляшек, 5 трубочек пронизок и зеркало (аналогичные представленным на рис. 1 и 3).

Конструкции могильных сооружений, обряд захоронений, а также тип погребального инвентаря позволяют отнести исследованные курганы к сарагашенскому этапу тагарской культуры и датировать их IV—III вв. до н. э.⁸ Найденная там керамика отличается отсутствием орнамента, венчиками, не имеющими утолщений; чеканы, втоки и кинжалы уменьшенных размеров, ножи большей частью плоские, шилья с двойной или многоярусной головкой. Типичны наконечники стрел в основном костяные черешковые, зеркала, набор украшений, оленяная бляха, предмет неизвестного назначения, имитация раковины каури⁹. Много аналогий этим вещам находится в курганах сарагашенского этапа, раскопанных за последнее время в г. Шарыпово, Новоселовском и Бейском районах Красноярского края¹⁰. И тем не менее, судя по стратиграфии, могила 2 кургана 2 сооружена позднее могилы 1. Во-первых, ее выкид перекрывает ограду могилы 1. Во-вторых, об этом свидетельствует и обряд сожжения погребальной камеры, появившийся по периодизации М. П. Грязнова на лепешкинском этапе тагарской культуры (II в. до н. э.)¹¹. В-третьих, о более ранней датировке могилы 1 курганов 1 и 2 говорит отсутствие сруба, столь характерного для сарагашенского этапа. В-четвертых, на это указывает неустойчивость типа надмогильного сооружения, при полной идентичности инвентаря, ориентировки погребенных и труположения. Могила 1 кургана 1 имела сплошное каменное покрытие. Наиболее близкая аналогия — курган 1, могила 1 в могильнике Толстый мыс V¹². На земляное сооружение кургана 1 положены шкура и мясо жертвенного коня — обычай, широко распространенный в эпоху бронзы и в различных формах просуществовавший до недавнего времени¹³. Могила 1 кургана 2 не имела каменного покрытия, но дает возможность проследить конструктивное оформление входа в северо-восточной стене — каменные выкладки по углам могильной ямы, стратиграфические особенности грунта, горизонтальные плиты, очевидно фиксирующие вход в камеру.

При таких архитектурных решениях возможно единообразие при относительно богатстве стиля. Не исключено стремление выделить родовые особенности, поиски универсальных, а не специфических решений, заставляющих добиваться совершенства строительных методов и архитектурной детализации, или сознательное упрощение при недостатке времени, строительных материалов и рабочей силы.

На выкиде из могилы 1 кургана 2, на расстоянии 1, 2 м от северо-восточной части ограды, под дерновым слоем, в овальной яме (глубина 20 см), найден полный скелет собаки. Захоронение собаки зафиксировано

в кургане 1 могильника Медведка II¹⁴. Обычай погребения домашних животных, в частности собаки, был широко распространен в курганах тесинского времени¹⁵.

Исследованные курганы могильника Кадатское Поле представляют собой рядовые коллективные захоронения, причем в кургане 2 под единой насыпью одна могила сожжена, другая нет. А. А. Спицын, составивший первую сводку о коллективных могилах, высказывал предположение о том, что по заполнении могилы она закладывалась горючим материалом и сжигалась¹⁶. Однако эта гипотеза не объясняет подобной разнохарактерности. Вполне возможно, что сожжение явилось результатом помещения в могилу остатков поминального костра, что было впервые отмечено М. П. Грязновым¹⁷. Первые исследователи коллективных могил — Д. А. Клеменц, А. В. Адрианов и др. — считали захоронения одновременными, объясняя большое количество покойников следствием эпидемий и военных экспансий¹⁸. А. А. Спицын, а вслед за ним и С. В. Киселев считали, что наряду с труположением в курганах имело место последовательное подхоранивание расчлененных трупов¹⁹. М. П. Грязнов выдвинул гипотезу, в настоящее время общепринятую, что все коллективные сарагашенские могилы являются родовыми или фамильными склепами, функционировавшими в течение длительного времени²⁰. Э. Б. Вадецкая полностью ее не разделяет и считает, что в одних и тех же могилах часть покойников клали одновременно, а других последовательно²¹. Автор придерживается этой точки зрения и считает, что к каждому отдельному захоронению необходим индивидуальный подход, особенно это касается неграбленных захоронений. Так, положение скелетов в могиле 1 кургана 1 указывает на одновременность погребенных. Скелет 6 засыпан землей из лаза, которым, очевидно, воспользовались для подхоранивания, и совершенно не потревожен. Кости скелетов № 4, 7 и 8 частично сохранили связочный аппарат, в то время как кости в заполнении находятся в полном беспорядке. Этот факт свидетельствует о разной стадии разложения трупов в момент возможного подхоранивания скелетов № 1 и 2, для которых освобождалось место. Интересно, что при избытке свободного места скелет № 2 оказался поверх детского скелета № 3.

Эта деталь обряда хорошо прослеживается в могиле 1 кургана 2. Здесь она усложняется различной ориентировкой погребенных. Экономия места за счет «уплотнения» погребенных, непринципиальность ориентировки при наличии свободного места наводят на мысль, что: во-первых, очевидно, при захоронении было неизвестно общее число умерших, а ориентировка не имела значения; во-вторых, положение погребенных (рис. 2) может свидетельствовать как о одновременном захоронении (скелеты № 1—6), так и о подхоранивании (скелеты № 8—10). Скелет № 7 — пример вторичного захоронения костей, так как представляет компактную массу разрозненных костей, аккуратно положенных на горшок № 4. Непонятным кажется тот факт, что скелет № 10 перекрывает скелет № 9 при пустующем восточном угле камеры. Полупустые неграбленные могилы, исследованные А. Д. Грачом в Туве, не имеют объяснения²².

Современный этап изучения элементов погребального обряда коллективных захоронений поставил перед исследователями ряд задач, решение которых, как представляется, станет возможным при разработке методики детального обследования костяков, особенно в неграбленных могилах, с привлечением специалистов.

- ¹ *Пламеневская О. Л.* Раскопки курганов на Кадатском Поле//АО 1978 г. М., 1979. С. 264, 265.
- ² *Вадецкая Э. Б.* Первые итоги работ на КАТЭКе//Древние культуры евразийских степей. Л., 1983. С. 49.
- ³ Здесь и ниже все высоты и глубины даны от уровня древней дневной поверхности.
- ⁴ Определение пола и возраста погребенных дается по схеме М. П. Грязнова.
- ⁵ *Иванов Г. Е.* Вооружение племен лесостепного Алтая в раннем железном веке//Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск, 1987. С. 14, рис. 4.
- ⁶ *Грязнов М. П.* Тагарская культура//История Сибири. Л., 1968. Т. 1. С. 188, 193.
- ⁷ *Завитухина М. П.* Курганы у села Бустрянского в Алтайском крае//АСГЭ. Л., 1966. Вып. 8. С. 63.
- ⁸ *Грязнов М. П.* Тагарская культура. С. 192; *Грязнов М. П., Пшеницына М. Н.* Курганы IV—III вв. до н. э. на оз. Сарагаш//КСИА. 1966. № 107. С. 64, 65.
- ⁹ *Завитухина М. П.* Восьмикаменный курган в Тепсее VIII//Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск, 1979. С. 56; *Пшеницына М. Н., Поляков А. С.* Погребения родо-племенной знати тагарского общества на юге Хакасии//КСИА. 1989. № 196. С. 61.
- ¹⁰ *Курочкин Г. Н.* Тагарские курганы в зоне Новоселовской оросительной системы//Памятники археологии в зоне мелиорации Южной Сибири. Л., 1988. С. 18—20; *Боковенко Н. А., Красненко С. В.* Могильник Медведка II//Там же. С. 29—31; *Боковенко Н. А., Седых В. Н., Красненко С. В.* Некоторые итоги изучения памятников тагарской культуры на юге Хакасии//Древние культуры... С. 76, 78, 80; *Кириллов Е. Л.* Раскопки тагарского кургана в г. Шарыпово//Древние культуры... С. 62.
- ¹¹ *Грязнов М. П.* и др. Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск, 1979. С. 4.
- ¹² *Курочкин Г. Н.* Тагарские курганы... С. 13.
- ¹³ *Грязнов М. П.* История древних племен верхней Оби//МИА. 1956. № 48. С. 107.
- ¹⁴ *Боковенко Н. А., Красненко С. В.* Могильник Медведка II. С. 35.
- ¹⁵ *Пшеницына М. Н.* Третий тип памятников тесинского этапа//Первобытная археология Сибири. Л., 1975. С. 159; *Она же.* Разлив II раскоп 1 мог. 8. Отчет о раскопках у пос. Разлив в 1972 г.//Архив ЛОИА. Ф. 35, оп. 1. д. № 554, 555; *Завитухина М. П.* Курганы у села Быстрянского... С. 69.
- ¹⁶ *Спицын А. А.* Коллективные могилы в верховьях Енисея и Чулыма//ЗРАО. 1900. Т. XI, вып. 1, 2. С. 6.
- ¹⁷ *Грязнов М. П.* История древних племен... С. 82.
- ¹⁸ *Адрианов А. В.* Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенные летом 1883 г.//ЗЗСОРГО. 1886. Кн. 8, вып. 2. С. 99.
- ¹⁹ *Киселев О. В.* Древняя история Южной Сибири. М., 1951. С. 261.
- ²⁰ *Грязнов М. П.* Тагарская культура... С. 190, 191.
- ²¹ *Вадецкая Э. Б.* Первые итоги... С. 54, 55.
- ²² *Грач А. Д.* Древние кочевники в центре Азии. М., 1980. С. 154, 157, 159, 167.

Вл. А. Семenov

ПОГРЕБЕНИЯ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ В ДОЛИНЕ Р. ТОРГАЛЫК (Тува)

В 1984 г. Саяно-Тувинская экспедиция ЛОИА производила раскопки курганных могильников в междуречье Торгалыка и Чодуры — двух левобережных притоков Улуг-Хема, стекающих с северных склонов Танну-Ола¹.

Могильник, получивший название Торгалык (группа I и II), расположен слева от дороги, ведущей из г. Шагонар в пос. Торгалык. Группа I находится в 16 км, группа II — в 15 км от Шагонара. Существовавшее в прошлом обширное могильное поле в настоящее время сильно распаханно. В первой группе сохранились 7 каменных курганов и 1 западина неясного происхождения. Здесь было раскопано 5 курганов. Для раскопок выбирались разновременные памятники, чтобы получить наиболее полное представление о характере могильника. В результате три кургана оказались монгун-тайгинскими, один — раннекочевническим (алды-бель-

ским) с подхоронениями гуннов кокэльского типа, один содержал гуннское захоронение без инвентаря.

В группе II сохранялось 18 курганов, в 1984 г. было раскопано 3. Один из них был поминальником, один — ранним курганом монгун-тайгинского типа (подобные курганы раскапывались на могильниках Бай-Даг 3, Сут-Холь)², и один относился к гунно-сарматскому времени. Остальные курганы в этой группе по внешнему облику могут быть отнесены к монгун-тайгинскому типу. Наибольший интерес представлял курган 2 в Торгалыке I и курган 3 в Торгалыке II.

Курган 2 могильника Торгалык I имел насыпь высотой до 1 м с западиной в центре. Диаметр насыпи около 12 м. Форма кургана овальная. Курган зарос мелким кустарником. В кургане выявлено 9 погребений — 3 скифских, 2 гуннских и 4 детских неопределенной культурной принадлежности (рис. 1). Самыми ранними погребениями в кургане являются захоронения № 2, 7 и 9. Погребение № 2, центральное в кургане, было ограблено, вероятно, гуннами, погребения № 7 и 9 остались нетронутыми. При разборке кургана выявлена ограда овальных очертаний, сложенная из валунов. Внутри ограды с южной стороны к камням примыкало пятно от костра, в котором найден один фрагмент керамики. В насыпи с южной стороны встречаются отдельные угольки. В восточной части насыпи встречено два сосуда кокэльского типа с арочным орнаментом и несколько костей плохой сохранности.

Погребение 1 впускное в юго-восточной половине кургана, ближе к центру. Плиты перекрытия были свернуты и находились в насыпи. Погребение совершено на уровне древней дневной поверхности. Погребенный лежал на спине, головой на северо-запад, руки вытянуты вдоль тела, голова приподнята, немного наклонилась к правому боку, при этом опиралась на камень, повернута лицом на юго-восток. Под левым плечом стоял глиняный горшок с арочным орнаментом (рис. 2, 15). На венчик сосуда была положена ключица животного. Между тазом и правой рукой погребенного находилась пяточная кость. Кости кистей рук и ног отсутствовали. С левой стороны у пояса найден железный стержень (рис. 2, 16). Несколько ребер лежало с левой стороны костяка, грудная кость у левой ноги. Под тазом примерно на 6 см глубже костяка обнаружено бронзовое зеркало с разомкнутой петелькой, без бортика (рис. 2, 10). Погребенный — мужчина до 23 лет.

Погребение 2 расположено под погребением 1, это основное погребение в кургане (центральное), помещено в каменном ящике. Стенки ящика сделаны из больших плоских плит. Его размеры 1,2×0,7×0,7 м. Перекрытие сохранилось частично в северо-западном углу могилы. Погребение ограблено, кости погребенных перемешаны. Сохранившийся череп, возможно, принадлежал мужчине, кости таза — женщине, здесь же обнаружены три плечевые кости, две локтевые. С северо-запада находится грабительский ход. В нем найдены лучевая кость руки, позвонки, фрагмент черепа.

Погребение 3 — каменный ящик прямоугольной формы, размером 44×20 см, глубиной 25 см, сделан из плит и валунов. Находилось в ограде кургана с южной стороны. В нем имелся маленький фрагмент черепа ребенка. Сохранились небольшие плиты перекрытия. Инвентаря нет.

Погребение 4 — каменный ящик подпрямоугольной формы, размерами 78×30 см, высотой 24 см. Сверху находилась плита перекрытия. Ящик ориентирован длинной стороной на северо-восток. Поставлен на уровне древней дневной поверхности. В нем обнаружены фрагмент черепа ребенка и обломок венчика сосуда.

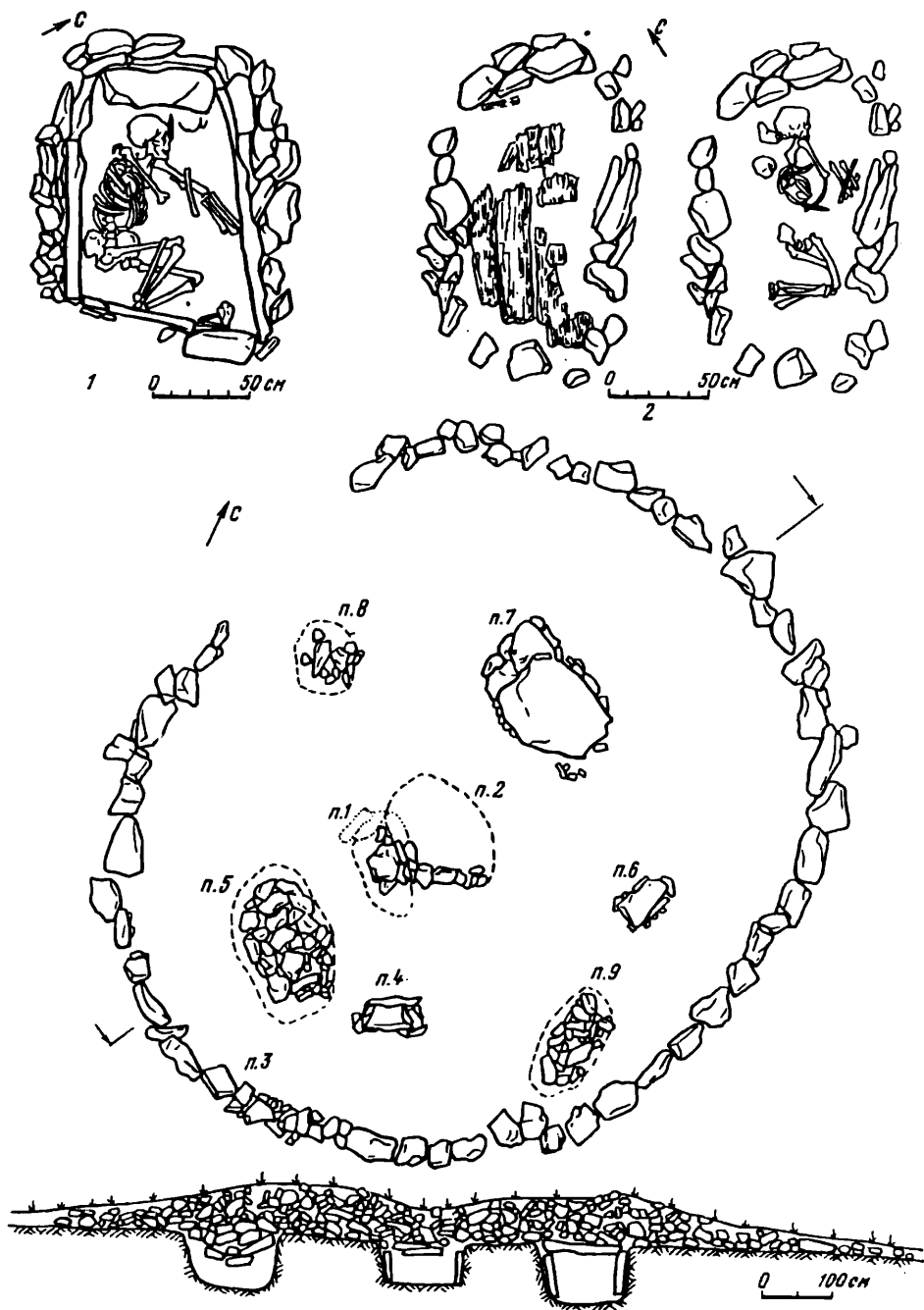

Рис. 1. Могильник Торгалык I, курган 2

1 — план погребения 7; 2 — план погребения 9

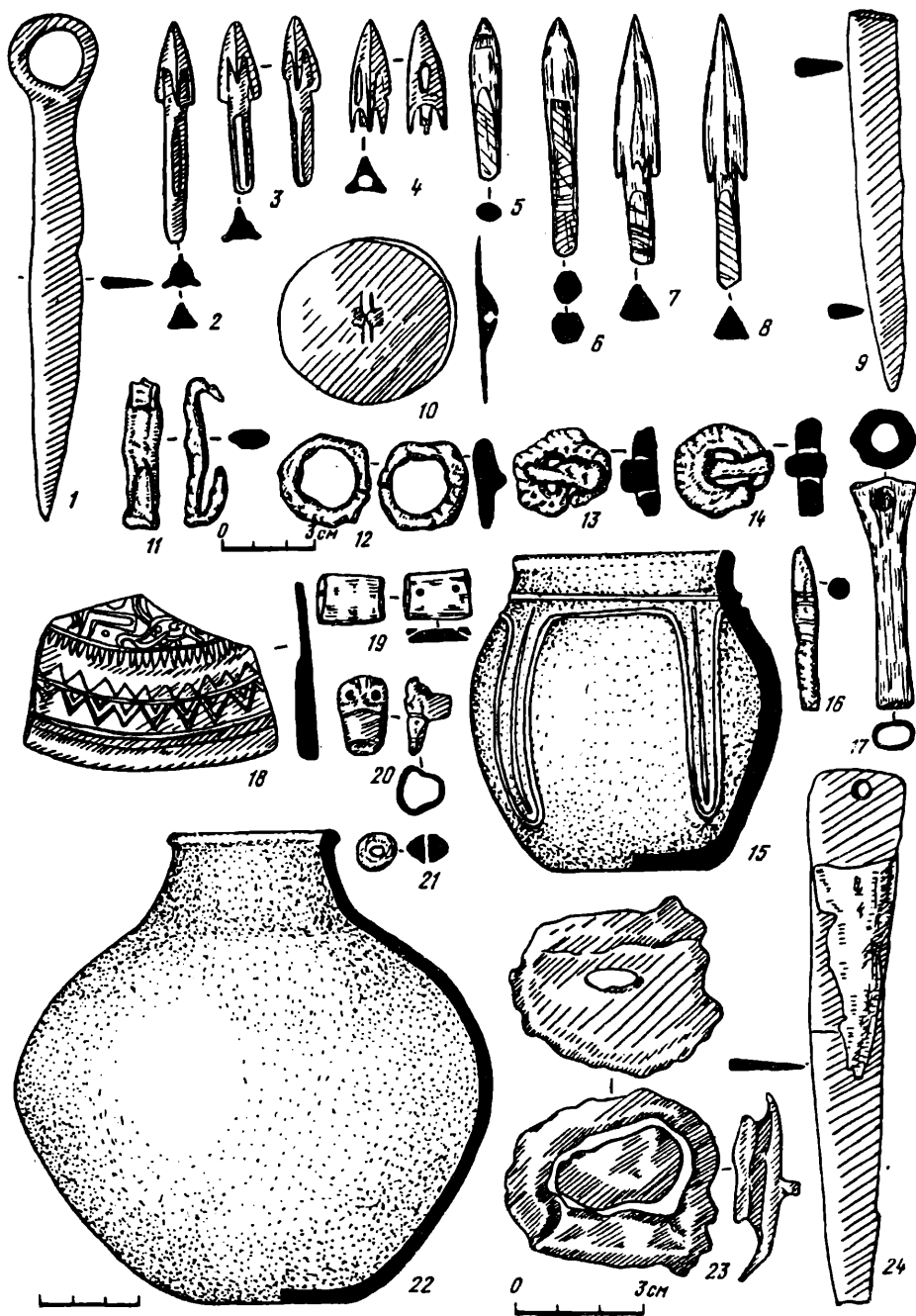

Рис. 2. Погребальный инвентарь кургана 2 на могильнике Торгалык I (1—17) и кургана 3 на Торгалыке II (18—24)

1—4, 9, 10, 20, 23, 24 — бронза; 18 — белый металл; 11—14, 16 — железо; 5—8, 17 — кость; 19, 21 — камень; 15, 22 — керамика

Погребение 5 впускное в юго-восточную полу кургана, гуннского времени. Погребенный ориентирован головой на северо-восток. Погребение совершено в грунтовой яме овальной формы, сверху заложено камнями. Размеры ямы 2,3×0,75×0,75 м. На глубине 40 см выявлены остатки деревянного перекрытия в виде тонких планок, в заполнении встречаются угли. В головах погребенного с левой стороны обнаружены остатки металлического предмета и фрагмент керамики, в ногах — рукоятка шила или игольник из трубчатой кости (рис. 2, 17), у правого плеча на обломках керамического сосуда — тазовые кости и бедро барана. У подбородка найдено железное кольцо (рис. 2, 12), под челюстью — железная застежка (рис. 2, 10, 11), слева у поясничного отдела позвоночника — железная пряжка (рис. 2, 13), другая пряжка — у тазовых костей (рис. 2, 14). Ноги погребенного вытянуты, руки сложены в районе таза вместе. Фаланги ног отмечены около черепа. Погребенный — мужчина от 40 до 50 лет.

Погребение 6 — трапециевидный каменный ящик, впущенный в материк. Размеры ящика 60×30 см, глубина 35 см, ориентирован на северо-восток. Сверху на плитах ящика лежала одна плита перекрытия. Пространство между стенками ящика и могильной ямой забутовано камнями. В ящике найдены длинные кости ног и фрагменты черепа. Кости были перемешаны и растащены. Погребение детское. Инвентаря нет.

Погребение 7 (рис. 1, 1) совершено в каменном ящике трапециевидной формы, впущенном в материк, глубиной 60 см, шириной 87 см и длиной 110 см. Погребение не потревожено. Ящик был перекрыт одной массивной плитой. Костяк лежал на левом боку головой на северо-запад. Ноги согнуты. У черепа перед лицом находился бронзовый кольчатый нож (рис. 2, 1), в 10 см от него деревянный сосуд с бронзовыми заклепками в виде украшения по краю. В правом заднем углу ящика найдены череп и кости собаки. В заполнении могилы встречено 6 черепов сусликов, которые перемешали кости стопы и рук погребенного и разнесли наконечники стрел, которых там же в заполнении было обнаружено 7 экз. — четыре костяные (рис. 2, 5, 8) и три бронзовые (рис. 2, 2, 4). Две костяные стрелы пулевидной формы и две трехгранные с плоским черешком. На черешках прослеживаются надрезы для обмотки. Все бронзовые наконечники трехгранной формы — один втульчатый (рис. 2, 4) и два черешковых. На всех бронзовых наконечниках сохранились остатки древков стрел с обмоткой. Погребение мужское.

Погребение 8 — неглубокая ямка, около 25 см глубиной и 70 см в диаметре. В заполнении ее встречено несколько камней и фрагмент детского черепа. Инвентаря нет.

Погребение 9 (рис. 1, 2) — в южной поле кургана. На уровне древней дневной поверхности находилось кострище, под которым располагалась яма, заполненная камнями. Под камнями на глубине 40 см от древнего уровня сохранилось деревянное перекрытие из плах шириной до 20 см. В заполнении встречены крупные угли и кости человека. Погребенный лежит на левом боку, с подогнутыми ногами, головой на северо-запад, лицом на запад. У пояса находился бронзовый нож без навершия (рис. 2, 9). Вдоль стенок ямы прослеживаются остатки плах (деревянная труха). Под костяком проходит сусловина, в нее провалилась часть скелета, одна лопатка и тазовая кость оказались у черепа. Погребение женское, характерное для данного типа памятников.

В группе Торгалык II к гунно-сарматскому времени относится курган № 3, расположенный в конце цепочки разновременных погребальных сооружений, вытянутых в направлении запад — восток. Это большой курган со значительным просадом в центре. Диаметр кургана составляет

29—30 м, западина имеет размеры 2,5×2 м. Высота насыпи небольшая, около 1,0 м. Крепида кургана сложена частью из булыжника, частью из плоских больших плит, с восточной стороны прослеживаются следы грабительского хода. С северной стороны в насыпи, между оградой и валиком выброса, при разборке развала сооружения были обнаружены предметы жертвенно-поминального комплекса: обломок зеркала TLV-типа из белой бронзы (первоначальный диаметр зеркала 15 см — рис. 2, 18), деталь бронзового котла (рис. 2, 23) и глиняный узкогорлый сосуд (рис. 2, 22). Зеркала типа TLV датируются временем начала Западной Хаңь или I в. н. э.³ Основное захоронение в кургане неоднократно разрушалось грабителями. На дне ямы глубиной 2 м и размером 2,5×2,5 м не сохранилось ни одной кости погребенных, не найдено также было здесь и керамики. Из сопроводительного инвентаря после ограбления остались однодырчатый бронзовый нож (рис. 2, 24), наконечник для ремня со стилизованной мордой зверя (рис. 2, 20), лазуритовая бусина (рис. 2, 19), бисер. Датировка этих вещей затруднительна. Судя по наличию зооморфного наконечника ремня в погребении, который можно датировать II—I вв. до н. э.⁴, и обломку зеркала TLV-типа в поминальном комплексе, весь курган может быть отнесен к рубежу I в. н. э.

В результате раскопок в долине р. Торгалык был выявлен первый курган алды-бельского типа на левобережье Улуг-Хема. Ранее подобные памятники оставались известными лишь на его правой стороне (могильники Алды-Бель, Куйлуг-Хем, Ангор-Хову, Сарыг-Булун) и в долине р. Хемчик (Хемчик-Бом I—V, Усть-Хадынныг). В кургане 2 на Торгалыке I к алды-бельским можно отнести три погребения взрослых и как минимум два или три детских. Это те детские погребения, которые впущены с древней дневной поверхности, — №3, 6 и 8. Одно из них — погребение 3 расположено в кольце крепиды, что находит аналогии и в других подобных памятниках, в частности в кургане I могильника Сарыг-Булун на р. Баян-Кол, где совпадает и число взрослых могил — центральное, коллективное захоронение, где найдены кости как минимум трех человек, и два боковых — мужское, так же как и на Торгалыке в каменном ящике, и женское, перекрытое деревянными плахами и булыжником. Здесь можно говорить о какой-то норме погребального обряда, хотя в ряде случаев она не обязательна, и центральное захоронение сопровождается не двумя (мужским и женским), а большим или меньшим количеством погребенных (детские не учитываются).

Время создания алды-бельского кургана на Торгалыке можно отнести к VII—VI вв. до н. э. Этому не противоречат кольчатый нож, бронзовые трехгранные с длинным черешком наконечники стрел, а также костяные трехгранные с плоским черешком наконечники, аналогии которым мы находим в других алды-бельских памятниках (Хемчик-Бом V, Куйлуг-Хем и др.), а также в могильнике Уйгарак⁵.

Бронзовое зеркало с разомкнутой петелькой, найденное под погребением 1, возможно, также происходит из центрального алды-бельского ящика. Аналогии таким зеркалам (именно с разомкнутой петлей, если это не литейный дефект) есть в раннетагарских, баиновских комплексах⁶.

В настоящее время ареал алды-бельских памятников покрывает Центрально-Тувинскую и Хемчикские котловины, а также верхнюю часть Саянского каньона Енисея. Вероятно, часть этих памятников сосуществует с погребениями в цистах, на горизонте, а затем с погребениями в низких (1—2 венца) срубках без керамики. Хронологические рамки погребений алды-бельского типа определяются в пределах VII—V вв. до н. э.

- ¹ Семенов Вл. А. Работы в Туве//АО 1984. М., 1986. С. 200.
- ² Грач А. Д. Археологические раскопки в Сут-Холе и Бай-Тайге: (Из материалов полевого сезона 1959 г.)//ТТКЭАН. М.; Л., 1966. Т. 2; Мандельштам А. М. Новые данные о могильниках Бай-Даг II и III//АО 1967. М., 1968. С. 169.
- ³ Лубо-Лесниченко Е. И. Привозные зеркала Минусинской котловины. М., 1975. С. 39, рис. 6.
- ⁴ Дзвлет М. А. Сибирские поясные ажурные пластины II в. до н. э.— I в. н. э. М., 1980. С. 14.
- ⁵ Грач А. Д. Древние кочевники в центре Азии. М., 1980. С. 127, 130, 250; Кызласов Л. Р. Древняя Тува. М., 1979. С. 48, 49; Вишневецкая О. А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII—V вв. до н. э. М., 1973. С. 120—127.
- ⁶ Грязнов М. П. Тагарская культура//История Сибири. Л., 1968. С. 193, рис. 108.

КАВКАЗ

К. Х. Кушнарёва

ЕЩЕ РАЗ О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ
ТРИАЛЕТСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Ни одна археологическая культура Закавказья не привлекала к себе столь пристального внимания, как триалетская; ее различные аспекты уже более четырех десятилетий изучаются советскими и зарубежными исследователями. Открытие Б. А. Куфтиным в конце 30-х годов в Триалети (Южная Грузия) серии курганов, перекрывавших обставленные с варварским великолепием грандиозные грунтовые камеры и погребальные залы, явилось подлинной сенсацией¹. В дальнейшем аналогичные памятники были исследованы как самим Б. А. Куфтиным, так и его последователями. В 1948 г. исследовано такое же богатое погребение в Кировакане (Северная Армения)². Позднее курганы со сложными конструкциями и огромными наземными залами успешно раскапывались на соседнем с Цалкинским плато — в Зуртакети³. Наконец, несколько могильников того же облика было изучено в Месхет-Джавахеети⁴. Эти сходные между собой опорные комплексы дали выразительные материалы для вычленения конкретных признаков так называемой триалетской культуры (в дальнейшем — ТК), позволили поставить вопросы генезиса, хронологии, периодизации, а также многосторонних связей ее носителей. Намечены были и основные границы распространения ТК в пределах Южной Грузии и Северной Армении с радиацией в районы верхнего течения р. Алазань и предгорную зону Шида Картли. Однако открытие в более удаленных (особенно южных) районах Закавказья не столь выразительные комплексы и находки с единичными признаками ТК почти не привлекались при решении вопроса о ее границах. Предпринятая недавно попытка выделения локальных вариантов ТК⁵ не заполнила образовавшегося пробела, ибо для этого было необходимо учесть весь доступный материал, разрозненный по отдельным публикациям и музейным коллекциям. Ведущими признаками ТК, выявленными по материалам богатых погребений, являются крупные курганные насыпи, огромные грунтовые могилы или наземные залы, индивидуальные захоронения, обряд кремации, колесницы и погребальные ложа, чернолощенные и расписные сосуды (в том числе крупные, так называемые гидрии и чаши), бронзовое оружие, золотые и серебряные сосуды, изысканные ювелирные изделия.

В последние годы в связи с подготовкой к изданию 4-го тома «Археологии СССР. (Бронзовый век Кавказа и Средней Азии)» нами были проработаны все имеющиеся по средней бронзе Закавказья материалы и на основании этого выделено несколько родственных культур, бытовавших в рассматриваемый период⁶; среди них ТК остается наиболее яркой и своеобразной. В основе этих обобщений лежали не только хорошо известные комплексы, но и впервые собранные по крупицам из разрозненных публикаций и неопубликованных музейных коллекций материалы. Последние, будучи сведенными воедино и сопоставленными с опорными памятниками Закавказья, с одной стороны, а также с появившимися за последнее десятилетие новыми данными по археологии

Кавказа и сопредельных с ним областей — с другой, побуждают вновь вернуться к некоторым аспектам ТК.

Среди проработанных материалов сразу же выделилась группа идентичных или близких по форме и стилю украшений крупных расписных сосудов и округлых чаш или мисок, которые прекрасно сопоставлялись с «гидриями», чашами и мисками таких хрестоматийных комплексов ТК, как Триалети, Зуртакети, Кировакан, Месхети и др. Они обнаружены преимущественно на территории современной Армении, частично Азербайджана и Турции и происходят обычно из разрушенных и лишь доследованных погребений либо, будучи найденными случайно, фиксируют лишь пункт обнаружения. Остановимся кратко на этих находках.

Армения*. 1. Лори Берд⁷. Могильник рядом с поселением. Могила № 6. Обширная камера из крупных камней с ложным сводом; сверху плиты. Погребение нарушено. Обряд кремации. Жертвенные лошади. находки: бронзовые котлы и крюк для доставания мяса, расписные «гидрии» (рис. 1, 7, 9), крупные чернолощенные сосуды с накольно-ленточным орнаментом, многоручные «пифосы» с наклепными «пуговками». 2. Эчмиадзин⁸. Могильник. Раскопано несколько погребений. Просторные грунтовые камеры. Обряд кремации. находки: бронзовые кинжалы и бронзовые части деревянных ножен, кольца, сердоликовые бусы, обсидиановые и кремневые наконечники стрел, расписные «гидрии» и чаши (рис. 2, 16). Возможно, из этого же могильника происходит крупный расписной высокогорлый кувшин с округлым туловом (рис. 3, 1). 3. Айгешат. Курганный могильник. Доследовано 8 погребений. Под насыпями из камней небольшие каменные ящики, окруженные кромлехом. Захоронения одиночные, скорченные, на правом и левом боку. находки: сердоликовые бусы, чернолощенные «гидрии», кувшины с высоким горлом, глубокие миски; сосуды украшены накольно-ленточным орнаментом. 4. Агджакала. Доследованное погребение. Небольшая насыпь из камней перекрывала каменный ящик, окруженный кромлехом. Захоронение одиночное. Из находок сохранилась лишь крупная чернолощенная «гидрия» со сложным накольчато-ленточным узором (рис. 2, 5). 5. Агавнатун. Случайные находки: серия расписных сосудов, среди которых находилась крупная «гидрия» (рис. 3, 5). 6. Элар⁹. Доследованные грунтовые погребения. находки: кинжалы, расписные горшки, «гидрии», миски и так называемые киафы (рис. 4, 1—14). 7. Воскеваз¹⁰. Могильник. В одной из просторных грунтовых могил зафиксирован обряд кремации. находки: бронзовый кинжал и около 40 сосудов, среди которых крупные расписные «гидрии», глубокие миски и киафы (рис. 4, 25—29). 8. Аруч. Курганный могильник. Исследовано несколько курганов. Под каменно-земляными насыпями в туфе выдолблены могилы с дромосом, окруженные кромлехом. В кургане № 1: обряд кремации, жертвенный бык. находки: бронзовый котел, булавка с золотым навершием, золотые и сердоликовые бусы, обсидиановые стрелы, 45 расписных и чернолощенных сосудов, в том числе крупные «гидрии» (рис. 2, 6, 7, 13)¹¹. 9. Мугни. Случайные находки. Расписные «гидрия» и глубокая миска (рис. 2, 9; 3, 11, 12). 10. Аванское шоссе. Доследованное грунтовое погребение. Обряд кремации, жертвенный баран. находки: кинжальные клинки, расписные «гидрии» и глубокие миски (рис. 4, 15—24). 11. Кармир-Берд¹². Могильник. В одном из погребений крупная расписная «гидрия» и глубокая миска. 12. Гарни¹³. Доследованные грунтовые погребения; шурфы на поселении. находки: расписные «гидрии», расписные и чернолощенные миски (рис. 3, 14, 16). 13. Личк. Случайные находки: расписные и чернолощенные «гидрии» (рис. 3, 6—8).

* В сборах материалов большую помощь оказали ныне покойные А. Израелян и Р. Торосян; приношу благодарность Г. Е. Арешяну за разрешение публикации сосудов из Аруча.

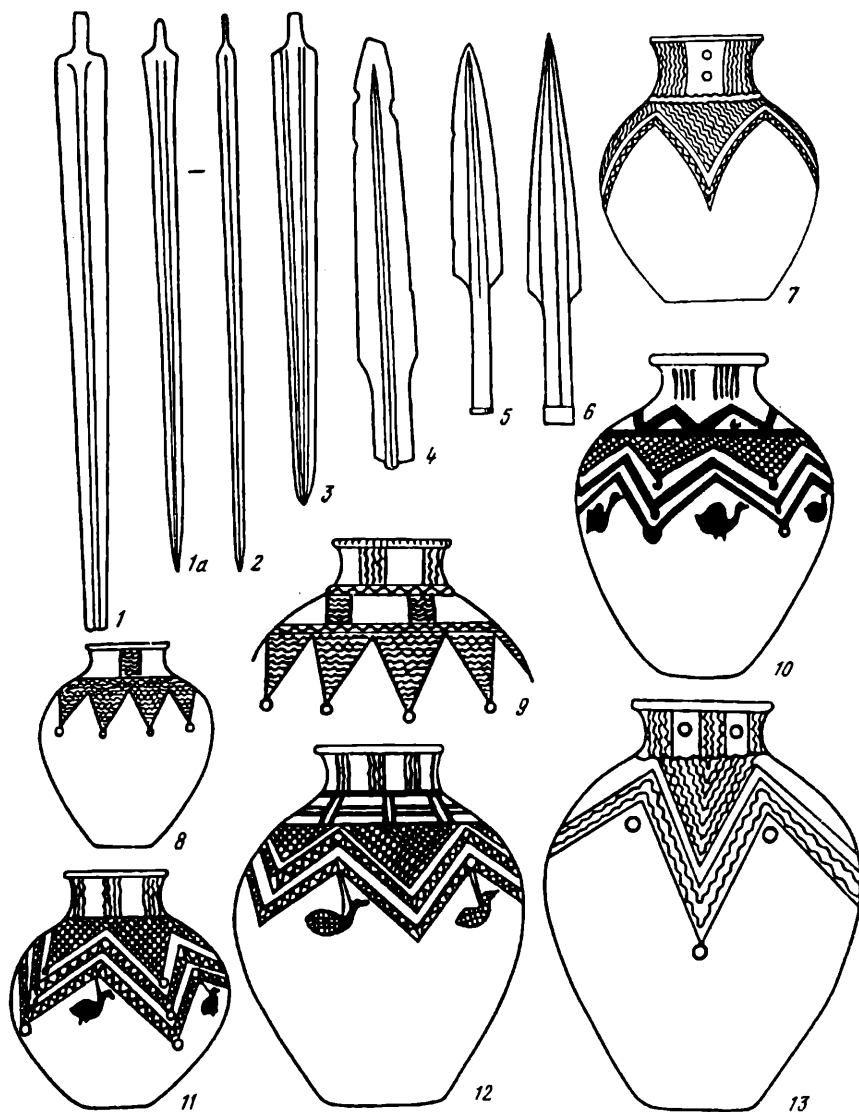

Рис. 1. Бронзовые изделия и расписные сосуды из различных пунктов Закавказья (1—9) и Анатолии (10—12)

1 — Вороннаберд; 1а — Качаган; 2 — ДзораГЭС; 3 — Ангехаког; 4 — Кировакан; 5, 8, 13 — Месхети; 7 — Кировакан; 9 — Лори Берд; 10—12 — район оз. Ван

Кирги ¹⁴. Доследованное грунтовое погребение. Обряд кремации, жертвенные быки. Находки: бронзовый кинжал, крупные расписные и чернолощеные «гидрии» (рис. 2, 12, 17). 15. Навур ¹⁵. Случайные находки. Два бронзовых секирообразных топора асимметричной формы. 16. Иджеван ¹⁶. Случайная находка: миниатюрная бронзовая секирка. 17. Нижний Геташен ¹⁷. Случайная находка: крупная красноангобированная «гидрия», расписанная «звериным гонном» (рис. 3, 15). 18. Камо. Случайная находка: крупная расписная «гидрия»

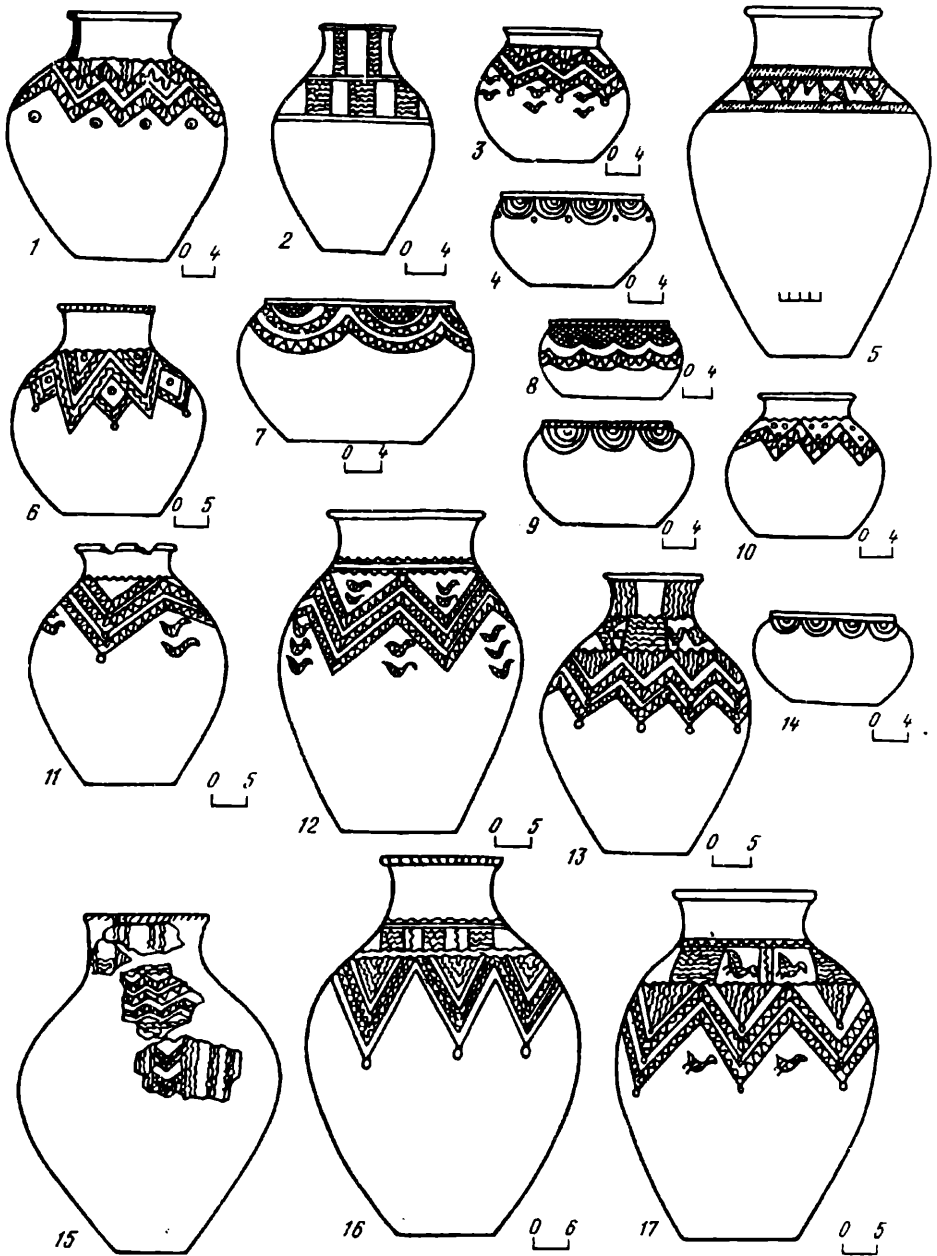

Рис. 2. Расписные сосуды из различных пунктов Армении (1—3, 5—7, 11—13, 15—17) и Азербайджана (4, 8)

1 — Сисиан; 2 — Малый Паргет; 3 — Сюни Берд; 4, 8 — Астапат; 5 — Агджакала; 6, 7, 13 — Аруч; 9 — Мугни; 10, 16 — Эчмиадзин; 11 — Камактар; 12, 17 — Кирги; 15 — Ахлатян

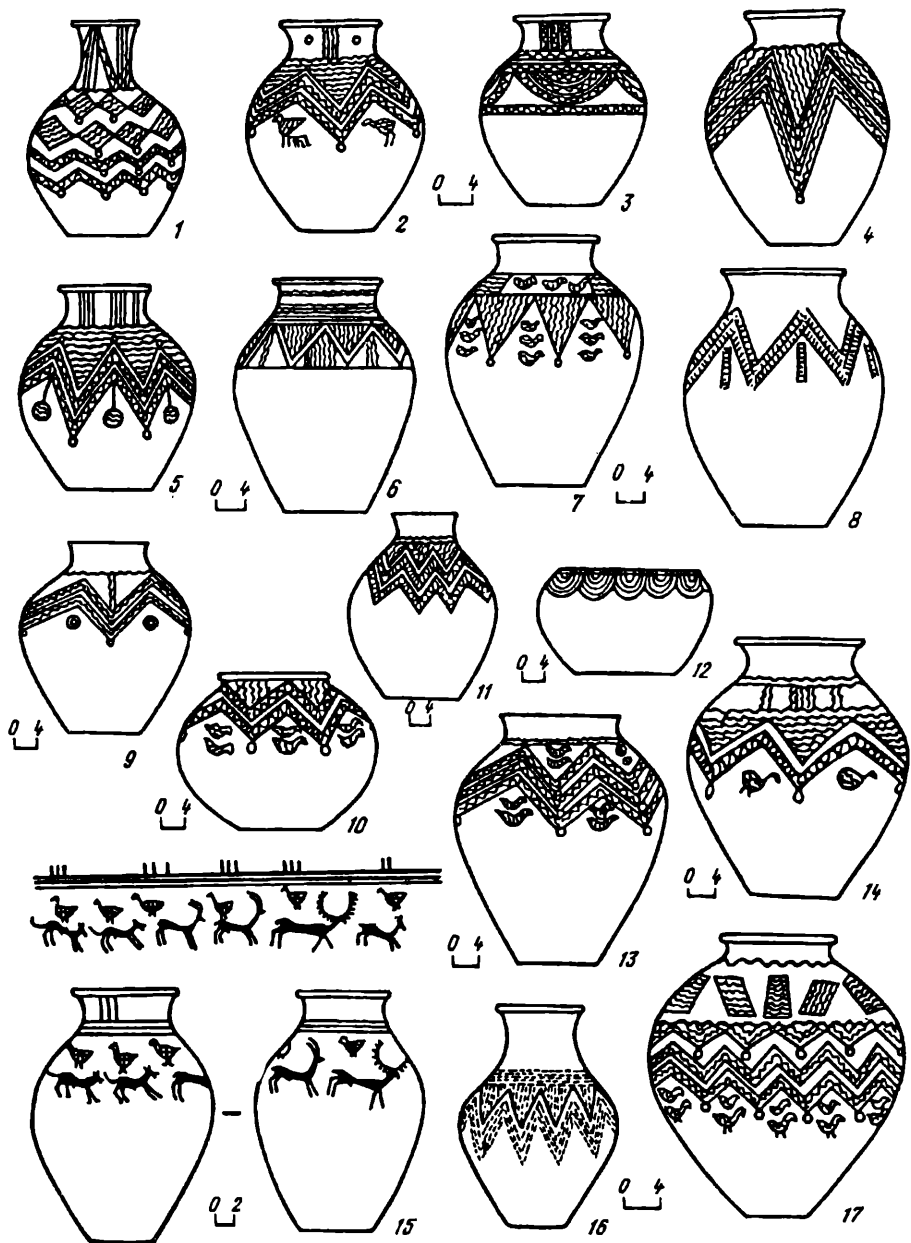

Рис. 3. Расписные сосуды из различных пунктов Армении (1—16) и Азербайджана (17)
 1—Эчмиадзин; 2—4—Амасия; 5—Агавнатун; 6—8—Личк; 9, 10—Сисиан; 11, 12—Мугни;
 13—Камо; 14, 16—Гарни; 15—Верин Геташен; 17—Зурнабад

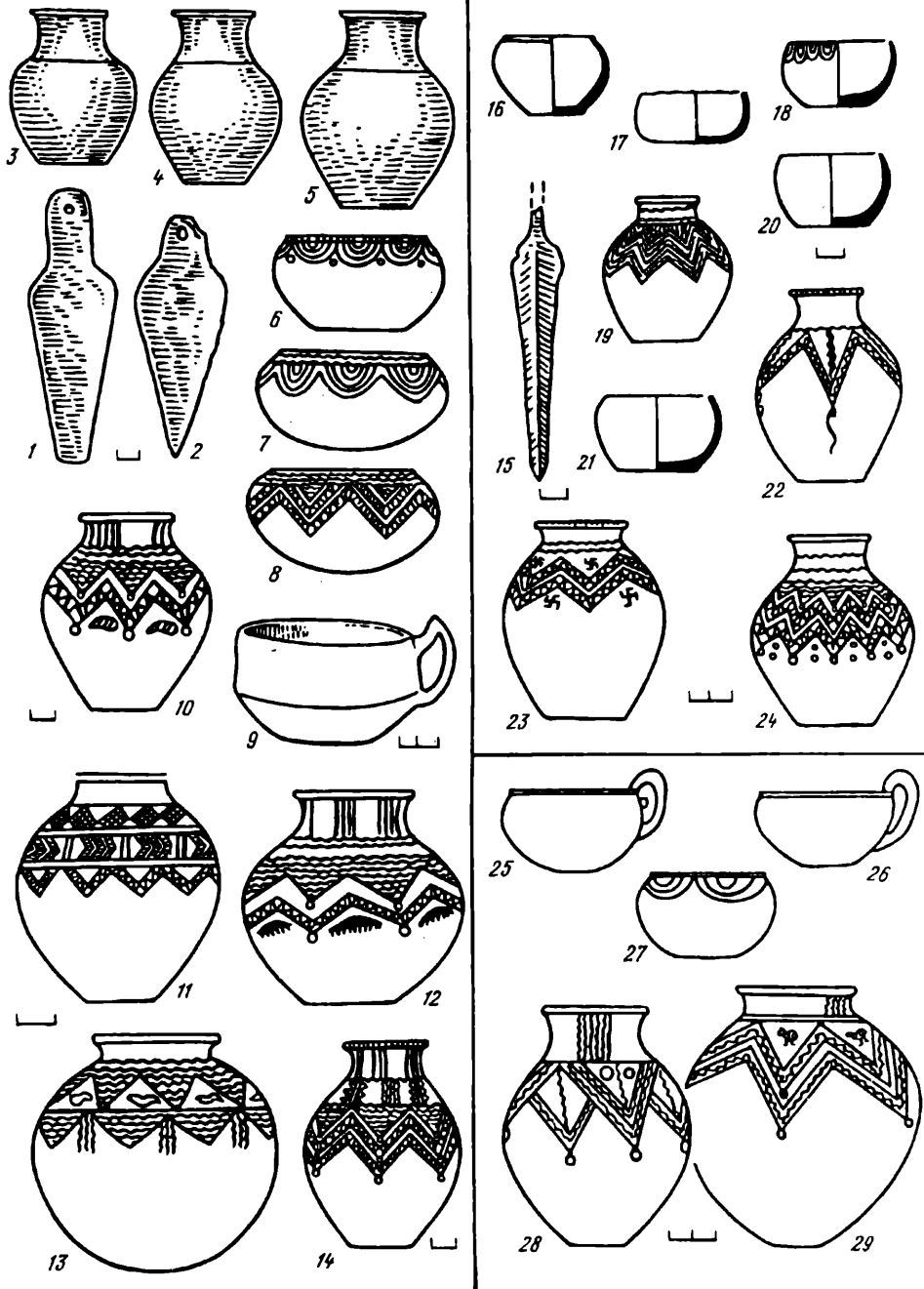

Рис. 4. Материалы из могильников Араратской долины
 1—14 — Элар; 15—24 — Аванское шоссе; 25—29 — Воскеваз

(рис. 3, 13). 19. Ахлатян. Случайная находка: крупная красноангобированная расписная «гидрия» (рис. 2, 15). 20. Сюни Берд (в г. Сисиане). Случайная находка: два расписных красноангобированных кувшина (рис. 2, 3). 21. Воротнаберд. Случайная находка: бронзовая рапира (рис. 1, 1). 22. Ангехакот. Случайная находка: бронзовая рапира (рис. 1, 3). 23. Амасия. Разрушенное погребение. Находки: три крупные расписные «гидрии» (рис. 3, 2—4). 24. Камакатар. Случайная находка: крупная расписная «гидрия» (рис. 2, 11). 25. ДзораГЭС¹⁸. Случайная находка: бронзовая рапира (рис. 1, 2), золотые и серебряные пластины, украшенные тиснением. 26. Качаган¹⁹. Доследованное подкурганное погребение. Находки: бронзовая рапира (рис. 1, 1a).

Азербайджан. 27. Зурнабад. Доследованное подкурганное погребение. Находки: три крупные расписные «гидрии» (рис. 3, 17), обсидиановая стрелка, бронзовая булава²⁰. 28. Азнабюрд²¹ (НахАО). Курганный могильник с небольшими земляными и каменными насыпями. Доследованное подкурганное грунтовое погребение с деревянным перекрытием. Находки: расписные горшки и «гидрии» (рис. 5, 3), чернолощенные и кухонные сосуды, втульчатый наконечник копья, бронзовый кинжал, булавы, подвески. 29. Шортапа (НахАО). Доследованное погребение. Находки: небольшие красноангобированные расписные сосуды (рис. 5, 9). 30. Нахаджир (НахАО). Случайная находка: расписной сосуд с изображением человека и животного (рис. 5, 4). 31. Астапат (НахАО). Случайные находки: красноангобированные расписные горшки и миски (рис. 5, 2).

Находки на территории правобережья р. Аракс. 32. Малый Паргет²² (Карская обл.). Курганный могильник. Находки: крупная расписная «гидрия» (рис. 2, 2) и фрагменты чернолощенных сосудов с накольчато-ленточным орнаментом. 33. Район оз. Ван²³. Случайная находка: две расписные «гидрии» (рис. 1, 10, 11). 34. Предположительно из района оз. Ван²⁴. Случайная находка: крупная расписная «гидрия» (рис. 1, 12).

Как видно из описания, подавляющее число находок представлено сосудами. Среди них преобладают расписные монохромные (по красному фону черная краска). Это либо крупные вытянутые или округленные «гидрии», расписанные «схемой воды» (варианты спускающихся треугольников, заполненных волнистыми линиями) в сочетании с фигурами птиц, астральных и свастических знаков (в единичных случаях животных, рыб, змей) и глубокие сферические миски или чаши, окаймленные гирляндами вписанных друг в друга полукружий. Среди них встречаются чернолощенные «гидрии» и чаши с близким по стилю орнаментом, выполненным резным, накольчато-ленточным способом и гребенчатым штампом. Таким образом, как по форме, так и по способу нанесения и стилю украшений эти сосуды прекрасно сопоставляются с расписной и чернолощенной керамикой триалетских курганов (№ I, II, VII, XV, XVIII, XXX, XLII; Сабитахча № 5, Топ-Кар № 1, 2), единодушно отнесенных как отечественными, так и зарубежными исследователями к третьей (самой поздней) группе погребений периода средней бронзы (Middle Bronze Age III) Триалети. Из полноценных закрытых комплексов этим же временем датируются богатые погребения Кировакана, Зуртакети и Месхети (№ 3, 8, 9 и др.), где найдены идентичные с триалетскими сосуды, предметы вооружения и ювелирные изделия.

Развиваясь на базе внутренних экономических ресурсов и широких внешних связей, ТК в определенный период достигает своего апогея. Последнее побудило Б. А. Куфтина назвать этот период «цветущей порой» ТК. После открытия Кироваканского кургана заключительный этап «цветущей поры» иногда именуют «кировакано-триалетским».

К датировке курганов Триалети обращались многие исследователи. Время их бытования суммарно определялось в пределах 2000—1450 гг. до н. э.²⁵,

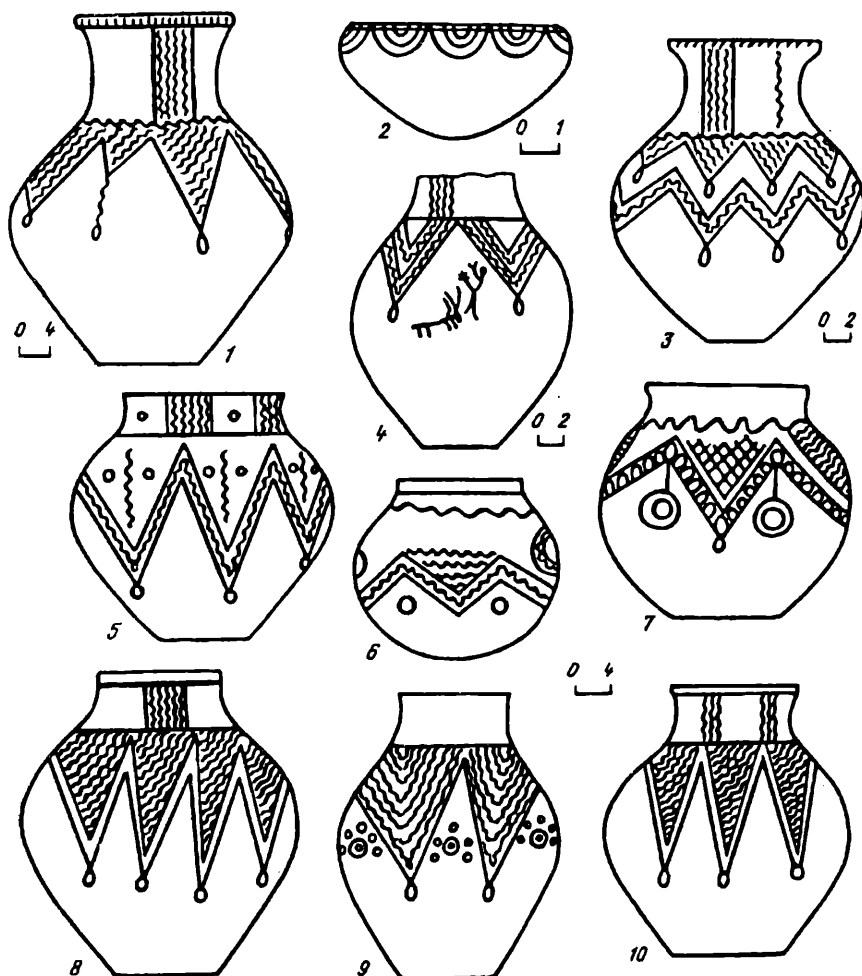

Рис. 5. Расписные сосуды из различных пунктов Нахичевани

1, 5—8, 10—13 — происхождение неизвестно; 2 — Астапат; 3 — Азнабурд; 4 — Нахаджир; 9 — Шоргапа

хотя нижнюю границу С. Пиггот углубил до 2400—2300 гг. до н. э., а верхнюю К. Шеффер первоначально отнес к началу позднебронзового века — 1300—1100 гг. до н. э. (Late Bronze Age I).

В связи с публикуемыми разрозненными находками обширного региона, впервые собранными нами воедино, коснемся подробнее последнего («кировкакано-триалетского») этапа бытования ТК, который они характеризуют. При этом следует оговориться, что стратифицированных поселений с опорными датами C^{14} либо четко датированными по аналогиям изделиями в кавказских комплексах периода средней бронзы до недавнего времени фактически не было; к сожалению, и сейчас их еще слишком мало.

Обосновывая хронологию добытого материала, Б. А. Куфтин сопоставил его с памятниками Переднего Востока (Месопотамия, Иран, Анатолия). Наиболее существенным в этом плане оказался бронзовый наконечник копья с

серебряной обоймой из Триалетского кургана XV (рис. 1, б)²⁶, найденный вместе с красноангобированными расписными и чернолощенными «гидриями» и чашами; впоследствии такие наконечники копий были обнаружены в богатых погребениях Кировакана и Месхети (рис. 1, 4, 5)²⁷. Аналоги триалетскому копыю Б. А. Куфтин нашел в Рас Шамре (некрополь 2-го слоя), в Микенах (поселения среднеминойского периода, шахтовая гробница IV) и Трое VI. На основании этих сопоставлений позднюю группу курганов он датировал серединой II тысячелетия до н. э. Эту дату полностью приняли такие исследователи, как Е. Миннс и Н. Филд²⁸. Сопоставляя то же копые с оружием Рас Шамры, Кефалари и некоторых других комплексов, К. Шеффер впоследствии датировал позднюю группу триалетских курганов в пределах 1550—1400 гг. до н. э.²⁹

Большое внимание периодизации и хронологии памятников ТК уделили в своих фундаментальных работах О. М. Джапаридзе, А. А. Мартиросян, Э. М. Гогодзе. Подробно остановившись на анализе Кироваканского кургана и других синхронных с ним комплексов и случайных находках, А. А. Мартиросян обратил особое внимание на своеобразные рапиры эгейского происхождения, известные в нескольких пунктах Закавказья (Качаган, Дзора ГЭС — рис. 1, 1а—2, Самтавро)³⁰. Позднее прекрасный экземпляр такой рапиры был обнаружен в кургане Лило³¹; аналогичное оружие случайно найдено в селениях Ангехакот и Воротнаберд в Армении (рис. 1, 1, 3). Они изготавливались в среднеминойский период III (1800—1580 гг. до н. э.). Такое оружие широко экспортировалось в период его наиболее интенсивной фабрикации, что позволило датировать памятники позднего этапа ТК XVI—XV вв. до н. э.

В своих хронологических схемах О. М. Джапаридзе и Э. М. Гогодзе опирались не только на металлические изделия, но и на скрупулезный анализ керамики, рассмотренной в ее эволюционном развитии внутри самой ТК и во взаимосвязи как с предшествующими, так и с последующими культурами Кавказа. Курганы поздней группы ТК датированы ими XVII—XV вв. до н. э.

В последнее десятилетие появились новые данные, косвенно обосновывающие хронологическую позицию поздней группы триалетских погребений. Они происходят из стратифицированных поселений Закавказья и сопредельных территорий и имеют единичные даты, подкрепленные радиоуглеродным анализом. Так, миниатюрная золотая чаша из триалетского кургана VII³², а также знаменитая чаша со львами из Кировакана³³ прекрасно сопоставляются с глиняными чашами на поддоне из среднего слоя поселения Узерликтепе в Азербайджане, датированном методом C¹⁴ временем 1340 ± 260 гг. до н. э.³⁴, а с учетом корректировки в лаборатории MASCA — 1560 ± 260 гг. до н. э.³⁵

Еще одна линия сопоставлений расписной посуды кировакано-триалетского этапа возникла в связи с открытием новых поселений приурумийских районов Ирана, датировка которых базируется на радиоуглеродном методе. Это вызывает особый интерес, так как на промежуточной территории НахАО известна серия случайно найденных расписных сосудов идентичных (или близких) триалетским (рис. 5). К. Рабинсон находит сходство между расписной красноангобированной посудой поздних триалетских курганов и сосудов из слоя VI В поселения Хафтавантепе³⁶. В этом же слое, по ее сообщению, встречается расписная керамика, элементы орнамента которой точно повторяют украшения на светлоангобированных «гидриях» из курганов Триалети³⁷, предшествующих самым поздним погребениям (Middle Bronze Age I). Таким образом, приведенные сопоставления некоторых керамических изделий позволяют в какой-то мере использовать ирано-азербайджанские даты C¹⁴ в процессе уточнения датировки поздних курганов ТК³⁸.

В Хафтавантепе VI В также встречена полихромная посуда, аналогичная найденной в слое Динкатепе IV, занимающем промежуточное положение

между Хасанлу VI и V. Радиоуглеродные даты периода Хасанлу VI на Динкатепе распределяются в пределах 2106—1684 гг. до н. э.³⁹. Следовательно, однотипная полихромная керамика из Динка IV и Хафтаван VI В должна быть отнесена к последующему за 1684 г. до н. э. времени. Отсюда следует, что начало позднего этапа ТК на основании керамических параллелей с памятниками приурмийского района может быть отнесено к периоду до 1600 г. до н. э. (но после времени бытования второй хронологической курганной группы, которое, скорее всего, завершилось около 1700 г. до н. э.).

Расписные сосуды Динкатепе предшествуют слою Хасанлу V. Слои IV Динка имеет несколько откорректированных дат, относящихся приблизительно к 1500 г. до н. э. Таким образом, полихромная посуда Динка IV не могла существовать позднее этого времени. При учете указанного сходства эта дата косвенно фиксирует время бытования поздних триалетских курганов с монохромной расписной посудой и полихромной керамикой в Динка (поскольку совмещение этих сосудов зафиксировано находками в Хафтаван VI В).

В последнее время внимание специалистов было снова обращено на связи Закавказья с эгейским миром. После находки триалетского копья аналогичное оружие было обнаружено еще в трех погребальных комплексах (Кировакан, Месхети, Азнабюрд). Напомним, что копьё из кургана XV Триалети было в свое время сопоставлено с находкой в шахтовой гробнице IV в Микенах; ее дата вновь стала предметом обсуждения; одни помещают ее между 1550—1500 гг. до н. э.⁴⁰, другие — в рамках 1600—1450 гг. до н. э.⁴¹. Однако все единодушно полагают, что время последней фазы ТК должно обосновываться датой именно этого комплекса. Втульчатый наконечник копья также найден в камере погребения Ялиса; он значительно крупнее триалетского, но однотипен с ним и датируется приблизительно XV в. до н. э.⁴². Еще один экземпляр того же времени, напоминающий предыдущий, происходит из Просимны⁴³. Перечисленные находки еще раз подтверждают время бытования закавказских втульчатых копий поздней фазы ТК.

Исходя из этих сопоставлений и дат C¹⁴ стратифицированных поселений соседних приурмийских районов, поздний, «кировкакано-триалетский» этап ТК должен датироваться в пределах 1650—1450 гг. до н. э. (при допущении, что он мог начаться и несколько раньше). Сказанное подтверждает обоснованность дат, принятых ранее. Таким образом, учитывая однородность публикуемых нами материалов, их следует датировать XVII—XV вв. до н. э.

Столь многочисленные и выразительные образцы посуды, несмотря на то что часть из них найдена случайно, иногда даже вне комплексов, обязывают еще раз обратиться к вопросу о границах ТК в последний период ее развития. Как было сказано, недавняя попытка выявить локальные варианты ТК и очертить границы последней, несмотря на ее плодотворность, не дала четкого ответа на второй из поставленных вопросов⁴⁴. Во-первых, потому, что были учтены далеко не все имеющиеся материалы, во-вторых, границы ТК рассматривались суммарно, а не во времени, тогда как на протяжении пяти столетий ее существования они, бесспорно, менялись. Сейчас можно говорить о том, что в XVII—XV вв. до н. э. ТК охватывала большую часть Закавказья, на затрагивая лишь его западные и восточные районы, тяготеющие к Черному и Каспийскому морям. Особо следует отметить не учитывающуюся ранее концентрацию памятников этого этапа на территории Армении, и в частности в Араратской долине. Следует обратить внимание и на то обстоятельство, что в Триалети, Кировакане, Месхети крупные расписные и чернолощенные «гидрии» и сопутствующие им чаши характеризуют исключительно богатые захоронения вождей; это особенно четко прослеживается по месхетским курганам, где в

погребениях среднего и низкого уровня крупная расписная посуда полностью отсутствует, чернолощенная же имеет небольшие и малые размеры.

Судя по «нарядности» и крупным размерам собранных нами сосудов, большинство из них происходит из богатых захоронений. Там, где сохранились комплексы, это подтверждается достаточно убедительно. Так, в кургане № 1 Аручского могильника в туфовой камере с дромосом находился прах кремнированного покойника, принесенные в жертву быки, металлические изысканные вещи и 45 крупных расписных и чернолощенных сосудов; напомним, что сам обряд кремации говорит о престижной власти покойного при жизни. В Лорибердском погребении № 6 зафиксирована конструкция, близкая богатым месхетским могилам, обряд кремации и типичная позднетриалетская посуда. Факт сооружения в XVII—XV вв. до н. э. погребений племенных вождей в Араратской долине особенно ярко продемонстрировали сенсационные находки 1987 г. на территории некрополя между селениями Арзни и Карашамб⁴⁵. Здесь в одном, к счастью не разграбленном, кургане находился погребальный зал с остатками кремнированного покойника, принесенными в жертву животными, уникальными золотыми и серебряными произведениями искусства (сосуды, оружие, украшения) и многочисленными сосудами характерного для рассматриваемого времени облика. Убедительно дополняют намечающуюся ситуацию находки на территории Юго-Восточного Закавказья в районе левобережья р. Аракс. Это богатые захоронения в с. Азнабюрд с таким инвентарем, как втульчатое копье, кинжалы, булавки и типичные расписные сосуды (рис. 5, 3), а также сконцентрированные в Нахичеванском музее экземпляры посуды с той же «схемой воды», астральными и солярными знаками (рис. 5). Кстати, эти находки вместе с погребением в Зурнабаде (рис. 3, 17), несмотря на их территориальную оторванность, приблизительно фиксируют восточную границу ТК в XVII—XV вв. до н. э.

Таким образом, факт распространения ТК в XVII—XV вв. до н. э. на большей части Закавказья вплоть до р. Аракс сегодня не вызывает сомнения. Однако вопрос о ее южных границах остается пока открытым, ибо на обширной и малоисследованной территории правобережья р. Аракс известны единичные пункты с находками сосудов, идентичных (или очень близких) позднетриалетским. К таковым относятся расписные и чернолощенные «гидрии» из погребения Малый Паргет в Карской обл. (рис. 2, 2), свидетельствующие о том, что ТК «перешагнула» р. Аракс. Сейчас можно говорить о том, что это крайний юго-западный пункт ее распространения. Судя по случайно найденным расписным «гидриям» того же стиля из музея Вана (рис. 1, 10, 11), эта культура на юге охватывала и районы, тяготеющие к Ванскому озеру. Намеченная в первом приближении по указанным памятникам южная граница ТК вполне вероятна, ибо названные пункты, находящиеся ныне на территории Турции, расположены на близком расстоянии как друг от друга, так и от Араратской равнины. Вызывает некоторое недоумение присутствие крупного расписного сосуда триалетского типа в музее г. Адана (рис. 1, 12), находящегося недалеко от побережья Средиземного моря и территориально несколько оторванного от перечисленных выше пунктов. Присутствие его там может иметь двойное толкование — либо его следует воспринимать как результат расширения связей носителей ТК, сущность которых могла быть поливариантной, либо, что также допустимо, один из сосудов был просто передан в этот музей. На это наводит большое сходство всех трех сосудов, происходящих, возможно, из одного комплекса. Во всяком случае, предполагать, что юго-западная граница ТК доходила до Средиземного моря, у нас нет пока оснований.

Было бы весьма заманчивым на основании сходства упоминавшейся посуды из Хафтаван VI В с триалетской включить приурмийские районы в юго-вос-

точную границу ТК, тем более что эти районы непосредственно примыкают к НахАО, где отмечена концентрация памятников рассматриваемого круга. Однако отсутствие публикаций этих материалов и привлечение их лишь на основании сведений К. Рабинсон заставляют пока воздержаться от подобного вывода.

Таким образом, привлеченные нами материалы значительно заполняют и расширяют ареал распространения памятников ТК XVII—XV вв. до н. э. Охватив большую часть Закавказья, ТК почти подступила к Большому Кавказу на севере и, «перешагнув» через р. Аракс на юге, проникла в районы Карса, Вана и, возможно, Урмии. Любопытно, что эта территория фактически совпадает с областью распространения куро-аракской культуры периода ранней бронзы, которую мы склонны скорее считать культурной общностью либо блоком родственных культур (по В. С. Бочкареву); такое совпадение в дальнейшем должно найти свое объяснение. Сегодня же перед археологами-кавказоведами стоит широкая проблема дальнейшего изучения территориального и хронологического взаимодействия закавказских культур периода средней бронзы⁴⁶.

- ¹ Куфтин Б. А. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941; *Он же*. Археологические раскопки в 1947 г. в Цалкинском районе. Тбилиси. 1948.
- ² Пиотровский Б. Б. Археология Закавказья. Л., 1949. С. 46; *Мартirosян А. А.* Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван, 1964. С. 64, табл. 1.
- ² *Джпаридзе О. М.* К истории грузинских племен во II тысячелетии до н. э. Тбилиси, 1969.
- ⁴ *Джпаридзе О. М., Киквидзе И. А., Авалшвили Г. Б., Церетели А. Т.* Результаты работ Месхет-Джавахетской археологической экспедиции 1970—1977 гг. Тбилиси, 1981; *Джпаридзе О. М., Авалшвили Г. Б., Церетели А. Т.* Памятники Месхети эпохи средней бронзы. Тбилиси, 1985.
- ⁵ *Путуридзе М. Ш.* Культура эпохи средней бронзы Центрального и Восточного Закавказья: (Триалетская культура): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тбилиси, 1983.
- ⁶ *Кушнарева К. Х.* К проблеме выделения археологических культур периода средней бронзы на Южном Кавказе // КСИА. 1983. Вып. 176; *Она же*. Южный Кавказ в VI—II тысячелетиях до н. э.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Ереван, 1986. С. 15.
- ⁷ *Деведжан С. Г.* Лори Берд. Ереван, 1981. Табл. II—IV.
- ⁸ *Мартirosян А. А.* Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван, 1964. Табл. II.
- ⁹ *Ханзадян Э. В.* Элар-Дарани. Ереван, 1979. Рис. 101—108.
- ¹⁰ *Арешян Г. Е.* Малоазийские формы в керамике Армении среднебронзового века // СА. 1973. № 4.
- ¹¹ *Есаян С. А.* Каталог археологических предметов музея г. Еревана. Ереван, 1972. Табл. II.
- ¹² *Кушнарева К. Х.* Тазакантский могильник в Армении // СА. 1960. № 1. Рис. 3, 14.
- ¹³ *Ханзадян Э. В.* Гарни IV. Ереван, 1969. Табл. VI.
- ¹⁴ *Есаян С. А.* Древняя культура Северо-Восточной Армении. Ереван, 1976. Рис. 83.
- ¹⁵ *Есаян С. А.* Оружие и военное дело древней Армении. Ереван, 1966. Табл. V, 7—8.
- ¹⁶ *Есаян С. А.* Древняя культура... Рис. 84.
- ¹⁷ *Калантарян А. А., Хачатрян Ж. Д.* Уникальная находка в бассейне оз. Севан // ВОНАН АрмССР. 1968. № 4.
- ¹⁸ *Куфтин Б. А.* Археологические раскопки в Триалети. Рис. 106; *Мартirosян А. А.* Армения... Рис. 35, б.
- ¹⁹ *Мартirosян А. А.* Армения... Рис. 35, а.
- ²⁰ *Гуммель Я. И.* Крашеная керамика в долине Ганджа-чая // Изв. АН АзССР. 1941. № 2.
- ²¹ *Алиев В. Г.* Новые материалы о культуре расписной керамики в Азербайджане // СА. 1967. № 1.
- ²² *Мартirosян А. А.* Армения... Табл. III.
- ²³ *Cilingrizoglu A.* The second Millenium painted pottery tradition of the Van Lake Bassin // AS. 1984. V. 34.
- ²⁴ *Ibid.*
- ²⁵ *Куфтин Б. А.* Археологические раскопки в Триалети; *Джпаридзе О. М.* К истории...; *Гогодзе Э. М.* Периодизация и генезис курганной культуры Триалети. Тбилиси, 1972. С. 105; *Жоржикашвили Л., Гогодзе Э.* Памятники Триалети эпохи ранней и средней бронзы. Тбилиси, 1974. С. 14—28; *Schaeffer C. F.* La date des Kurgan de Trialeti // Antiquity. 1943. V. 17; *Gimbutas M.* Bronze age culture in Central and Eastern Europe. P., 1965. Pl. 95; *Piggott S.* The earliest wheeled vehicles and Caucasian evidence // PPS. 1978. V. 34; *Rubincon K.* The chronology of Middle Bronze age Kurgans at Trialeti // Biblioteca Mesopotamica. Malibu, 1977. V. 7.

- ¹⁶ *Куфтин Б. А.* Археологические раскопки в Триалети. Табл. CVI.
- ²⁷ *Мартиросян А. А.* Армения... Рис. 28; *Джапаридзе О. М., Киквидзе И. А., Авалшвили Г. Б., Церетели А. Т.* Результаты... Рис. 8, табл. X.
- ²⁸ *Minns E. H.* Review of archaeological excavations in Trialeti — by B. A. Kuf tin // *Antiquity*, 1943. V. 17; *Kuftin B. A., Field H.* Prehistoric culture sequence in Transcaucasia // *Southwest. J. Anthropol.* 1946. N 2.
- ²⁹ *Shaeffer C. F. A.* Stratigraphie comparée et chronology de l'Asie Occidentale. L., 1948. P. 184.
- ³⁰ *Мартиросян А. А.* Армения... Рис. 35.
- ³¹ *Гогодзе Э. М.* Курганное погребение Лило // ВГМГ, 1976. 32В.
- ³² *Куфтин Б. А.* Археологические раскопки в Триалети. Табл. CI.
- ³³ *Пиотровский Б. Б.* Новые данные о древнейших цивилизациях на территории СССР // Докл. на Междунар. конгр. историков в Риме. М., 1955. Рис. 1.
- ³⁴ *Кушнарёва К. Х.* Новые данные о поселении Узерлик-тепе около Агдама // МИА. 1965. № 125. С. 99. Следует отметить, что дата эта небесспорна, ибо определена в результате первого опыта применения метода C^{14} в лаборатории ЛОИА.
- ³⁵ *Ralf E. K. et al.* Radiocarbon dates and reality // *MASCA Newslett.* 1973. V. 9, N 1.
- ³⁶ *Rubinson K.* The chronology... P. 249.
- ³⁷ *Куфтин Б. А.* Археологические раскопки в Триалети. Табл. LXXIII.
- ³⁸ *Hamlin C.* The Habur ware ceramic assemblage of Northern Mesopotamia. Ann Arbor, 1971. P. 31, 67.
- ³⁹ *Hamlin C.* The Early Second Millenium ceramic assemblage of Dinka Tepe // *Iran.* 1974. V. 12. P. 129.
- ⁴⁰ *Vermeule E.* Greece in Bronze Age. Chicago; L., 1972. P. 107.
- ⁴¹ *Stubbings F.* The rise of Mycenaean civilization // *Cambridge Ancient Hist.* 1973. V. 2, pt 1. P. 633.
- ⁴² *Buhholz H. G., Karageorgis V.* Prehistoric Greece and Cyprus. L.; N. Y., 1973. P. 53, 268.
- ⁴³ *Blegen C. W.* Просупна. Cambridge, 1937. V. 2. P. 510.
- ⁴⁴ *Путуридзе М. Ш.* Культура...
- ⁴⁵ *Геолцян С.* Курган открывает тайны // Коммунист. Ереван, 1987. 21 окт.
- ⁴⁶ *Кушнарёва К. Х.* К проблеме...; *Она же.* Южный Кавказ... С. 15; *Симонян А. Е.* Культура эпохи средней бронзы северных районов Армянского нагорья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1981.

Л. Г. Хрушкова

ДВЕ РАННЕХРИСТИАНСКИЕ ТРЕХАПСИДНЫЕ БАЗИЛИКИ АБХАЗИИ

Благодаря расширению архитектурно-археологических исследований в Абхазии за последние годы получены многочисленные новые данные о раннехристианских сооружениях¹. Один из наиболее крупных памятников архитектуры этого времени — Цандрипшская базилика в с. Гантиади, входящем в зону Гагры. Она датируется временем между 527 и 542 гг.² Раскопками 1980 г. выявлены новые важные материалы о памятнике³.

Изначально базилика была трехнефным сооружением с тремя выступающими апсидами, нартексом и портиком перед ним. Деревянное стропильное перекрытие поддерживалось двумя рядами столбов, связанных арками. Памятник построен из тесаного известняка. Для поддержания более позднего свода к столбам были пристроены пилястры. Позже появились западный притвор и южный портик. Общие наружные размеры базилики первоначально: 28 м в длину и 16,7 м в ширину (рис. 1)⁴.

Восточная часть северного нефа была занята баптистерием. В апсиде раскопана крещальная купель в форме трифолия⁵. В восточной части южного нефа размещалась мемориальная часовня. Здесь открыто две гробницы, стол у апсидной стены и скамьи. Наличие крещальни и мемориальной капеллы хорошо объясняет необычную черту плана церкви — расширение восточных частей боковых нефов. Алтарное пространство замыкалось преградой, остатки которой раскрыты на линии бемы. Посетители из крещальни и мемориальной

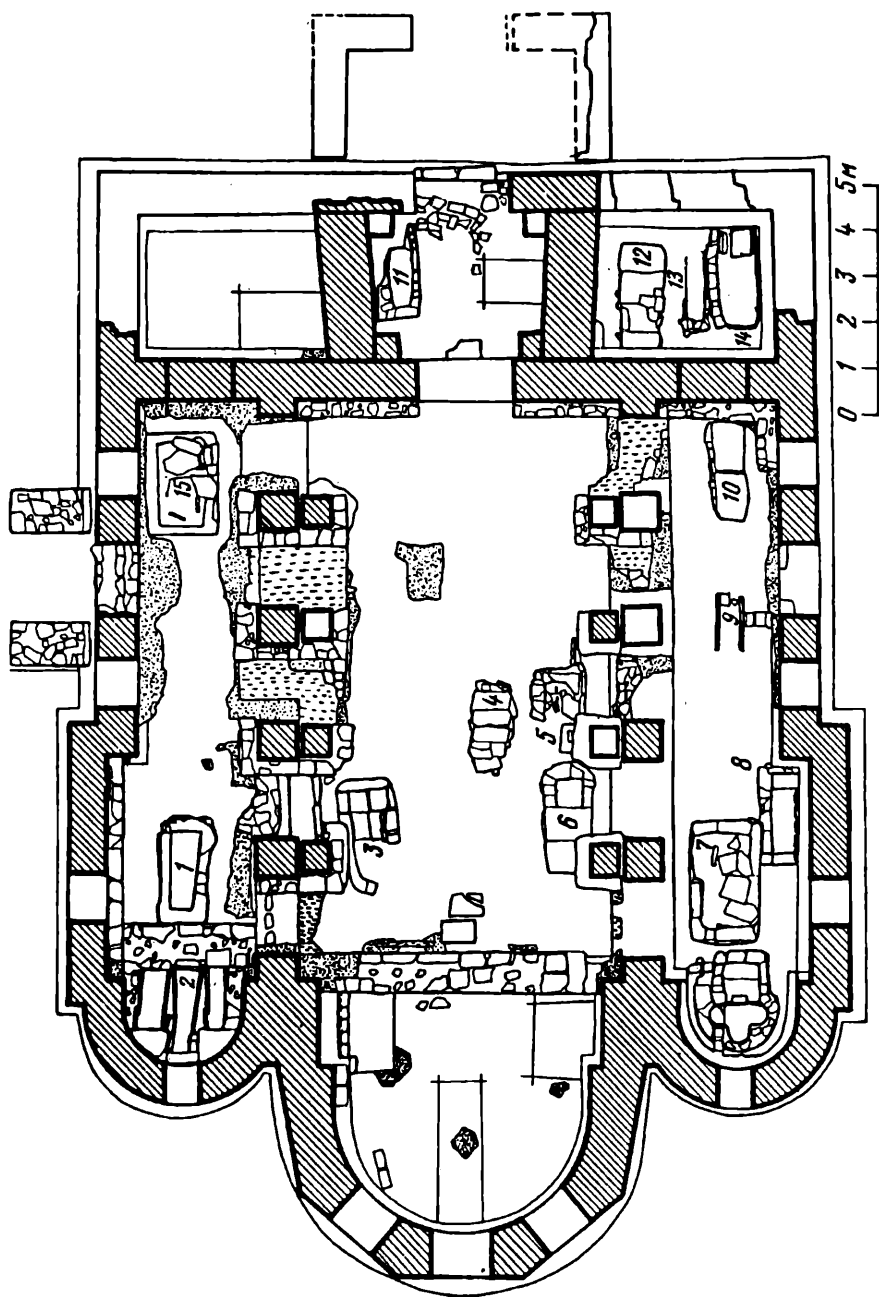

Рис. 1. Цаэришская базилика. План
1—15 — гробницы

часовни должны были переходить в восточную часть наоса, но не в алтарь. Таким образом, функциональное своеобразие восточной части базилики обусловило ее композицию с сильно выдвинутой вперед центральной апсидой, которая не сообщалась с боковыми.

Очевидно, что боковые апсиды Цандрипшской базилики не могли участвовать в литургии евхаристии, поэтому здесь трехапсидная форма не связана с «литургической революцией», т. е. введением константинопольского ритуала Великого и Малого Входов⁶. План восточной части базилики указывает на архаизирующий характер памятника, связанного с сиро-палестинскими традициями. Самая ранняя датированная церковь с тремя выступающими апсидами — Калат-Семан (476 г.) в Сирии⁷. С Сирией связана группа кипрских трехапсидных базилик V в., когда Кипр относился к церковной юрисдикции Антиохии⁸. К первой трети VI в. относятся трехапсидные базилики Палестины⁹. Крещальную купель, вписанную в апсиду, исследователи считают типичной чертой сирийских церквей¹⁰. Размещение мемориальной часовни в пастофории, нередко в южной, можно сопоставить с ее расположением в восточной части южного нефа в Цандрипшской базилике. Эта особенность характерна для сирийских базилик V—VI вв.¹¹

Кроме гробниц в восточной части южного нефа, служивших предметом поклонения, в разных частях базилики открыто еще 13 гробниц из камня, кирпича и черепицы, сложенных на растворе. Они располагались на глубине 0,5—1,25 м ниже уровня пола. Особняком стоит гробница 9 из плит мрамора, использованных вторично. Гробницы 3, 5, 6, 10, 11 использовались один раз; у первых трех крышки были скреплены со стенками тонким слоем раствора. В гробницах 3, 10, 11 были обнаружены стеклянные сосуды. Соотношение гробниц с фундаментами и стенами базилики указывает на синхронность сооружения и этих захоронений. К более позднему времени может относиться только гробница 9.

Тип гробниц, открытых в Цандрипше, широко распространен в Средиземноморье на позднеримских и раннехристианских кладбищах, а также в церквях V—VI вв. В Грузии подобные гробницы многочисленны во Мцхете, известны они и в Абхазии: в церкви VI в. в Питиунте (Пицунда) и церкви доюстиниановского времени в Гюзносе (Очамчира)¹².

Раскопки обнаружили свыше 70 фрагментов мраморной декорации юстиниановского времени. Они принадлежат к проконниской продукции, которая вывозилась в Восточное Причерноморье, преимущественно в район между Пицундой и Сочи¹³. Мрамор украшал Цандрипшскую базилику только в первоначальном состоянии. На одном фрагменте сохранилась часть греческой надписи, которая читается АВАСΓΙΑС («абазгский», «из Абазгии»), выполненная четким унциалом. Надпись служила, скорее всего, эпитафией¹⁴.

На своде конхи было уложено свыше 20 амфор. Такой прием облегчения конструкции широко применялся в римско-византийском строительстве. Большинство амфор коричневоглиняные, остродонные, суженные в средней части тулова. Подобные амфоры широко распространены в Причерноморье и Восточном Средиземноморье, где датируются V—VII вв. К цандрипшским очень близки амфоры, обнаруженные на своде Драндского храма и датированные первой половиной VI в.¹⁵

Кирпичи и черепица, использованные в кладке гробниц, синхронны базилике. Размеры кирпича: 33,5 × 33,5 × 2,4; 39 × 24 × 2,5; 39 × 25 × 2,5; 38 × 24 × 3,5 см. Размеры черепицы: длина 56 см, ширина 23 и 28 см, высота бортика 4,5 см, его длина 43 см, ширина 25 и 30 см, высота 5,5 см. Сужение черепицы выражено только с внешней стороны.

Базилика перестраивалась, вероятно, в VIII—IX вв. Стропильное перекрытие

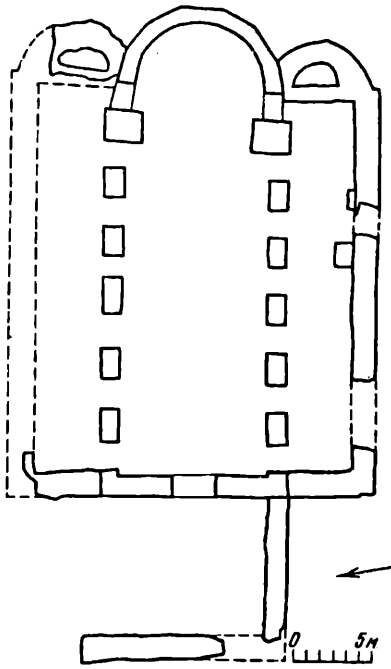

Рис. 2. Первая базилика в с. Алахадзы. План

Примерно в 20 км от Гантиади, в с. Алахадзы, расположена другая крупная базилика, типологически близкая к цандрипшской. Она входит в состав архитектурного комплекса VI—X вв., открытого П. С. Уваровой¹⁶. В 1971—1972 гг. З. В. Агрба раскопал базилику¹⁷, которая, как показали работы 1985—1986 гг., была результатом реконструкции более древней и обширной базилики¹⁸.

Древняя базилика Алахадзы была трехнефной, с тремя выступающими апсидами и нартексом (рис. 2). Это одна из самых крупных базилик Закавказья. Ее общие размеры: длина 50 м, ширина 28 м. Центральная семигранная апсида сохранилась на высоту до 1 м, западная стена центрального нефа — до 4,2 м. От южной апсиды сохранился фрагмент кладки высотой 0,35 м над фундаментом, позволяющий предполагать, что боковые апсиды были полуциркульными. Алтарная часть обладала одной редкой особенностью: она сообщалась с боковыми апсидами посредством проемов, расположенных в апсидной стене, поскольку апсида не имела бемы¹⁹. Характерная черта плана базилики Алахадзы — укороченность.

Перекрытие базилики поддерживалось двумя рядами столбов. Ширина центрального нефа превышает 11 м, поэтому перекрытие могло быть только стропильным. Массивные столбы соединялись арками, из которых одна, расположенная в западном конце базилики, сохранилась частично. Глубина фундаментов боковых нефов 0,95—1 м, нартекса 0,7 м, промежуточных опор 1,3 м. Западные стены боковых нефов отделялись от стены центрального нефа деляционными швами. Стены нартекса также были отделены от нефа швом. Можно предполагать поэтому, что центральный неф возвышался над боковыми и сооружение имело характерный профиль базилики эллинистического типа.

Стены базилики Алахадзы сложены из тесаного камня и кирпича в системе

заменяли кирпичным сводом, в кладке которого использована и черепица. Длина кирпичей здесь от 30 до 32 см, ширина от 26 до 28 см, толщина 3—3,5 см. Длина черепицы 41 см, ширина 20—23 см, высота бортика 6 см.

В период позднего средневековья базилика превратилась в усыпальницу. Раскрыты остатки 134 погребений, большинство из которых было в разрушенном состоянии. Фундаменты базилики глубиной 1,6—1,8 м впущены в стерильный слой песка. Разнообразные археологические материалы характеризуют различные периоды жизни памятника.

Дата Цандрипшской базилики — вторая четверть VI в. — обосновывается согласованными данными архитектуры и археологии. В этом отношении базилика занимает исключительное положение среди памятников архитектуры этого времени в Восточном Причерноморье, датировка которых почти всегда проблематична.

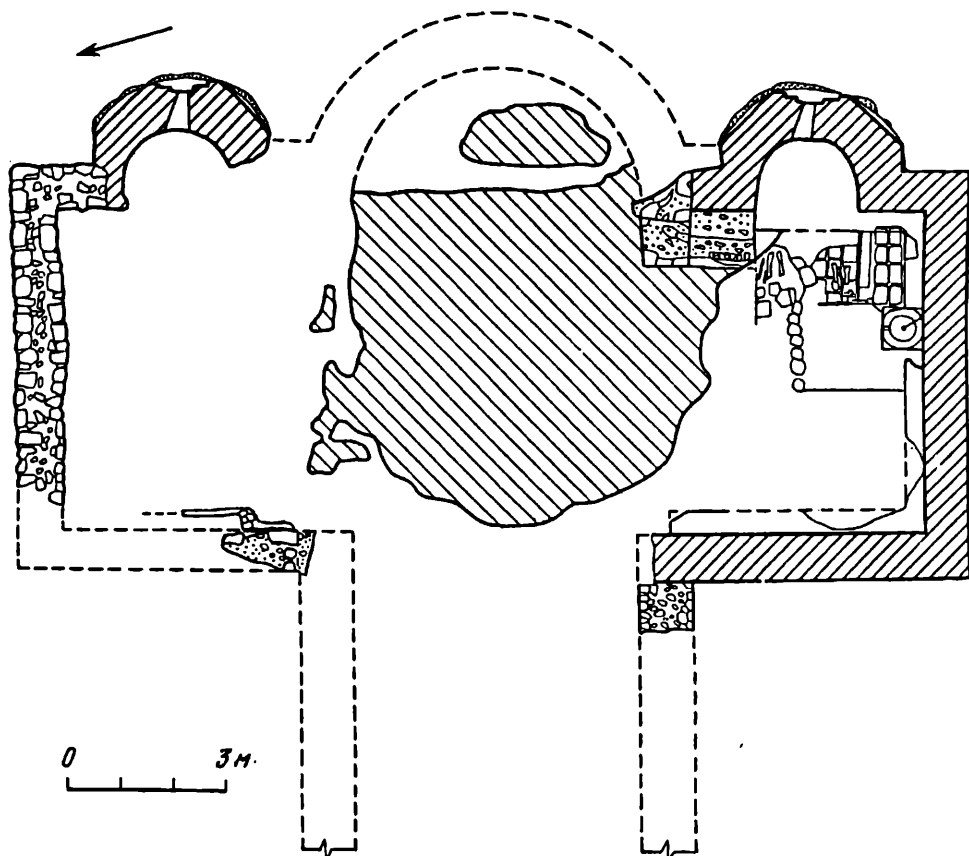

Рис. 3. Церковь за стенами городища Питиунт. План

opus mixtum с четырехрядным кирпичным поясом. Размеры кирпичей: $30 \times 22 \times 5,5$; $31 \times 20 \times 4$; $32 \times 19 \times 3$; $33 \times 20 \times 4$ см, толщина раствора между рядами кирпича от 2,8 до 7,2 см, преобладает 4—5 см. В кладке стен использован своеобразный материал — керамические ящики, заполненные бутом, вероятно, антисейсмического назначения. Фундаменты выложены из не крупного булыжника на растворе.

Базилики Алахадзы и Цандрипша обладают серией общих черт: в планировке это три апсиды, из которых центральная граненая, а боковые полуциркульные. Для Алахадзы, так же как и для Цандрипша, свойственна архаичная структура святилища, апсиды не снабжены бемами и отсутствуют протесис и дяконник. Обе базилики имеют нартекс, но, несмотря на это, продольная ось не акцентирована. И в Цандрипше и в Алахадзы нефы были первоначально перекрыты стропилами, которые опирались на столбы, связанные арками. Базилику Алахадзы тоже можно датировать первой половиной VI в.

Оба сооружения являются представителями эллинистического типа базилик, существенными чертами которого является наличие деревянного перекрытия и нартекса²⁰. Большинство базилик Грузии принадлежит к восточному типу²¹. От эллинистических базилик Средиземноморья оба памятника Абхазии отличаются важной особенностью: опорами здесь служили не колонны, а столбы,

которые связывались не архитравом, а арками, как в базиликах Сирии²². Кроме того, центральный неф цандрипшской базилики лишь незначительно возвышался над боковыми²³. И наконец, наличие трех апсид также отличает базилику Абхазии от большинства эллинистических, сохранявших античную одноапсидную форму восточной части.

После реконструкции базилика Алахадзы занимала только центральный неф прежнего сооружения. Перекрытием ее служил свод, для поддержания которого были возведены два ряда новых опор. В характере перестроек также видно сходство с цандрипшской базиликой.

К VI в. относится еще одна трехапсидная церковь на Пицундском мысу, за стенами городища Питиунт. Это однонефная постройка с двумя симметричными боковыми помещениями, снабженными апсидами (рис. 3)²⁴. Здесь апсиды, как и в Цандрипше, не сообщаются между собой и не образуют трехчастного святилища. Еще одна черта сходства с цандрипшской базиликой: южное помещение имело мемориальные функции, здесь под полом обнаружены стол и гробницы. Последние также близки к цандрипшским. Церковь была построена на остатках более древних сооружений: небольшого мартирия и часовни²⁵.

Трехапсидные церкви Цандрипша, Алахадзы и Питиунта отражают начальный этап формирования трехапсидного святилища. Эти материалы приобретают особую важность, поскольку непосредственно сам процесс не прослеживается с достаточной ясностью. Трехапсидные церкви Абхазии составляют самостоятельную группу в Закавказье. В Северном Причерноморье известна одна трехапсидная базилика — Эски-Кермен²⁶.

Рассмотренные церкви дают более широкое представление о специфических чертах раннехристианской архитектуры Восточного Причерноморья, ее связях с другими регионами.

¹ Хрушкова Л. Г. Цандрипш: Материалы по раннехристианскому строительству в Абхазии. Сухуми, 1985.

² Леквинадзе В. А. Гантиадская базилика//СА. 1970. № 3. С. 162—164; *Он же*. О постройках Юстиниана в Западной Грузии//ВВ. 1973. Т. 34. С. 181—185.

³ Хрушкова Л. Г. Раскопки Цандрипшской базилики в с. Гантиади (Абхазия)//АО 1980 г. М., 1981. С. 411, 412; *Она же*. Цандрипшская базилика в селе Гантиади близ г. Гагра//АО 1980 г. в Абхазии. Тбилиси, 1982. С. 37—44; *Она же*. Цандрипш. С. 15—60.

⁴ Леквинадзе В. А. Гантиадская базилика. С. 164, 165. Новый обмер 1980 г. (выполнен Т. В. Зантария и автором) показал, что у центральной апсиды крайние грани сужаются, а не параллельны, как представлено на ранее опубликованных планах. В этом отношении исключение составляет план, опубликованный в кн.: *Alpago-Novello A., Beridze V., Lafontaine-Dosogne J. Art and architecture in Medieval Georgia. Louvaine-la-Neuve, 1980. P. 326.* Но в нем имеются другие неточности, в частности не показан нартекс.

⁵ Близкая к ней форма креста открыта еще в двух крещальнях Абхазии: в церкви 3 крепости Цибил (см.: Хрушкова Л. Г. Три церкви в горной Абхазии (раскопки 1977—1979 гг.)//ВВ. 1982. Т. 43. С. 165—168, рис. 25) и в Драндской церкви, см.: *Хотелашвили М. К., Якобсон А. Л. Византийский храм в селе Дранда и найденные в нем средневековые амфоры//ВВ. 1984. № 45. Рис. 8.*

⁶ Официально введен в 574 г., но церемония внесения даров практиковалась и при Юстиниане I. Нередко датировка памятников исходит из представления о том, что появление трехапсидного святилища обусловлено введением ритуала двух входов (см., напр.: *Stricević D. I monumenti dell'arte paleobizantina in rapporto con la tradizione antica ed all'arte medioevale nelle regioni centrali del Balcani//ЗРВИ. 1964. Т. 8; Melange G. Ostrogorsky. Pt 2. P. 404.*) Новое рассмотрение вопроса Т. Мэтьюзом показало несостоятельность этого мнения: *Mathews T. F. The early churches of Constantinople: Architecture and liturgy. L., 1971. P. 105—107.*

⁷ *Mathews T. F. The early churches... P. 105, 106, fig. 51.*

⁸ *Megaw A. H. S. Byzantine architecture and decoration in Cyprus: Metropolitan or provincial?//DOP. 1974. V. 28. P. 60, fig. B — D; Idem. Excavation at the basilica of Courion in Cyprus in 1974 and 1975: A preliminary report//DOP. 1976. V. 30. P. 370; Delvoye Ch. L'art paleochrétien de Chypre//XVe Congr. intern. d'études byzantine: Rapports et co-rapports. Athènes, 1976. V. 5: Chypre dans le monde byzantin. P. 26.*

- ⁹ *Crowfoot J. W.* Early churches in Palestine. L., 1941. P. 73.
- ¹⁰ *Lassus J.* Sanctuaires chrétiens de Syrie. P., 1947. P. 15, 217, 218; *Khatchatrian A.* Les baptistères paléochrétiens: Plans, notices et bibliographie. P., 1962. Fig. 38, 39, 49, 63, 64; *Godlewski W.* Les baptistères Nubiens. W-wa, 1979. S. 34; *Christern J.* Die Grundrisstypen der frühchristlichen Basiliken in Algerien und Tunesien. Bonn, 1960. S. 102; В Абхазии — баптистерий в Зиганисе (Гудава), см.: *Захаря П. П., Леквинадзе В. А.* Археологические раскопки в Гудава в 1971 г. // АЭГМ. 1972. Вып. 3. С. 139; *Khroushkova L. G.* Les baptistères paleochrétiens du littoral oriental de la mer Noire // ЗРВИ. 1981. Т. 20. P. 18.
- ¹¹ *Lassus J.* Sanctuaires chrétiens... P. 126, 163, 179, 180, 217; *Harper R. P.* (with app. by T. J. Wilkinson). Excavation at Dibsī Faraj, Northern Syria, 1972—1974; A preliminary note on the site and its monuments // ДОР. 1975. V. 29. P. 333, fig. E.
- ¹² *Кобахия Б. С., Хрушкова Л. Г., Шамба С. М.* Результаты исследований раннехристианской церкви на городище Гюэнос // АО 1983 г. в Абхазии. Тбилиси, 1987. С. 22—28; *Они же.* Новая раннехристианская церковь на городище Гюэнос (Абхазия) // ВДИ. 1987. № 1. С. 132—137 (там же библиография).
- ¹³ *Хрушкова Л. Г.* Скульптура раннесредневековой Абхазии V—X вв. Тбилиси, 1980. С. 9—18, табл. I—VIII.
- ¹⁴ *Хрушкова Л. Г.* Греческая надпись из Цандрипшской (Гантиадской) базилики // Источниковедческие разыскания, 1982. Тбилиси, 1985. С. 224, 230.
- ¹⁵ *Хотелашвили М. К., Якобсон А. Л.* Византийский храм... С. 193—200 (там же библиография).
- ¹⁶ *Уварова П. С.* Христианские памятники Кавказа // Материалы по археологии Кавказа. 1894. Вып. 4. С. 11.
- ¹⁷ *Агрба З. В.* Раскопки раннесредневековой базилики в селе Алахадзы Гагрского района // Мацне. 1972. № 3. С. 149—160.
- ¹⁸ *Хрушкова Л. Г.* Цандрипш. С. 66, табл. XIII.
- ¹⁹ Сходное решение в церкви Мазылык Килисе в Киликии, см.: *Edwards W.* Two new Byzantine churches in Cilicia // AS. 1982. V. 32. P. 27, fig. 2.
- ²⁰ О восточном и эллинистическом типах базилик см.: *Millet G.* L'école grecque dans l'architecture byzantine. P., 1916. P. 16—62.
- ²¹ *Беридзе В. В.* Грузинская архитектура «раннехристианского» времени (IV—VII вв.). Тбилиси, 1974. С. 8—25; *Он же.* Грузинская культовая архитектура IV—VII вв. // Докл. на II Междунар. симпоз. по груз. искусству. Тбилиси, 1977. С. 16, 24; *Джабуа Н. А.* К вопросу о сравнительном характере сирийских и грузинских базилик // Мацне. 1983. № 2. С. 98—109. На груз. яз., рус. рез.
- ²² *Lassus J.* Sanctuaires chrétiens... P. 67.
- ²³ *Леквинадзе В. А.* Гантиадская базилика... С. 165, 166.
- ²⁴ На рис. 2 и 3 представлены планы по обмерам, выполненным в 1985—1986 гг. автором при участии Б. С. Кобахия.
- ²⁵ *Лордкипанидзе Г. А., Агрба З. В.* Раскопки на территории комплекса Пицундского храма // АО 1980 г. в Абхазии. Тбилиси, 1982. С. 26—31; *Агрба З. В.* О некоторых археологических памятниках на территории Пицундского храма // Изв. Абхаз. ин-та яз., лит. и истории. 1985. Т. 13. С. 104, 105; *Хрушкова Л. Г.* Цандрипш. С. 64, 65, табл. XIV, 3; *Она же.* Раннехристианские саркофаги из Абхазии // ВВ. 1985. Т. 45. С. 207—210.
- ²⁶ *Шмит Ф. И.* Эски-Керменская базилика // Изв. ГАИМК. Л., 1932. Вып. 1/8. С. 213—253.

V. A. Alöksin. Die mysterischen Bestattungen in Vorder- und Mittel-Asien

Es handelt sich um den Beerdigungsritus der mysterischen Bestattungen in Palestina, Mittel-Asien und im Irak. Die Fragen des chronologischen Verhältnisses dieser Bestattungen wurden durchgesehen. Die archäologische Periodisierung wurde in Wechselbeziehung mit den absoluten Daten gebracht. Mysterische Bestattungen zeugen von der besonderen Etappe der Evolution des Ritus. Die späteren Beerdigungszeremonien sind in Verbindung genetisch mit den Riten der Vermehrung und der Fruchtbarkeit.

A. K. Kasparov. Die knöchernen Werkzeuge der prahstädtischen Ansiedlungen der Süd-Turkmenien

Die Materialien der Ansiedlungen der Kopet-Dag-Vorgebirge Dzejtun (VI Jt. v.), Ilgynlydepe (VI—III Jt. v.), Altyndepe (III Jt. v.) und Sarazm (III—II Jt. v.) im Tal des Zeravsan-Flusses wurden benützt. Die Analyse der knöchernen Werkzeuge wurde vom Autor durchgeführt. Die artliche und anatomische Angehörigkeit dieser Gegenstände wurde fertgesetzt.

Ju. Je. Berözkin. C¹⁴-Daten aus Ilgynlydepe in Turkmenien

Es handelt sich um die Problemen der Herkunft des archäologischen Geoksür-Komplexes und die Möglichkeit seiner genetischen Kontinuität von den früheren Jalongac-Komplex. Im Artikel wurde die archäologischen Materialien der vielschichtigen eneolithischen Ansiedlung Ilgynlydepe (Süd-Turkmenien) benützt. Die C¹⁴-Daten wurden angeführt: die Jalongac-Schicht — 3400—3200, die von Geoksür — 2900—2800 Jt. v. (früher der Geoksür-Komplex wurde 3200—2800 Jt. v. datiert).

Ju. L. Zadneprovskij. Die strittigen Fragen der Kulturgeschichte des uralten Fergana

Der Artikel fast die Polemik von Yu. L. Zadneprovskij und N. G. Gorbunova nach einige Fragen, die mit der Kultur und der Geschichte des Fergana in Verbindung stehen. Der Autor äussert seine Meinung von verschiedenen Fragen der Herkunft, der Einheit und des Verhältnisses der verschiedenartigen Kulturen. Er schliesst die Schlussfolgerung daraus, dass die Eigenarten der historischen Prozessen und historische Ferganas Ethnographie der uralten Periode von N. G. Gorbunova nicht präzis charakterisiert wurden.

V. A. Měskeris. Die antike Parallele in musikalischer Kultur des Mittel-Asien

Es handelt sich um die Kontakten des Mittel-Asien mit den Ländern der antiken Welt im Gebiet der musikalischen Kultur. Der Autor benützte die Materialien der Mitte I. Jt. v. — VIII Jh. u., die drei Perioden umfassen.

1. Prähistorische Traditionen (zweite Hälfte der I Jt. v.). Die beiderseitigen Kontakten zwischen die osthellenistischen Ländern wurden aufgestellt.
2. Hellenistische Traditionen (das Ende IV — III Jh. v.). Der Übergang von unmittelbarer Entlehnung der Elementen der griechischen Kultur zur Assimilation der westlichen Einflüssen.
3. Späthellinistische Traditionen.

V. A. Zavjalov. Die knpcherne Gegenstände der Toilette von den Denkmälern des Mittel-Asien der kusanischen und nachkusanischen Zeit

Dje Erzeugnisse aus Bein und Horn von Baktria-Tacharistan wurden geprüft. 111 Erzeugnisse von spätkusanischen oder kusanisch-sasanididischen Schichten der prähistorischen Ansiedlung Zartepe wurden in 4 Gruppen (antropomorphische, zoomorphische, geometrische und Pflanzengruppe), in Typen und Varianten eingeteilt (Abb. 3). Die chronologischen und territorialen Grenzen der einigen Typen der Erzeugnisse wurden angedeutet.

D. Abdulloev. Sogdischer Nachlass in der Kultur des Kalifates

Es handelt sich um die Elementen der Kunst der Völker des Mittel-Asiens in der Kultur des Kalifates, zum Beispiel eine Szene des Tierlaufes von Pjandzikent (Abb. 1) und von Samarra IX Jh. n. (Abb. 2). Diese Fabel wurde in X—XII Jh. in angewandter Kunst des Iran und des Irak weit verbreitet. Sogdische Elementen erschienen in architektonischer Dekoration des Iran (Samarra — IX—X Jh) und des Nahen Ostens (Iordaien — VIII Jk. gleichzeitig mit der Eindringung ins Territorium Sogd (Afrasiab) der Einflüssen von den zentralen Kalifat-Gebiete.

M. D. Chlobystina. Der Beerdigungsritus der Kitaj-Kultur des Bajkal-Gebietes

Sowohl die sozialen- und Familienstrukturen als auch die geschlechtsalterliche Besonderheiten der diese Denkmäler (die Beerdigungskomplexe der Untere- und Obere-Angara (VI Jt. v.) (Abb. 1) hintergelassene Kollektiven haben ihren Niederschlag im Beerdigungsritus gefunden. Die stadialen Analogien mit nordeurasischen Bestattungskomplexen der mesolithischen und neolithischen Epochen gestatten der Kitaj-Komplex im einheitlichen Prozess der Entwicklung der frühzeitlichen gesellschaftlichen und ideologischen Gentilstrukturen einzuschließen

M. F. Kosarev, V. T. Galkin. Die Ansiedlung Jurgarkul III in der Untere-Tobol

Die Ansiedlung Jurgarkul III befindet sich auf einer Platte in der Sumpfggend in 50 km nach Süden von Tobolsk. 4 chronologische Kulturkomplexe der Stein- und Bronzezeit wurden abge sondert (Abb. 1—3). Die koskinko-boborykinskij Keramik, die für unteren Schichten charakteristisch ist, hat einige Ähnlichkeitsmerkmale mit neolithischem Geschirr des aralo-kaspischen Gebiets.

M. N. Pšenitzyna, B. N. Pjetkin. Die künstlerischen Gegenstände der Okunöwki-Kultur von dem Hügelgrab Razliv X

Der Hügel Razliv X befindet sich in der Zone des Krasnojarsk-Stausees (Ausgrabungen 1973—1974). In der Umzäunung des Hügels waren 11 Gräber: 10 mit steinernen Kisten (2 Kiste mit den Tierknochen). Auf der Wandplatten der 5. Kiste gibt es Abbildungen der Stiere, antropomorphische Figuren, Maske (Abb. 1, 3), die in der Technik der Gravierung mit der Ockeranwendung erfüllt wurden. Die Kollektivbestattungen überwiegen: in den Gräbern 1 und 6 wurden wenigstens 20 Menschen bestattet, in anderen — 1—5. Die Spuren nachgelassener Schädelbohrung wurden fixiert. Das Grabinventar wurde in drei Gräbern gefunden (Abb. 2). Ein Amulett aus Elchhorn ist einzigartige Funde (Abb. 2).

G. N. Kuročkin. Der grosse Poltakovskej Hügel — ein Gentilgrabmal des Tagar-Adels

Die Materialien der Ausgrabungen des reichen Hügels des Tagar-Adels in Chakassie im Jahre 1988 wurden veröffentlicht. Unter die 3 Meter hoch Aufschüttung des Hügels waren 4 Gräber: die zentrale Umzäunung mit der Bestattung des Stammvaters (VII Jh. v.), ringsum dieser Bestattung die spätere Gräber mit der Kollektivbestattungen (Abb. 1). Die Bestattungen im verkohlten Blockbau wurden von dem Geschirr, den Waffen, den bronzenen und goldenen Gegenständen begleitet (Abb. 2—4). Die Gräber 1—3 gehören zur Saragašenskij Etappe der Tagar-Kultur (das Ende VII — die Grenze VI — V Jh. v.).

O. I. Plamenevskaja. Die Elementen des Beerdigungsritus der Bestattungsstätte Kadatskoje Pole

4 Hügeln der Saragašenskij Etappe der Tagar-Kultur (IV — III Jh. v.) befinden sich auf der linken Küste des Stausees (Veres-Fluss) der Krasnojarsk-Region. Die Ausgrabungsmaterialien der Hügeln (1 und 2) gestatten die Rekonstruktion der Beerdigungsritus der Kollektivbestattungen zu schaffen. Die Funde in den Bestattungen: Geschirre, Werkzeugen, Waffen, Schmuckwerke u. a. (Abb. 1—3).

Vl. A. Semönov. Die Bestattungen der frühzeitlichen Nomaden in der Tal des Torgalyk-Flusses (Tuva)

Es handelt sich um die Ausgrabungsmaterialien, die im Jahre 1984 in den Hügelgräber in Gebiet zwischen den Flüssen Torgalyk und Codura entdeckt wurden. Der Hügel 2 hat 3 skythische, 2 hunnische und 4 unbestimmte kindliche Bestattungen (Abb. 1, 2). Das ist der erste Hügel des Aldybelskij Typs (VII—VI Jh. v.) auf der Seite von Ulug Hem. Der stark geplünderte Hügel wurde die Grenze I Jh. u. datiert.

K. Ch. Kusnar'ova. Noch einmal von einigen Aspekten der Trialeti-Kultur

Es handelt sich um die verschiedenen Aspekten der Materialkultur, die Chronologie und das Areal einer von den hervorstechenden Kultur der kaukasischen Bronzezeit — der Trialeti-Kultur. Die früher nicht übergesehenen Angaben (überwiegend die Gefässe von Armenien, Aserbaidschan, die Türkei, die Keramik der dritten Gruppe der Bestattungen der Trialeti-Kultur (die Mittelbronzezeit) ähnlich sind wurden herangezogen. Im Artikel wurde das Areal der Trialeti-Kultur in XVII — XV Jh. v. bestimmt.

L. G. Chruškova. Zwei frühchristliche Basiliken mit drei Apsiden in Abchasien

Es handelt sich um die Basiliken, die auf dem Territorium der Stadt Gagra ausgegraben wurden. Die Zandripschki Basilike (zweites Viertel der VI Jh. u.) wurde aus behauene Kalkstein gemauert (Abb. 1). Im späteren Mittelalter wurde sie in die Gruft umgeändert. Die Basilike in Achaladzy (die erste Hälfte des VI Jh. u.) wurde aus Stein und Ziegel gemauert (Abb. 2) und rekonstruiert. Die beiden Basiliken sind hellenistischer Typ: mit hölzerner Überdeckung, Nartex und drei Apsiden. Der Tempel auf der Pitzunda-Landzunr gehört zum VI Jh. u. (Abb. 3).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО	— Археологические открытия
АСГЭ	— Археологический сборник Государственного Эрмитажа
АЭГМ	— Археологические экспедиции Государственного музея Грузии
БД	— Бактрийские древности
ВВ	— Византийский вестник
ВГМГ	— Вестник Государственного музея Грузии
ВДИ	— Вестник древней истории
ВОН АН АрмССР	— Вестник общественных наук Академии наук АрмССР
ГИМ	— Государственный Исторический музей
ДБ	— Древняя Бактрия
ЗЗСОРГО	— Записки Западно-Сибирского отделения Русского географического общества
ЗКВ	— Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее РАН
ЗРАО	— Записки Русского археологического общества
ЗРВИ	— Сборник радова Византологического института
ИА	— Институт археологии РАН
ИАИЯЛИ	— Известия Абхазского института языка, литературы и истории АН ГССР
ИГАИМК	— Известия Государственной академии истории материальной культуры
Изв. АН Уз.ССР	— Известия Академии наук УзССР
Изв. ГАИМК	— Известия Государственной академии материальной культуры
ИМКУз	— История материальной культуры Узбекистана
КАТЭК	— Канско-Ачинский тепло-энергетический комплекс
МАИКЦА	— Международная ассоциация по изучению культур Центральной Азии
МАК	— Материалы по археологии Кавказа
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
НДК	— Начальная дата Канишки
ОАК	— Отчеты археологической комиссии. СПб.; Пг.
ОНУз	— Общественные науки Узбекистана
ПВ	— Проблемы востоковедения
СА	— Советская археология
СГЭ	— Сообщения Государственного Эрмитажа
ТИИА АН Уз.ССР	— Труды Института истории и археологии АН УзССР
ТСА РАНИОН	— Труды секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук
ТТКЭН	— Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции Института этнологии Российской АН
ТЮТАКЭ	— Труды Южнотуркменской археологической комплексной экспедиции
ХАЭЭ	— Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция
ЮТАКЭ	— Южнотуркменская археологическая комплексная экспедиция
AS	— Anatolian Studies
BAR	— British Archaeological Report

BSPF	— Bulletin de la Soci�t� pr�historique fran�aise
DOP	— Dumbarton Oaks Papers
JAA	— Journal of Anthropological Archaeology
JAS	— Journal of Archaeological Science
JWP	— Journal of World Prehistory
MASCA	— Museum applied Science Centre for Archaeology
MDAFA	— Memoires de la Delegation archeologique Fran�aise en Afghanistan
PPS	— Proceedings of the Prehistoric Society. Cambridge
SJA	— Southwestern Journal of Anthropology

СОДЕРЖАНИЕ

Средняя Азия

<i>В. А. Алексин.</i> Мустьерские погребения Передней и Средней Азии	3
<i>А. К. Каспаров.</i> Костяные орудия из протогородских поселений Южной Туркмении	9
<i>Ю. Е. Березкин.</i> Радиоуглеродные даты с Илгылы-депе в Туркмении	12
<i>Ю. А. Заднепровский.</i> Спорные вопросы истории культуры древней Ферганы	17
<i>В. А. Мешкерис.</i> Античные параллели в музыкальной культуре Средней Азии	24
<i>В. А. Завьялов.</i> Костяные предметы туалета из памятников Средней Азии кушанского и посткушанского времени	31
<i>Д. Абдуллоев.</i> Согдийское наследие в культуре халифата	41

Сибирь

<i>М. Д. Хлобыстина.</i> Погребальный обряд китойской культуры Прибайкалья	45
<i>М. Ф. Косарев, В. Т. Галкин.</i> Поселение Юргаркуль III в Нижнем Притоболье	50
<i>М. Н. Пшеницына, Б. Н. Пяткин.</i> Памятники окуневского искусства из кургана Разлив X	58
<i>Г. Н. Курочкин.</i> Большой Полтаковский курган — родовая гробница тагарской знати	67
<i>О. Л. Пламеневская.</i> Погребальный обряд могильника Кадатское поле	75
<i>Вл. А. Семенов.</i> Погребения ранних кочевников в долине р. Торгалык (Тува)	82

Кавказ

<i>К. Х. Кушнарева.</i> Еще раз о некоторых аспектах триалетской культуры	89
<i>Л. Г. Хрушкова.</i> Две раннехристианские трехабсидные базилики в Абхазии	101
<i>Resümee</i>	108

Научное издание

АРХЕОЛОГИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ, СИБИРИ И КАВКАЗА КСИА, вып. 209

Утверждено к печати Институтом археологии Российской академии наук

Редактор издательства *Е.А. Сенькин*. Художественный редактор *В.Ю. Яковлев*
Технический редактор *И.Н. Жмуркина*. Корректоры *А.Б. Васильев, Ю.Л. Косорыгин*

Сдано в набор 04.12.92. Подписано к печати 25.03.93. Формат 70×100¹/16. Гарнитура таймс
Печать офсетная. Усл. печ. л. 9,1. Усл. кр.-отт. 9,4. Уч.-изд. л. 9,8
Тираж 600 экз. Тип. зак. 3568.

Ордена Трудового Красного знамени издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90.

2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6.